

ПИОНЕР 12

ДЕКАБРЬ ● 1972 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РСФСР

Герб Союза Советских Социалистических Республик

Узбекская ССР

Украинская ССР

Белорусская ССР

Тридцатое декабря тысяча девятьсот семьдесят второго года. В этот день по всей нашей стране зардеют красные флаги, во всю ширину улиц распахнутся торжественные транспаранты. Пятнадцать советских республик будут праздновать день рождения своего братства.

Наша Родина — СССР. Утро ее — Революция. Родина наша мужала в сражениях и труде. Ее руки привыкли и к штурвалу комбайна и к штурвалу сверхзвукового истребителя... Наши победы давались нам нелегко. Поэтому так крепко наше единство, поэтому так монолитно шагаем мы в едином строю.

СССР — победа над фашизмом. СССР — рука помощи, протянутая другу. СССР — могучие заводы, широкие колхозные поля. СССР — веселые пионерские песни. СССР — корабли, уходящие в космос. СССР — вечные красные звезды Кремля.

Казахская ССР

Грузинская ССР

Азербайджанская ССР

МОЯ СТРАНА СССР

ДОРОГОЙ ДРУГ, ЧИТАТЕЛЬ «ПИОНЕРА»! СЕГОДНЯ Я ХОЧУ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ О САМОМ ГЛАВНОМ, О НАШЕЙ РОДИНЕ.

Кто ты? Мальчик? Девочка? Где ты живешь? Может быть, на острове Сахалин. А может, в Ереване. Или в северном городе Архангельске. Или, может быть, в горном ауле моего родного Дагестана... Я знаю эти края, знаю и десятки других мест в нашей стране. Я часто вспоминаю их. То снег кипит у меня перед глазами, то поливает острый солнечный ливень. Я вспоминаю рыбака из Петропавловска-на-Камчатке, и хлопкороба из Ферганы, и башкирского нефтяника, и горца-чабана. Все мы разные и живем в разных краях. НО ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ — ОДНА СТРАНА, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

Расул ГАМЗАТОВ

Член Президиума Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской премии, народный поэт Дагестана, член Правления Союза писателей СССР.

Литовская ССР

*

Очень давно, целых пятьдесят лет назад, это было. Едва отгремела гражданская война, едва брат перестал стрелять в брата. Тяжелое это было время. Смутное, ненадежное! Но великий учитель народов Владимир Ильич Ленин думал о мире, о дружбе, о союзе народов. А у нас ведь их больше ста!.. ВОТ КАКАЯ СТРАНА У НАС — ЕДИНСТВЕННАЯ НА СВЕТЕ!

Дружно живут советские народы. Уже полстолетия они вместе. ДРУЖБА ИХ КРЕПКА И НЕРУШИМА! ОНА НА ВЕКА! Мы все

Молдавская ССР

Латвийская ССР

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Издательство «Правда»

Москва, 1972 г.

Киргизская ССР

Туркменская ССР

Эстонская ССР

Таджикская ССР

Армянская ССР

в Дагестане помним имена А. Х. Султана, А. Я. Абдуллаева, Ш. Ф. Алиева, Ю. А. Акаева и других горцев — Героев Советского Союза. Но имена эти никогда не забудут и в Прибалтике, в Крыму, на Ладоге и на Неве, на Волге... Там сражались и пали смертью храбрых сыны моей земли.

Волга и Балтийское море, Ленинград и Курск — они далеко от Дагестана. Но чуткое сердце слышит. Беда страны — это моя, кровная, дагестанская беда. Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса сказал однажды: «Мы не только за район, мы за всю страну в ответе!» ГДЕ БЫ ТЫ НИ ЖИЛ, ТЫ ЗА ВСЮ СТРАНУ В ОТВЕТЕ, А ОНА В ОТВЕТЕ ЗА ТЕБЯ. И это чистая правда. Ты помнишь, какое горе обрушилось два года назад на мою горную республику?.. Я не забуду те дни никогда. Дрожали и рушились стены домов. Да что дома! Сами горы удивленно качали головами. А земля ходила ходуном. Трещины разбегались по ней, словно от удара огромным мечом. Землетрясение!.. Я приехал в знакомый, как лицо друга, Буйнакск и не мог сдержать слез, не мог узнать города. А ведь я здесь учился!

Но что же было дальше с городом Буйнакском и с теми аулами, которые тоже пострадали от страшных подземных толчков? На помощь им пришла сразу вся страна, весь Советский Союз. А это, друг, огромная сила... Я тебе мог бы сейчас назвать имена людей, городов — наших помощников. Я не стану этого делать. Всех не назовешь, а кого-то пропустить — обидеть. Но каждый вагон леса, каждый восстановленный дом стоят перед глазами моего сердца. Я никогда не забуду этого. Никогда не забудет этого и мой Дагестан! МЫ ГОВОРИМ О ДРУЖБЕ НАРОДОВ, И СЛОВА НАШИ НЕ РАСХОДЯТСЯ С ДЕЛАМИ...

Совсем недавно, прошедшим летом, случился сильный пожар в ауле Кутлаб. Я был у жителей этого аула, я им сказал: «Братья и сестры! Пожар — горе, я знаю! Со времени страшного Тимура по всему Дагестану сгорело тысяча девятьсот селений. Но ни одному не будет такой помощи, как вашему. За вас вся страна!»

Я говорил это не для утешения и не для красного словца. Я говорил правду. Теперь там уже не найдешь и следов бывшей беды.

*

ПОМОЩЬ И ВЗАИМОВЫРУЧКА — НАШ ЗАКОН. По всей стране — и в моем Дагестане тоже! — растут новые заводы, весело сражаются с реками могучие электростанции. Ползут меж гор асфальтовые змеи дорог.

КТО ПОСТРОИЛ ЭТО? ЕСЛИ ТЕБЯ СПРОСЯТ, ДРУГ, ОТВЕЧАЙ: ПОСТРОИЛА ВСЯ НАША СТРАНА, ВЕСЬ СОЮЗ. А как же иначе? Цемент и железобетонные блоки пришли из города Вольска на Волге, лес присылают сибиряки, асфальт — азербайджанцы... Брат ничего не жалеет для брата. От этого богаче и сильнее становится вся наша страна.

*

В Дагестане живет такая легенда. Ездил по белу свету джигит и раздавал всем народам

языки. Подскакал он однажды к дагестанским горам, глянул на крутые, неверные тропки, покачал головой: «Нет уж! Это не по мне, сами разберетесь!» И швырнул в горы весь мешок с языками. Вот откуда у нас так много разных наречий. Шутка ли, целых тридцать шесть!

Но я хочу сказать тебе о другом. К маленькому горскому аулу, куда дороги не нашел тот джигит, нашли дорогу Лермонтов, Пушкин, Низами, песни Грузии, Украины, России, Армении, Азербайджана...

Письменность. Дело как будто бы обычное. Но долгие века мы, дагестанцы, стояли за ней в очереди. Да разве мы одни? А народы Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, Средней Азии?.. ОБЪЕДИНИВШИСЬ, СТАВ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, МЫ ОБРЕЛИ СВЕТ ЗНАНИЯ, ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧИТЬСЯ.

*

Мы говорим: Советская Грузия, Советская Якутия, Советская Россия, Советский Дагестан... А наши враги сейчас же в ответ: «Все советское да советское, выходит, все одинаковое, стриженное под одну гребенку...» У нас в Дагестане, я знаю, пугали кое-кого поглупее, что, мол, сделают из Патимат Марусю, а из Мусы Васю. А мы говорим: «Нет!» И я сам говорю: «Нет! Моя горская папаха, которую подарили мне в далеком ауле, всегда со мной. Со мной традиции моего народа, его обычаи, его песни, сказки, его древние легенды, мудрые, как сами горы!..»

Но те злые люди снова не унимаются. «Как же так,— они кричат,— если каждый народ держится за свои обычаи да за все свое, тогда, выходит, вы все разные! Как вам подружиться?»

А мы в ответ:

«Вот видите ладонь и пальцы? Все они разные, а как сожмутся в один могучий кулак... Берегись, кто против нас!» Да, мы чтим традиции дедов своих и прадедов. Но и ты, и я, и все мы кругом остаемся при этом советскими людьми. У нас с тобой, будь ты латыш, русский или нанаец, появились общие обычаи. Всей страной мы выходим на демонстрацию в день 7 ноября. Всей страной поздравляем наших мам и бабушек 8 Марта. Мои добрые обычаи становятся твоими, ты даришь мне все лучшее, что есть у твоего народа. В дагестанских аулах звучат душевные русские песни. Московские пионеры — это я сам видел! — лихо отплясывают нашу лезгинку.

*

Более ста народов живет в нашей стране. Есть народы большие, исконные их земли раскинулись широко и привольно. А есть наро-

Расул ГАМЗАТОВ

ВОСЬМИСТИШИЯ

Восьмистишие — восемь строк,
Восемь речек родимых нагорий.
Путь к поэзии, к морю далек,
Я желаю вам выйти к морю.

Восьмистишие — восемь строк,
Восемь юношей горного края,
Исходите вы сто дорог,
Горских шапок своих не теряя.

*

Вершина далекая кажется близкою.
С подножья посмотришь —
рукою подать,
Но снегом глубоким,
тропой каменистою
Идешь и идешь, а конца не видать.

И наша работа нехитрою кажется,
А станешь над словом сидеть-ворожить,
Не свяжется строчка, и легче окажется
Взойти на вершину,
чем песню сложить.

*

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей,
Ее слагает мать над колыбелью.
Вторая — тоже песня матерей.
Рукою гладя щеки ледяные,
Ее поют над гробом сыновей...
А третья песня — песни остальные.

*

В горах дагестанских джигиты, бывало,
Чтоб дружбу мужскую
упрочить сильней,
Дарили друг другу клинки и кинжалы,
И лучшие бурки, и лучших коней.
И я как свидетельство
искренней дружбы
Вам песни свои посылаю, друзья.
Они и мое дорогое оружье,
И конь мой, и лучшая бурка моя.

ды поменьше. Скажем, нас, аварцев, не так уж и много. Но есть в нашем Союзе и совсем маленькие народности. Во многих странах им пришлось бы очень нелегко.

НАРОДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ХОРОШО ПОНЯЛИ, В ЧЕМ НАША СИЛА — В РАВЕНСТВЕ, В ЕДИНСТВЕ. Пусть мы все разные, но права у нас одинаковые. Это справедливо! Как в большой, хорошей семье: у каждого свое место за общим столом, у каждого право сказать свое мнение. И мы смело и честно говорим, советуемся друг с другом. Поэтому мы заодно! Вместе решаем государственные вопросы. У нас есть Верховный Совет, а в нем две палаты — Совет Союза и Совет Национальностей.

*

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ГРОМКО ЗАЯВЛЯЕТ ВСЕМУ ЗЕМНОМУ ШАРУ: «МЫ ЗА МИР!»

Ты, конечно, это знаешь. Может быть, даже вздохнул и про себя подумал: «Ну зачем Расул Гамзатов это пишет? И так ведь известно!» Да, известно. Но ты задумывался когда-нибудь над тем, почему мы за мир? Почему именно мы всегда заявляем о мире?

Первая причина тебе, я думаю, ясна. Мы не хотим, чтобы плакали наши матери, война — это всегда горе. А матери нашей страны наплакались довольно!

Да, нам нужен мир для себя. Но это не все. ГЛАВНОЕ В ТОМ, ЧТО МЫ И ДЛЯ ДРУГИХ ХОТИМ МИРА. МЫ СВОБОДНАЯ, СИЛЬНАЯ И ПОЭТОМУ ДОБРАЯ СТРАНА. Мы не из тех, кто за шлагбаумом государственной границы видит только подлецов. Друг, где бы ни жил он,— наш друг, и враг, где бы ни жил,— наш враг. Но мы за дружбу всей планеты. МЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ. Мы говорим:

«Давайте будем дружить... Вот наше знамя. На алом его полотнище написано: «МИР, ТРУД, СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО И СЧАСТЬЕ ВСЕХ НАРОДОВ!»

*

Было время, когда горцы воевали только за свой аул. Потом мы стали воевать за свою нацию. Потом — за Дагестан. Потом сражались за нашу Родину, за весь Советский Союз. И сейчас у нас нет ничего более святого, чем Советская Родина, которой мы обязаны своим рождением и развитием.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ВЕЛИКАЯ ШКОЛА НАРОДОВ. МЫ СИЛЬНЫ. МЫ НАУЧИЛИСЬ БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМИ И ГОРДЫМИ.

СЛАВА СОЮЗУ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК!

★

КОСТЕР ДРУЖБЫ

И. ГОЛУБЕВА

Рисунки Н. ХАЧАТРЯН и Г. МЕТЧЕНКО.

КАК БУДТО ДАВНО ЗНАКОМЫ

К вечеру, когда прибрежные камни отдают тепло, собранное за день, а верхушки длинных кипарисов растворяются в сумерках, мы расположились на скамейках под большим деревом. Мне казалось, что я сижу в центре разноцветного хоровода, маленького яркого кружка, который вот уже целый год украшает в «Пионере» страницы КОСТРА ДРУЖБЫ.

Здесь, в Артеке, собрались ребята из всех республик.

Справа от меня светловолосый Юло Сийнмаа (привет вам из Эстонии!); слева сидит, наклонив голову так, что кончики темных кос спускаются до пят, Зоя Джалалова (а у нас в Узбекистане еще теплее...); чуть подальше — серые серьезные глаза Вали Прохоренко (вам бы такой дождичек, как у нас в Белоруссии...); на краю скамейки примостился Сережа Иванченко из Амурской области (Амур — вот это река!).

Мы знакомы совсем недавно. Но Юло рассказывает об Эстонии, и мы представляем себе веселые эстонские танцы и теплые носки из цветной эстонской шерсти. Армен Захарян говорит о своей Армении, и мы видим солнечный Ереван и вспоминаем вкусный армянский виноград. Мы внимательно друг друга слушаем и улыбаемся веселым шуткам. Нам хорошо вместе, как будто мы давно знакомы.

ДВЕНАДЦАТИЭТАЖНЫЙ ПОДАРОК

Шесть лет назад Джалал Низамутдинов проснулся ночью от грохота землетрясения. Он очень испугался. С тех пор каждую ночь приходил в дом этот грохот и гул, и многие дома стали разрушаться...

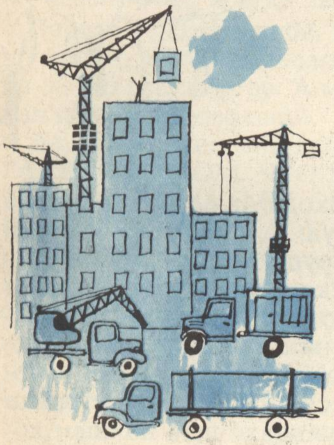
Скоро ребят из Ташкента увезли. Кого куда: в Москву, на Украину, в Белоруссию... Когда Джалал вернулся в свой город, стройка на улицах шла полным ходом. Прежнего глиняного домика с садом, в котором рос урюк, не осталось —

погиб во время землетрясения. Люди жили в палатках, а рядом с палатками выростали новые здания.

Джалал поселился в двенадцатиэтажном доме. Огромные окна, просторные комнаты, бесшумно скользит лифт, и во дворе — маленький прозрачный бассейн для ребят. И школа изменилась. К ней пристроили трехэтажный корпус. В центре города появился прекрасный Дворец искусств, около университета вырос студенческий городок. Все это построили люди, приехавшие со всего Советского Союза на помощь Ташкенту.

На крайнем доме двадцать четвертого квартала, в котором теперь живет Джалал, написано: «В подарок

ташкентцам от строителей Риги»; на доме, где живет друг Джалала,— «В подарок от белорусских строителей». «Детский мир» подарили городу украинцы, педагогический институт — ленинградцы; есть улицы, целиком выстроенные москвичами...

Когда произошло землетрясение в Ташкенте, то многие города отправляли строительные материалы в Узбекистан.

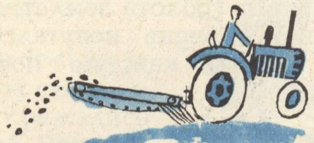
— На нашей улице, — вспомнила Галя Краевская из Москвы,— стоял недостроенный кинотеатр. И никто не обижался: знали, что стройматериалы идут в Ташкент.

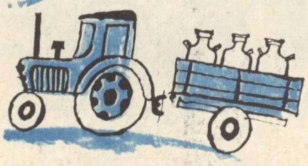
И все стали вспоминать, как из Минска, Еревана, Таллина уезжали в Ташкент поезда с каменщиками и малярами, инженерами и шоферами, кто-то провожал мам и пап, кто-то — старших братьев и сестер, соседей.

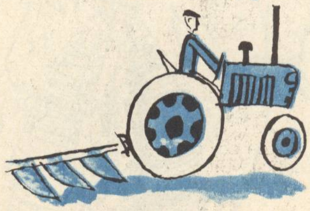
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ РАБОТНИК

Белорусская деревня Рыжково, где живет Валя Прохоренко, во время сенокоса пустеет. Все на лугу. Торопятся, убирают сено. Без трактора «Беларусь» трудно было бы управиться. Без него ни одна работа в колхозе «Красный Октябрь» не обходится.

В сенокос он возит сено с лугов. Осенью к нему прицепляют картофелекопалку. Когда опустеют луга и поля, трактор возит торфяные брикеты — заготавливает на зиму топливо, рассыпает по полям удобрения. Зимой все дороги занесет, ни пройти, ни проехать, а трактор везет в школу на полдник бидоны с молоком. А если очень спешишь и встретишь трактор на дороге, он и тебя обязательно подвезет.

Наступит весна, и трактор потянет за собой плуг, вспашет поле, потом к нему сеялку прицепят... И так круглый год. Самый главный работник в колхозе, ни минуты ему передышки нет. Зато все мальчишки из Валиного класса хотят стать механизаторами и работать на «Беларуси».

— У нас в Амурской области,— сказал Сережа Иванченко, — тоже этот трактор работает.

— И у нас его очень ценят, — заметила Зоя Джалалова из Узбекистана.

— В нашем животноводческом совхозе ему тоже почет,— подхватил азербайджанец Видади Юсуфов...

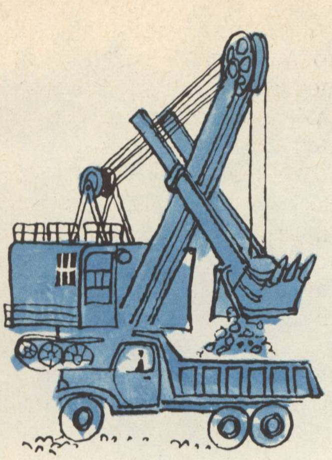
БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ ПОСЕЛОК...

С Новороссийском Саше Фирсову расставаться было грустно. Оставались школьные приятели, оставались знакомые улицы, море, порт, корабли... Он уезжал далеко, в Татарию, в маленький, окруженный лесами поселок Набережные Челны.

Папа и мама будут там строить самый большой в Советском Союзе Камский автомобильный завод.

Приехали, и Сашину грусть как рукой сняло. Стройка — таких Саша еще не видывал. Дел у всех много, и ребята съехались из разных краев и республик. Скоро появился самый верный, самый преданный друг — Арасланчик, или, вернее сказать, Наиль Арасланов. Он все свои тринадцать с половиной лет в Татарии живет и Набережные Челны наизусть знает.

По вечерам они вместе идут встречать своих пап. Сашин папа — шофер, он возит грузы на самосвале.

«КРАЗ», отец Арасланчика работает на грейдере. Както раз сломался у «КРАЗа» мотор. Обычно на то, чтобы его поменять, дней десять уходит, а Виктор Семенович (Сашин папа) со своим сменщиком Алешей (он приехал из Красноярска) три дня от машины не отходили и справились. Пришли из газеты интервью брать, а Виктор Семенович пожал плечами: «У нас все так работают...»

Однажды долго ждали папу Наиля — он на своем грейдере расчищал новое место для стройки. «Ты не знаешь,— сказал он Саше,— каким крошечным поселком были Набережные Челны. Хочется, чтобы поскорее большой город вырос. Столько хороших людей к нам приехало! Значит, скоро вся страна станет ездить на отличных машинах —«КамАЗ».

— Мой папа шофер,— сказала Кристи Аолотс из Эстонии,— он хороший шофер, и я думаю, ему доверят «КамАЗ»...

ВОДА ИЗ АМУДАРЬИ

Жанна Сатарова живет в городе Мары, самом старом в Таджикистане и самом жарком в Советском Союзе.

Вокруг города хлопковые поля. В Таджикистане всюду хлопок. Весной он цветет белыми, желтыми, розовыми цветами. Розовые цветы красивее всех, и делают из этого хлопка наитончайшие, прекрасные ткани.

Лет десять тому назад розовый хлопок не выращивали в Таджикистане: ему много воды надо, а воды не хватало. И тогда со всей страны поехали в Таджикистан люди, чтобы построить Каракумский канал. И построили. Канал получился широкий, красивый. Побежали от него в разные стороны арыки, наполненные водой, напоили этой водой хлопковые поля.

Многие из тех, кто строил канал, остались в Таджикистане жить, и в классе, где учится Жанна, есть ребята с Украины, из Киргизии, из России, а подруга Таня — из Белоруссии.

Ребята всей школой помогают убирать хлопок с полей; из этого хлопка ткут замечательные разноцветные ткани, и все мы шьем из них платья, сарафаны и фартуки.

— Вот, посмотрите,— улыбнулся Армен Захарян из Армении,— шорты и рубашки на нас из хлопка. Может, это Жанна его собирала?!

И ВЕСНОЙ, И ОСЕНЬЮ...

Вася Левченко из Лениногорска. Он учится в пятом классе, в этом году ему доверили вести экскурсии в школьном музее боевой славы.

В сентябре 1941 года в Казахстане, далеко от фронта, формировалась восьмая стрелковая дивизия. Она воевала под Волоколамском и под Москвой и прославилась своей храбростью и мужеством. Легендарная Панфиловская дивизия — так стали называть ее позже — прибыла под Москву из Казахстана.

Среди бойцов в этой дивизии сражался Толеген Тохтаров из Лениногорска. Домой он не вернулся. Погиб, защищая столицу от врага.

Вася Левченко рассказывает в своем школьном музее о Панфиловской дивизии и о Толегене Тохтарове все, что ребятам удалось узнать. Теперь они решили во что бы то ни стало приехать в Москву, пройти по местам сражений дивизии, найти новые сведения о своем земляке Тохтарове.

— Приедешь, обязательно дай о себе знать...

— У нас тоже многие школы собирают материал о панфиловцах...

— Мы помогать станем,— зашумели москвичи.

Я тоже хочу помогать Васе и его друзьям, я тоже москвичка. Мы приехали в Артек из разных городов и сел, из разных краев и республик. Мы совсем недавно знакомы, но нам очень хорошо вместе, и кажется, мы давно друг друга знаем. Ничего тут нет странного! МЫ ВСЕ ДЕТИ ОДНОЙ БОЛЬШОЙ СТРАНЫ, КОТОРАЯ ЗОВЕТСЯ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. ★

Петрусь ГЛЕБКА

Разговор о счастье

Замолкли в чаще соловьи.
Осеннее ненастье.
Но все-таки, друзья мои,
Поговорим о счастье!

Кострами жаркими горя,
Весь день шумят осины.
Стоят в багрянце октября
И рощи, и лощины.

И тихо льется листопад.
А там — в саду, у школы,
Как пламя, галстуки горят
И смех звенит веселый.

И столько там
счастливых глаз!
Так помните, ребята:
Сквозь все невзгоды ради вас
Отцы прошли когда-то.

Мы до Берлина от Москвы
В боях врага крушили,
Мы умирали, чтобы вы
В стране счастливой жили.

Лежат в полях, в лесах глухих
Погибшие солдаты.
Не забывайте же о них,
Друзья мои, ребята.

Тот, кто вернулся вновь домой
Сквозь смерть, огонь и вьюгу,
Еще в шинели фронтовой
Спешил к станку и плугу.

Ведь ради вас они живут —
Бывалые солдаты:
И трактора в полях ведут
И в селах ставят хаты,

И строят школы, и дворцы,
И города большие
Все те же бывшие бойцы,
От вьюг войны седые.

Для вас не жаль им ничего —
Ни доброты, ни ласки.
И в этом — в этом волшебство
Волшебней всякой сказки.

А если грянет грозный час,
Бесстрашны и суровы,
Сердцами собственными вас
Отцы закрыть готовы.

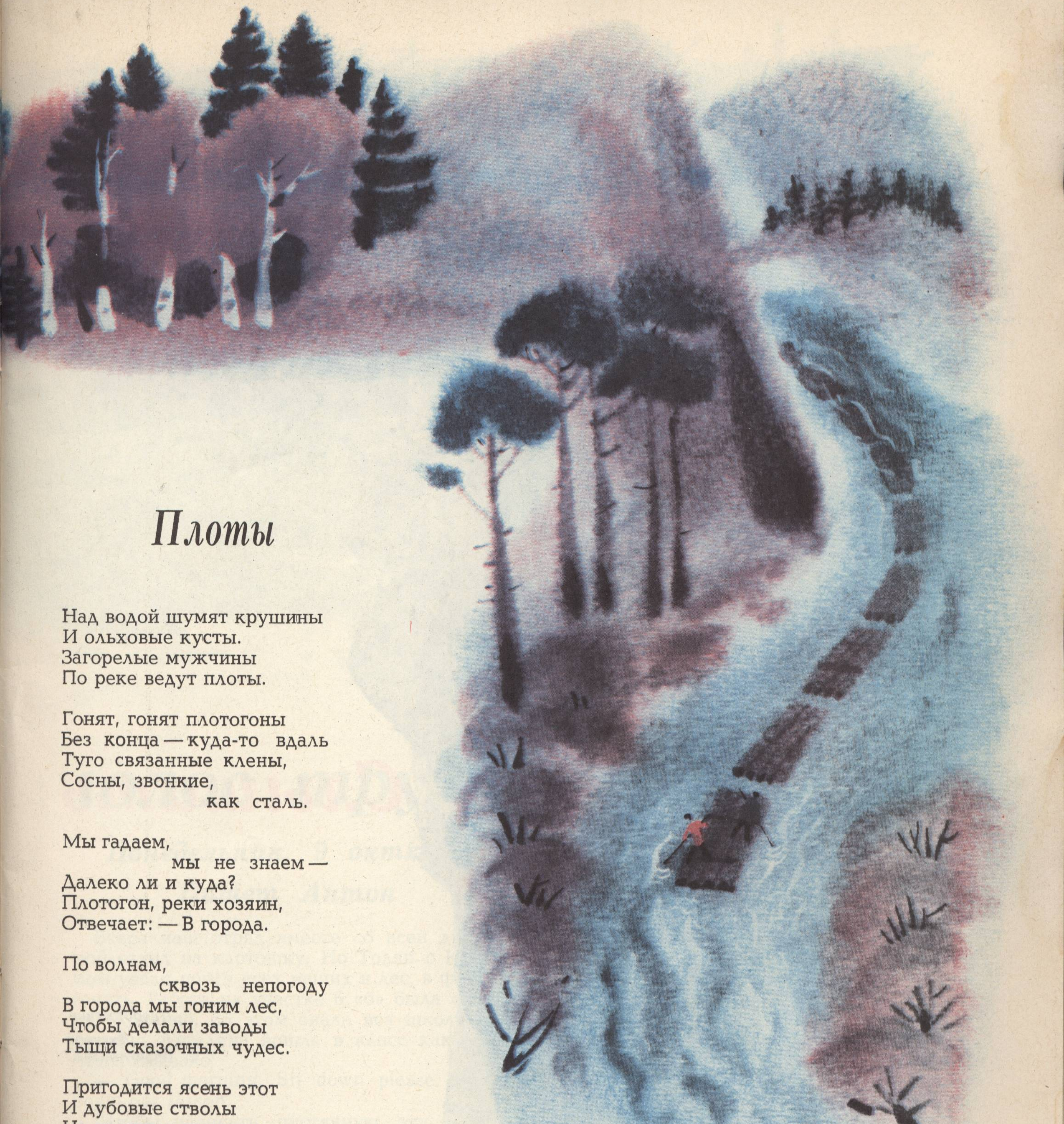
Пылает галстук на груди,
Как маленькое знамя.
И перед вами все пути,
Открытые отцами.

Быть инженером хочешь —
будь!
А хочешь — водолазом,
Ученым будь, но не забудь,
Кому ты всем обязан.

Он в жарком выстоял бою,
Он вынес — славный воин —
Из-под огня судьбу твою,
Так будь ее достоин.

Так будьте ж на отцов во всем
Друзья мои, похожи.
Мы счастье Родиной зовем,
И нет его дороже!

Рисунки А. БОРИСОВА

Плоты

Над водой шумят крушины
И ольховые кусты.
Загорелые мужчины
По реке ведут плоты.

Гонят, гонят плотогоны
Без конца — куда-то вдаль
Туго связанные клены,
Сосны, звонкие,
как сталь.

Мы гадаем,
мы не знаем —
Далеко ли и куда?
Плотогон, реки хозяин,
Отвечает: — В города.

По волнам,
сквозь непогоду
В города мы гоним лес,
Чтобы делали заводы
Тыщи сказочных чудес.

Пригодится ясень этот
И дубовые стволы
На узорные паркеты,
На пеналы и столы.

Жаль, что голос
скрылся вскоре,
Жаль, что встреча коротка.
Хрипловатой песне вторит
Наша быстрая река.

Плотогоны запевают
Про далекий океан,
И плоты в тумане тают,
Как волшебный караван.

Перевел с белорусского
Ю. КУШАК.

Слышать

Продолжение

**Рисунок
С. ТРОФИМОВА.**

Это стоят Лена и Антон. У них сейчас очень серьезный разговор идет... А там, за дровами,— еле виден,— Валька. Не надо думать, что он подслушивает. Он случайно здесь оказался!..

голос трубы!

Понедельник, 9 октября. Пишет Антон

Вчера наш отряд вместе со всей дружиной ездил на картошку. Но Толян с Каблуком увели почти всех наших в лес, в футбол гонять. Работа на участке 6 «б» была сорвана! Конечно, об этом знала вся школа. Но сегодня Ангелина вошла в класс как ни в чем не бывало:

— Good morning. Sit down please. Let us begin our Iesson.

(Чтобы написать пустячную эту фразу: «Доброе утро. Садитесь, пожалуйста. Начнем урок»,— пришлось лазить в словарь чуть ли не за каждым словом.)

Я не понимаю Ангелину. Мария Захаровна на ее месте стала бы стыдить нас (Мария Захаровна была у нас классной руководительницей в прошлом году). Она стала бы говорить, что мы ее ужасно подвели, что она на нас надеялась, как на людей, что мы сборище безответственных разгильдяев, и зачем только она взяла на свою голову этот безобразный класс и все такое.

Мы бы сидели, и слушали ее, и ждали, когда она скажет: «А то я посмотрю-посмотрю да и брошу вас! Так и знайте». А мы бы закричали на это: «Не бросайте нас, Мария Захаровна! Мы исправимся». И на этом бы все кончилось. До следующего раза.

Ангелина же о вчерашнем не обмолвилась ни словечком, как будто это не ее класс в колхозе отличился. Как будто ее совершенно не интересует, что там произошло. А ведь знает все. Видно, что знает.

Она, по-моему, бесчувственная. Раз у нее урок, значит, ничего больше для нее на свете не существует. Извольте работать и обо всем забыть. Она на уроке повернуться не дает, не то что поболтать. Все видит сквозь свои очки. Даже если к доске отвернется — видит.

Но ни разу еще не было, чтобы она на кого-нибудь закричала, ничего подобного. Никаких вам: «Иванов, замолчи! Киселев, кому я сказала? Ежов, выгоню!»

У нее своя тактика: «Иванов, найди в вопросе ошибку! Киселев, ответь на вопрос! Ежов, задай Ступину свой вопрос!»

И все сидят как миленькие и слушают во все уши. Ангелина раз десять за урок всех

поднимет, попробуй тут отвлекись на секундочку.

А главное, она все помнит: «Иванов, за работу на двух последних уроках — три. Киселев — четыре. Бутина за работу на уроке — два». Похоже, что она не человек совсем, а обыкновенное кибернетическое запоминающее устройство.

Но что нас еще больше удивило, так это то, что и после урока мы от Ангелины ничего про картошку не услышали.

Толян и компания приободрились: «Пронесло».

А после уроков — линейка: «Итоги трудового десанта». Вот где начнется, подумали мы. Но никто и думать не думал, что дело примет такой оборот.

Прочитали письмо председателя колхоза «Заря». В нем говорилось, что мы молодцы и что заработали сто семь рублей. Записали эту сотню с хвостиком в «Трудовой счет «Пионерстроя». А дальше Нина и заявляет:

— Приятно, когда тебя хвалят, не правда ли? Мы поехали, мы поработали на общую пользу. Нас назвали молодцами. Можно разойтись и чувствовать себя хорошо, но всем ли сегодня хорошо? Может быть, не разойдемся? Может быть, поговорим?

— Поговорим! — закричали одни.

— Разойдемся! Разойдемся! — закричали другие.

Начался шум, и спор, и смех. Толян, Каблук и Еж старались изо всех сил продолжить эту неразбериху.

Уже директор школы (его Николаем Александровичем, кажется, зовут) вмешался в общий гвалт.

— Если есть необходимость разобраться,— начал он зычно и подождал,— всегда стоит потолковать. — Это он сказал потише. — Зачем хорошим людям бояться честного разговора, а? — спросил он уже весело.

А наш класс еще не сдавался:

— Да чего там толковать! Все ясно! По домам!

Ангелина Андреевна вместе с другими учителями стояла у дверей зала. Все высматривали, кто это там кричит, и хмурились, и грозили кому-то пальцем, а наша стояла, словно ничего ее не касается.

Нина стала серьезная-серьезная, и голос у нее был теперь очень звонкий.

— Бывает, что похвала людям достается незаслуженно. И люди сами об этом говорят. Два отряда нашей дружины знают это, но молчат. Не будем их заставлять быть честными. Честность из-под палки — что за ерунда? Давайте поговорим не о тех, кто работал плохо, а о тех, кто работал хорошо. — Нина перевела дух и повернулась к отряду 7«а». — Сережа, расскажи, пожалуйста, как здорово работал ваш отряд, хотя с вами не было ни вожатого, ни педагога.

Сережа признался, что у них тоже были охотники сбежать в лес, так что ребята сначала крепко поругались, а потом как следует поработали.

Председатель из пятого класса — белобрысая пигалица — сообщила, что пятиклассники заранее договорились не ударить в грязь лицом перед старшими, очень старались и весь день жучили друг друга.

Инка Плаксина — председатель 6«а» — долго молчала, когда ей дали слово, а потом прошептала, что не знает. Вся линейка так и покатилась со смеху. А кто-то из семиклассников выкрикнул:

— Галину Ануфриевну испугались! Вот что! Она бы всем дала дрозда.

— И вовсе нет! — проснулись «ашники». Наши оживились:

— Много вы без нее сделали бы!..

— Сделали бы! Побольше вас-то!

Нина этот спор прекратила и обратилась к восьмиклассникам. Все замолкли.

Председатель 8 «а» — он еще капитан нашей сборной по баскету — вышел и сказал, что восьмиклассники сами этот десант предложили, сами ездили в колхоз, договорились о работе с председателем — как же они могли прохлаждаться?

Нас и 7«б» ни о чем не спрашивали. И мы ушли с линейки, как побитые.

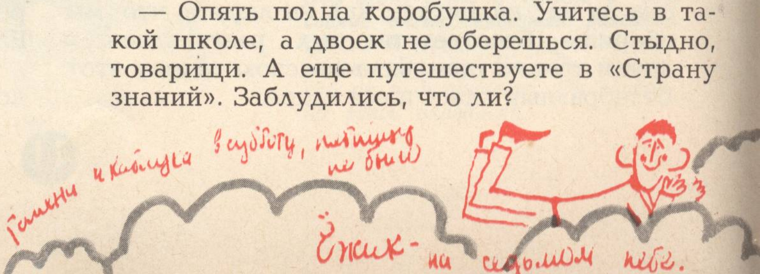
Понедельник, 16 октября. Пишет Антон

Прошла неделя, а записать в дневник нечего. Ничего особенного не произошло. Отучились — и домой. По утрам темно. На первом уроке в классе горит свет. Если дождливо, то и весь день. У нас не лампы, а светильники по всему потолку. За окнами темно, а у нас светло-светло.

Пишем контрольные. Отметки неважные. Русачка принесла в пятницу тетрадки с диктантом и говорит:

— Опять полна коробушка. Учитесь в такой школе, а двоек не оберешься. Стыдно, товарищи. А еще путешествуете в «Страну знаний». Заблудились, что ли?

Гамлет к нам больше не приходит. Скучища невероятная. Нам-то с Валькой, положим, не скучно. Мы решили к лету построить лодку. Он где-то вычитал, что если накопить тысячу газет и купить пятьдесят тюбиков «БФ», можно склеить настоящую лодку на двоих. У меня уже порядочная кипа набралась. И денег в моей давнишней, детской еще, копилке рубля два, не меньше.

Здорово будет, когда мы в нашей лодочке поплывем!

Вчера мы с Валькой ездили в кино «Баррикады». Там такой сборничек мультиков идет, преотличный. На площади с лотка народ раскупал билеты «Спортлото». У нас после кино осталось шестьдесят пять копеек.

— Ты везучий? — спросил меня Валька.

А я и вправду везучий. У меня легкая рука. И мы купили вместе один билет. Я выбрал такие цифры: 7, 12, 21, 35, 41, 49.

— А что если пять тысяч? — спрашивает Валька.

— Зачем нам пять тысяч? — говорю я.— С нас хватит одной.

И мы стали фантазировать, на что мы эту тысячу потратим.

Судили-рядили, и оказалось, что нам нужны все-таки все пять. По тысяче родителям надо? Надо! Две тысячи ребятам Вьетнама. А тысячу на наши с Валькой замыслы. Пока тайные.

Но это к дневнику не относится.

Если говорить про наш отряд, то надо признать: ребята в нем недружные. Все сами по себе.

Да, чуть не забыл: Толяна и Каблука ни в пятницу, ни в субботу в школе не было. Ежик, по-моему, на седьмом небе.

21 октября, суббота. Пишет Антон

Валькин, пару по алгебре ты должен исправить! Ведь Игорь Моисеевич, он какой? Выполнил обещанное — значит ты человек, не выполнил...

Я пока пишу за тебя. А уж ты в каникулы развернешься.

Ты знаешь, что Ангелина послала сегодня Лену Голубеву и Ольгу Степанян домой к Каблукову и Ступину узнать, почему они пропускают, но не знаешь, что в пять часов (я еще над уроками корпел) раздается звонок в нашу дверь, и на пороге я вижу... Кого бы ты думал? Оленьку Степанян:

— Понимаешь, Антон, мы боимся...

— Кто это вы? — не сразу сообразил я.— И чего вы боитесь?

— Боимся идти к Толяну домой.

Что бы ты стал делать на моем месте?

Я накинул на ходу куртку и вниз по лестнице. Во дворе стоит Лена. Дождь лепит, ветер свищет, а она стоит!

— Я думала, ты не придешь...

А я молчу, как истукан. Хорошо, Ольга выручила:

— Мы к Каблукову зашли, его нет... А вот к Толяну...

И пошли мы вместе. Но разговор не клеился. Знаешь, как с девчонками бывает. Если не начнешь сразу складно говорить, то все хуже и хуже пойдет. Так и у меня.

Добрались мы наконец кое-как до Ступина. Это за железной дорогой. Сам домик хиловатый, а забор крепкий, доска к доске. И на калитке: «Осторожно, здесь живет злая собака!». Я говорю: «А я думал, здесь люди живут!» Девчонки улыбнулись. Мы стали кричать: «Эй, эй, откройте!» А тут еще собака нам помогла. Здоровенная овчарина, но не чистокровная. Лает так, с завыванием. Смотрим, дверь открылась. Женщина вышла, голова черной какой-то курткой накрыта.

— Вам,— кричит,— чего?

— Нам Толю Ступина.

— В школе он. А вам зачем?

Мы молчим — не знаем, как ответить. Значит, он целую неделю уже прогуливает, типчик! Вместе с Каблуковым. Вдруг Олька нашлась:

— Мы попозже зайдем, вечером.

И пошли. Идем — думаем, как быть. Но тут откуда ни возьмись — Толян. Стоит нам на пути.

— Ну, что скажете? Ходили трепаться?

Я чувствую: все, драки не миновать!

Но вдруг Олька:

— Мы не такие трепачи, как ты, Ступин!

— Я?

— Ты!.. Сам прогуливаешь, а говоришь, что в школе.

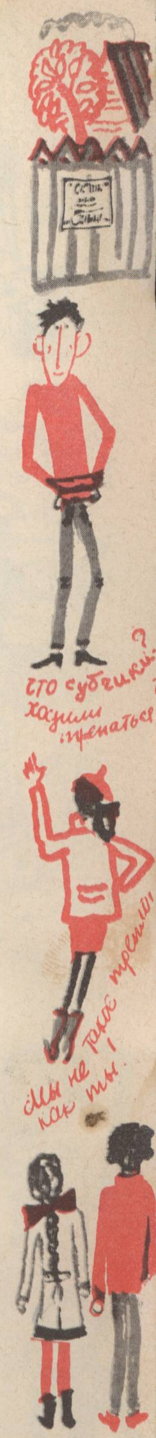
— Подумаешь!

— Да ничего не скажешь, а как увидишь, так охнешь!

Толян стоит, глазами хлопает. Улыбается так глупо. И совсем он не страшный мне показался. Я твердо сказал:

— В понедельник будь в школе!

И мы ушли. А между собой решили: если придет, то матери его ни слова, а Ангелине скажем, что он болел.

часов ночи сиди! А ты, Антошка, уже спишь давно, и Лена спит Голубева, и Нина-вожатая, и Саша Александров из восьмого, и все участники нашего похода. Только я один сижу во всей ночи. Дождь в окно лупит, и фонарь на улице качается, словно колокольчик.

Спи-спи, Антошка! Ты ведь многого не знаешь. Ты думаешь, что все знаешь, а на самом деле — ого-го!

Все началось еще четвертого. Каникулы только разгорались. Дневники давно родителям показаны — можно гулять спокойно. Кстати, в классе двоечников оказалось четверо: Ежик — алгебра, геометрия, Толян — русский, Доронина — геометрия, Тухватуллин — русский. А Лабухова подтянулась по алгебре — молодец! Ее, оказывается, мать сильно ругает (или даже бьет). А мы с Антоном хоть и говорили, подтянуться-то не успели. Времени нам не хватило! И потом хлопот у нас полон рот. Антон должен был читать стихотворение на вечере (из шестых классов — он один!), а я готовился к конкурсу затейников для шестых и седьмых классов: кто быстрей всех решит головоломки, кто кого обыграет в настольные игры, кто лучше всех объяснит, как в такую-то игру играть. Игры и головоломки сделали наши же ребята из «Умелых рук». Можно было приходить в пионерскую — и тренируйся сколько хочешь. Я и тренировался. А Антошка все учил да разучивал свои стихи.

И вот вечер. Начались соревнования затейников. Нас было восемь. Жюри — учителя, ребята из «Умелых рук», председатель — Нина. Мы, все восемь,— за огороженным пространством. А кругом почти вся школа — болельщики. Ух, гвалтику было! Я почти все время на два очка впереди шел. Но потом меня догнала двоюродная сестра нашей Ельчиной — тоже Ельчина, только Светка из 7«а». Объявили матч в настольный футбол, и она обыграла меня за три минуты 2 : 0. Просто ей повезло! Нина объявила:

— Победила Ельчина Света! Она и поедет с нами 6 ноября в поход дружбы.

Я чуть не заплакал (мне хотя хорошую книгу дали — «Товарищ»). Но Ельчина вдруг покраснела и говорит:

— Я не могу, я к бабушке уезжаю на все праздники.

— Точно? — спрашивает Нина.

— Точно,— кивает Ельчина. Кивнула и голову не поднимает.

— Ну тогда,— громко говорит Нина,— жюри посовещалось и решило: вместе с двумя нашими заслуженными затейниками — Белозеровой и Сахаровой — едет Валя Осокин из 6«б». Согласны?

Я кричу:

— Согласны!

А Ельчина у меня из рук уже книжечку тянет, мол, теперь она не твоя.

23 октября, понедельник. Пишет Валентин

Писать совсем некогда. Я чтобы только эту историю закончить. Толян в школу пришел! На переменке подходит к Антону.

— А ты, Багор, вроде человеком становишься?

— Я-то всегда человеком был,— говорит Антон. — Это у тебя просто зрение плохое.

— Ну все, лады! — усмехнулся Толян. — Вот прими подарок от друга! — И втыкает в парту ножичек перочинный. И ушел.

Антон взял этот нож, подошел к Толяновой парте и тоже воткнул — нам его подарки не нужны!

Толян с перемены пришел, увидел нож, хмыкнул, сунул в карман, как будто ничего не было.

7 ноября, вторник. Пишет Валентин

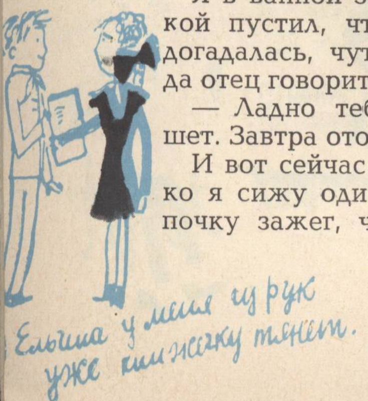
Сейчас уже такой вечер-вечерище — сто минут двенадцатого. Мне спать не хочется! Мы только что приехали из похода дружбы. Я сразу же накинулся на дневник. Но мама, конечно, за свое:

— А ну-ка, в ванную!

Я в ванной заперся, водичку тихой струйкой пустил, чтоб пока пописать. Но мама догадалась, чуть дневник не отобрала. Тогда отец говорит:

— Ладно тебе, Шура. Пусть парень пишет. Завтра отоспится.

И вот сейчас во всей квартире ночь. Только я сижу один на кухне, настольную лампочку зажег, чайку согрел. Хоть до двух

Потом начался концерт. Самым главным номером был Антошка. Он в темноте вышел, только прожектор на него светил, и замечательно прочитал три стихотворения. Два чужих, а одно — поэта из нашей школы. И даже из нашего класса. Есть такой человек. Антон получил это стихотворение по почте. Написано печатными буквами:

БАРАБАНЩИК

Красные листья ярко горят.
Бьет барабан. Шагает отряд.
Сам барабанщик идет впереди —
Красный галстук горит на груди.
В небе осеннем знамя плывет.
Гордую песню отряд поет,
А барабанщик идет впереди,
Красный галстук горит на груди.
«Трам-та-та-там! — барабан прогремел,
Каждый шагает, весел и смел.
Громче играй, боевая труба!
Ждет впереди их бой и борьба.
«Трам-та-та-там!» И смолк барабан,
Медную песню допела труба.
Бывшие воины вслед им глядят:
— Видишь, вдали шагает отряд,
А барабанщик идет впереди,
Красный галстук горит на груди!

И еще записка, тоже печатными буквами: «Антон! Я хочу с тобой дружить. Если стихи тебе понравятся, прочитай их на школьном вечере!» И все. Я изучил стихи и записку. Антон говорит:

— Валька! Мне стихи очень нравятся. И я, кажется, знаю, кто их написал!

Я спрашиваю:

— Кто?

— Этого я сказать не могу. Потом скажу!

А я смотрю, на конверте написано: «улица Субботина». «Б» с такими закорючками один Касьянов пишет. Я сколько раз видел на его тетрадках: «6«б» класса»! Я говорю:

— Я тоже знаю, кто!

— Ну скажи!

— Лучше сам первый скажи!

Антон говорит:

— Пока не могу. Видишь, эти стихи про барабанщика. Про меня. Помнишь, я в прошлом году один раз барабанил на сборе.

А я совсем и не помню этого: ну, барабанил и барабанил кто-то. Мы ведь в прошлом году еще не дружили, даже не учились вместе! Почти не знали друг друга. И тут мы стали говорить, что как странно, а вдруг бы вообще не познакомились!..

По дороге домой я опять стал думать про стихи. Это же Касьян Мишка про себя написал! Это же он барабанщик! А Антон думает на кого-то другого. Да еще секретничает. Что ж, решил я, пусть и у меня будет секрет...

На вечере 4 ноября Антон, кроме двух стихов, что ему Нина дала выучить, взял да и прочел «Барабанщика». И все хлопали еще больше!

Нина сказала:

— Ты замечательно прочитал, Багров! Чьи это стихи?

— Одного человека из нашего класса... Нет, не думайте. Только не мои.

В общем, Нина тоже пригласила Антона в поход дружбы, чтоб он читал стихи в концерте. Потом к Антону Касьян протиснулся:

— Законно прочитал! Спасибо большое.

— Пожалуйста,— небрежненько говорит Антон, как настоящий великий артист. Он же не знает, что это Касьян написал. И уже стоит около Лены Голубевой.

— Тебе понравилось, как я прочитал?

— Понравилось,— говорит Лена. — Хорошие стихи.

— Это я сам знаю, что хорошие,— кивает Антон. И таким особым взглядом смотрит на Лену.

А Лена спокойно улыбнулась ему в ответ. Она умеет так очень спокойно улыбаться, приветливо... И тут во мне закралось подозрение: Антошка думает, что это Лена Голубева стихи сочинила!

На следующий день утром пришел я к Антону. Надо было уламывать родителей, чтобы его отпустили. Все же мы уезжали на два дня. Мне нравится у Антона. Комнаты свободные. В одной вообще только книжные полки, два кресла и столик. Не то что у нас! В каждом углу то диван, то шифоньер, то машинка, то «телик», то зеркало. Живу как на толкучке. А у Багровых свободно!

Когда я пришел, Антон уже ругался с отцом. Мать сидела в кресле и как будто бы читала, а на самом деле тоже слушала. Антон кричал:

— Какой-то позор! Еще называешься преподавателем истории. За своего сыночка дрожишь, как мещане за мебель!

Антонов отец вынул изо рта трубку и сказал:

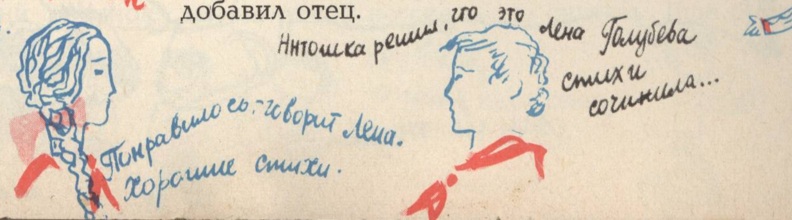
— Кто тебе дал право так разговаривать с отцом?

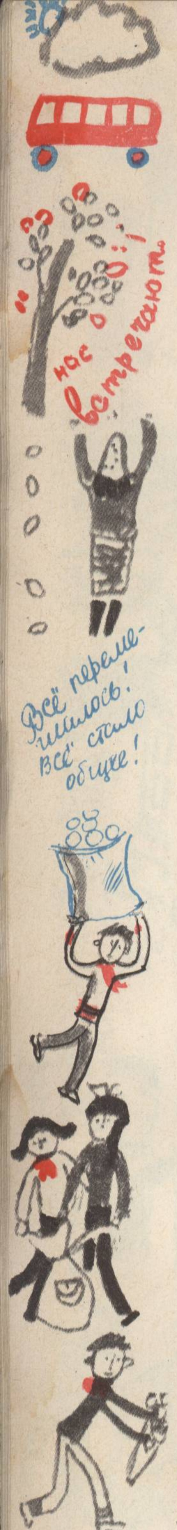
— Я предлагаю вообще его оставить дома за совершенно недопустимый тон! — сказала мать.

— И за выдающиеся успехи в учении,— добавил отец.

— Эх, вы,— сказал Антон,— эх, вы! Разве я не просил вас по-человечески? А вы доводите человека до бешенства, а потом говорите, что он грубит! Эх, вы, сознательные люди!..

Вдруг отец Антонов улыбнулся и сказал:

— А шут с ним, Тань, пускай едет. Он ведь нам все нервы истреплет!

— Тогда пусть наденет теплое белье.

— Кто, я?! — возмутился Антон.

Все началось бы снова, но я незаметно стукнул его в бок. И Антошка согласился на это проклятое белье. А перед отъездом мы просто забежали ко мне, и он переоделся в человеческие трусы и майку. А белье и сейчас еще лежит у нас в комоде.

Уезжали мы пятого под вечер. Из-за этой кутерьмы с бельем мы чуть не опоздали. Нина говорит: «Слава тебе господи, явились!» — и постучала шоферу в стекло. Вдруг смотрим, кто-то машет нам со школьного крыльца. Это был Касьян — пришел нас провожать.

Хорошо было ехать в этом автобусе — просторно. Двадцать один человек бригада (начальник — Нина). Мы с Антоном сели, и еще местечка два-три осталось. Автобусик у нас был бегучий, юркий. Раз-два — и уже на шоссейку выскочили. И понеслась!

Хорошие ребята в бригаде подобрались. Минут двадцать проехали, все ближе к Нине потянулись. Саша Александров из восьмого на гитаре стал играть, а все пели. Мы с Антошкой слова плохо знали, но припев подтягивали. Его со второго раза обязательно запоминаешь.

А между прочим, из нашего отряда была еще и Лена Голубева. Она рисует хорошо — будет конкурс рисунков проводить, и потом она в хоре поет.

Автобус свернул на автостраду. Мы еще газовали часика два, а после сползли на простую дорогу. Началось качание, как на корабле. Лес царапал голыми ветками прямо по стеклам, и мотор в автобусе завывал. Стало уже темнеть.

Вдруг мы увидели: стоит на дороге женщина и размахивает руками. А глаза сощурены, потому что фары бьют ей прямо в лицо! Это оказалась старшая учительница той школы, куда мы ехали. Она села к нам в автобус.

— Здрасьте! Ну, наконец-то!

Она специально встречала нас на развилке, потому что здесь все шоферы путаются.

Скоро мы подъехали к одноэтажному деревянному дому. Это была их школа. Мы вывалились из автобуса всей гурьбой. Я побежал и сразу почувствовал: под ногами была трава. А земля мягкая, негородская.

В школе пахло так странно, не по-школьному. И классы как будто ненастоящие — маленькие. Нам который отвели спать — там парт десять всего. Мы парты долой, в коридор, настелили матов, одеял, под головы рюкзаки или свитеры — у кого что было. Я Антону говорю:

— Вот бы твоя мама знала, вот бы она испугалась!..

Антон ничего мне не ответил, только брови насупил. Я думаю: что такое? А рядом-то, оказывается, стояла Лена Голубева!

Мы составили несколько столов в длинную полосу. И Нина крикнула:

— А ну, вали в общий котел что есть!

И посыпались на стол яйца, яблоки, картошка, бутерброды. Тамара Михайловна, старшая учительница, принесла два здоровенных чайника чаю сладкого. А у нас еще свой сахар был и конфеты!

Ну, мы поели тогда вволю! Я уже не помню, сколько я чего съел. Мои собственные припасы, мамины, сразу куда-то уплыли. Я ел чье-то другое. Все перемешалось. Все стало общее.

Вдруг Нина говорит:

— А ну-ка, стоп обедать! Отложить бутерброды, слушать меня! Все знают, кто что делает завтра? Еще раз повторяю на всякий пожарный: сначала кружковцы демонстрируют свои умелые руки. Потом Осокин, Белозерова... Кто там у нас еще?

— Я! — кричит Сахарова из 7«а».

— Таня Сахарова показывает, как в эти игры играть. Затем...

И так нам Нина рассказала, что каждый будет делать. А потом мы докончили пиршество и грохнулись спать.

Мы забрались с Антошкой под одно одеяло. Мы спали в рубашках и в тренировочных штанах. Нина погасила свет, сразу стало темно-темно. И только два больших окна синели напротив. Все притихли. И вдруг мы услышали голос Нины:

— Знаете, что нам надо завтра? Чтобы дождик шел. Чтоб нашим подшефным интересно было в помещении сидеть. Так что приказываю: всем закрыть глаза и думать о тучах. Отбой!

Настала тишина.

— Валька,— шепнул мне Антон. — Я тебе хочу сказать одну вещь. Про одного человека из нашего класса...

Я догадался, про кого это. И на душе както стало неспокойно. Но вдруг Антон:

— Нет, я лучше потом...

И тогда я сразу же повернулся на бок, уткнулся в Антошкину ковбойку и стал думать о тучах. Мне было очень хорошо. Я уснул.

Утром был дождь. Может, и правда мы притянули его своими мыслями. Некоторые ученые, кажется, утверждают, что это может быть. А в школу стали набиваться ребята. Здесь всего три класса — первый, второй и третий. Поэтому и школа такая маленькая, и директора нет, а только старшая учительница.

Они все снимали у дверей сапоги, надевали тапки и становились вдоль стеночки.

А щеки у них всех были красные, как яблоки. Собралось их человек пятьдесят (52) — вот тебе и вся школа. Нина громко говорит:

— Ну что, октябрята, любите в игры играть?

Они молчат. Тамара Михайловна спрашивает:

— Ну скажи вожатой, Васенков Ваня, ты любишь в игры играть?

А Ванюшка этот застеснялся и говорит тихо:

— Любим.

Тогда я подошел к нему, взял за руку:

— Давай знакомиться, я тебя буду учить, чего сам умею.

И другие наши тоже стали брать ребят маленьких. И Антон и Лена... Потом кружковцы стали показывать, как они игры мастерят. На глазах у всех у них не очень-то получалось. Хорошо, что мы с собой готовые игры взяли. Но смотреть было интересно. А после мы, трое затейников, стали показывать, как надо играть, рассказали правила. Ванюшка мой тут же крутится. А у него, оказывается, дружок есть Саша. Они мне так смешно все время говорили, будто взрослому:

— А скажите, пожалуйста. А вы как думаете...

Вдруг Нина объявляет:

— Кто любит рисовать, идите во второй класс.

Кое-кто побежал, а другие остались. У нас ведь тоже игры были интересные. А в классе Лена Голубева и еще одна девчонка (из восьмого класса) конкурс проводили на лучший рисунок. С призами. Лучший рисунок получился у них очень интересный и хороший: красная звезда во весь лист. И ее закрывая наполовину, идет какой-то зверь. Называется: «Тигры охраняют звезду». Лена все рисунки на листы наклеила, и получилась выставка. Вот бы, например, нам такую в отряде сделать, Антон?

Дождик лил и лил. Но мы уже про него забыли. Если бы и солнце теперь началось, все равно бы все здесь остались. Пока мы, затейники, готовили в коридоре «олимпийские игры», в третьем классе был конкурс. Кто больше сказок отгадает. Наши из штук двадцати старых диафильмов склеили разные кусочки. Получилась такая зверская куча мала. Еще старались, чтоб посмешнее. Например: «Ей с поклоном старик отвечает: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Никто не ожидал, а победил-то мой Ванюшка Васенков. Хоть и второклассник, а смышленый оказался. Антон сказал, что его две девчонки только просмеялись весь фильм и ничего не отгадали. Девчонки!..

Только мы собрались «олимпийские» начинать, Тамара Михайловна говорит:

— Обедать!

Оказывается, уже два часа времени! Пошли всей ватагой обедать. У них в деревне столовая есть. Но небольшая. Хотели сперва в две смены. Нина кричит:

— Отставить!

И правильно! Мы с Антошкой рубали из одной тарелки. За добавкой по три раза бегали. А желаешь, хоть сто раз беги. Только компот всем по одному стакану. Здесь уже на честность. Нам сразу завстоловой объявила. Но мы же не какие-нибудь каблуки. Здесь пионерская бригада собралась!

Пришли обратно в школу, стали «олимпийские игры» проводить. Сначала у них Ира Белозерова спрашивала про олимпийские настоящие, которые в Мюнхене были. Она так хорошо спрашивала — было незаметно, что малыши молчат, а Ира им все рассказывает. Ира уже опытный затейник. Она, как и я, с шестого класса этим увлеклась, а теперь уже она в восьмом!

Потом началась олимпиада. Я даже сам не думал, что получится такой блеск! Первое соревнование — метание диска... вырезанного из бумаги. Здесь сила ни к чему, а только сообразительность. Как раз для малышей соревнование. Потом прыжки в длину. Кладем доску, на нее ставим по краям две бутылки. На эту доску становишься и прыгаешь. Если бутылки упали — не считать прыжок. Вот и приходится больше вверх прыгать, а потом стараться пролететь немного вперед. Я отвечал за прыжки и за толкание ядра. Становишься в круг одной ногой (я мелом провел по полу), берешь бумажный шарик (можно из газеты) и толкаешь его, как настоящий спортсмен. Из круга вышел или не удержался на одной ножке — не считать. Еще были

прыжки в высоту: нужно подпрыгнуть и карандашом на приклеенной вверху бумаге сделать отметину. У каждой команды карандаш разного цвета. Потом бег с завязанными глазами мимо кеглей. Сбил — ищи и подымай! У нас было три команды (ребята в школе из трех деревень). Победила деревня Петушки. Среди других команд они выделялись: крепкие, бедовые и ростом повыше. Хоть я и говорил, что здесь не важна сила. Но выходит, в спорте всегда важна сила и ловкость. Так и Нина сказала на торжественном параде. Олимпиаду эту, между прочим, придумали польские харцеры.

Времени было шесть часов вечера. Нина объявила, что на сегодня все. Ребятки наши стали натягивать свои сапоги — и по домам. Многим из них придется идти больше километра (до Петушков). Другим чуть поближе — в Погост. А школа расположена в деревне Степеньково.

Уже стемнело, а они пошли себе громкими ватагами, будто ничего особенного. Если б это в городе было, обязательно бы родители пришли встречать. А здесь — сами, по пустому полю, по лесу. Темень, под ногами лужи хлюпают. В небе все тучи, тучи, и только пылают три или четыре звезды.

Ушли они, мы поужинали в столовой. Теперь тихо было, и каждый ел из своей тарелки. Вернулись, Нина говорит:

— Эх бы, костер бы сейчас развести. Посидеть бы, поговорить...

И вдруг Саша Александров:

— Давайте печку затопим?

И все сразу поняли, как это будет здорово — печку затопить. Одни помчались за дровами во двор, другие маты к печке волокли, чтоб сидеть. До чего же это хорошо, когда не надо никого заставлять, а каждый сам понимает, что сейчас делать. У нас в бригаде все время так было.

Дровишки уложили, хотели зажигать. Нина говорит:

— Погодите! Нужно обязательно с одной спички. Чтоб все по-настоящему было, ребята. Вечер этот останется у нас в памяти на всю жизнь... Не верите? Я вам точно говорю.

Печка разгорелась. Свет потушили, открыли дверцу. Стали говорить про разное. Старшие пионеры (из восьмых, из седьмых) вспомнили, что в походах бывало, на картошках, на макулатурах. А Нина сказала, что у нее мечта есть: устроить школьный палаточный лагерь.

— Где? — спросил кто-то.

— А хоть бы и здесь! Я летом в этих местах бывала. Места необыкновенные! Раздолье! В колхозе работы хорошей — сколько душе угодно!

У меня сердце колотилось. Я нечаянно положил Антошке руку на плечо. И так мы сидели, два лучших друга, и мечтали о палаточном лагере, о лете и обо всем другом необыкновенном, которое ждало нас впереди!

Утром было так. Артисты остались расставлять стулья, готовить сцену и занавес (в столовой), а другие пошли агитировать на концерт по деревням.

Мне досталось идти в Погост. Антон остался сцену делать — как артист.

Нас было четверо: Белозерова, Сахарова, Саша Александров и я. Саша хоть и артист, но Нина его отправила с нами старшим.

В деревне Погост шесть домов. Вся деревня на холме, внизу речка. За рекою поля такие зеленые среди черной осени, ровненькие, будто постриженные. Я догадался: это озимь. За деревней, у самого леса, начинается и в лес уходит большое и очень старое кладбище. Потому и деревня называется Погост. Это значит по-старинному «кладбище».

Здесь ни сельпо, ни почты, ни магазина не было. Это все в селе Кащеево, за леском. Но мы нашли доску «Сегодня в клубе» и повесили там наше объявление: «Приглашаем от души, заявляем честно: приходите на концерт — будет интересно!». И были еще у нас с собой пригласительные билеты, на которых все то же, что в объявлении, отпечатано на машинке.

Мы заходили в дом, здоровались. Саша Александров говорил, что «просим пожаловать к нам на концерт!», и отдавал билеты.

В четыре вечера без опоздания начался концерт. Я все номера знал наизусть. И поэтому посмотрел только три первых: Антона, хор и сцену из спектакля «Мертвые души». Саша Александров Ноздрева играл, а Гога Медковский — Чичикова. Мне эта сцена очень нравится:

« — Эге, брат, так шашки не ходят, по две штуки!

— Овса его лошадям за это не давать!»

Все зрители хохотали от души! А я тоже похлопал и тихонько вышел на улицу. Может, это было не по-товарищески. Но я же ничем концерту помочь не мог.

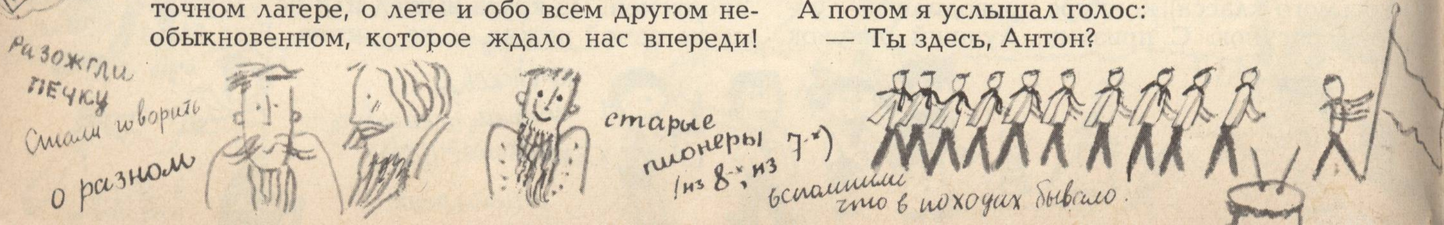
Я отошел недалеко под навес, где дрова лежали. Там было так хорошо сидеть. Я думал, что Антошка догадается. Я ему показывал это место. Из школы вылетали целыми стаями аплодисменты. А то было тихо, и я понимал, что идет номер. Солнца уже не было. Но с одной стороны небо еще светилось, а с другой было темное.

Вдруг заскрипела дверь. На улицу вырвалась строчка из песни. Катя (я фамилию ее не знаю, из восьмого класса) пела вместе с Сашей Александровым, и Саша играл на гитаре. А песня эта замечательная:

«Надежда, я вернусь тогда,
Когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит
И острый локоть отведет...»

На порог вышел Антон. И я хотел его окликнуть, но вдруг дверь снова скрипнула, и снова вырвалась на улицу строчка из песни. А потом я услышал голос:

— Ты здесь, Антон?

Это была... Лена Голубева!! Извини, Антонище! Я не подслушивал. Так получилось само.

— Да, я здесь,— ответил Антон.

— Что-нибудь случилось?

— Я хотел сказать тебе... хотел спасибо сказать за... ну, ты сама знаешь, за стихи «Барабанщик».

— Стихи «Барабанщик»?

— Ну да. И за твою записку. Я тоже очень хочу с тобой дружить!

— Антон, я тебе никакие стихи не писала... Может, это другая девочка... Я думала, ты «Барабанщика» сам...

— Другая? — изумился Антон. — Погоди! Так, значит, и записка?!

— Я ничего не писала...

Долго была тишина. Потом Антон сказал:

— Как же так? Такие стихи хорошие, я думал, это ты!

— Нет, это не я...

(Вот осел, ведь объяснили же ему!)

— Ну, я пойду,— сказала Лена.

— Знаешь что,— вдруг быстро заговорил Антон,— у меня есть очень хороший друг. Мы на всю жизнь...— Тут он запнулся.

— Я знаю,— тихо сказала Лена. — Осокин?

— Да, Осокин! А ты хочешь с нами? На всю жизнь.

Лена долго ничего не отвечала.

— Ты только не сердись, Антон. А Валя будет согласен? Он про это знает?

Вот какая Лена молодец!

— Нет,— глухо сказал Антон,— я ему не говорил... Не говорил еще...

— Вот как?

Здесь вдруг дверь открылась, стали выходить зрители. И получилось так, будто Антон и Лена их провожают. Зрители говорили: «Спасибо! Приезжайте еще к нам!» — и потом уходили в темноту.

Мы быстро разобрали лавки, сняли занавес, поели на скорую руку. Через час наш автобус уже плыл по ухабам в обратный путь. Мы все трое из 6«б» сидели сзади: я, потом Антон, потом Лена. И я тут вдруг сам не знаю, как решился и сказал:

— Лена, я согласен. А ты?

Антошка покраснел страшно. А Лена посмотрела прямо мне в глаза:

— И я согласна!

— И я согласен! — сказал Антон.

Тут вдруг нам стало неудобно смотреть друг на друга. И мы не знали, о чем говорить.
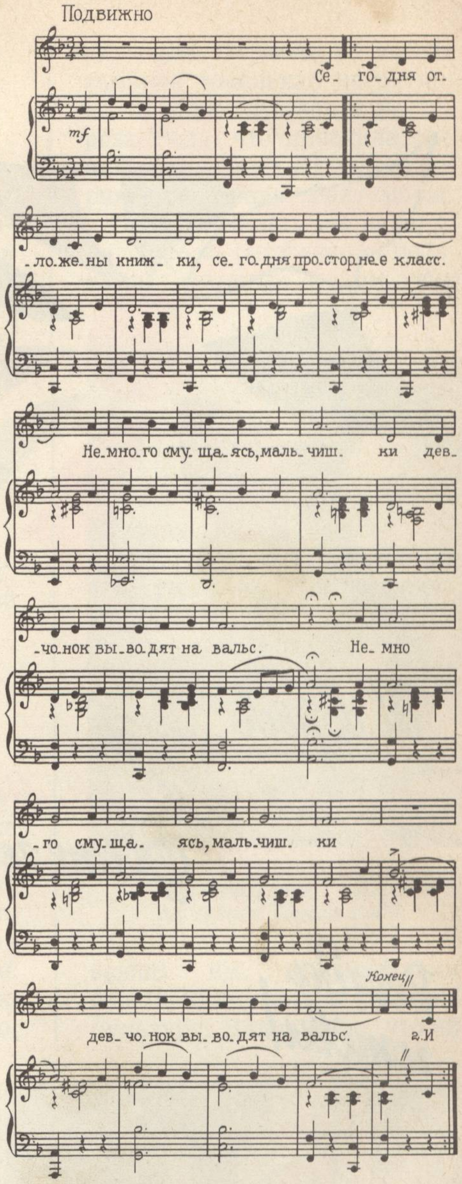
Все было по-новому.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Пионерский вальс

Слова В. ОРЛОВА.
Музыка В. БОГАНОВА.

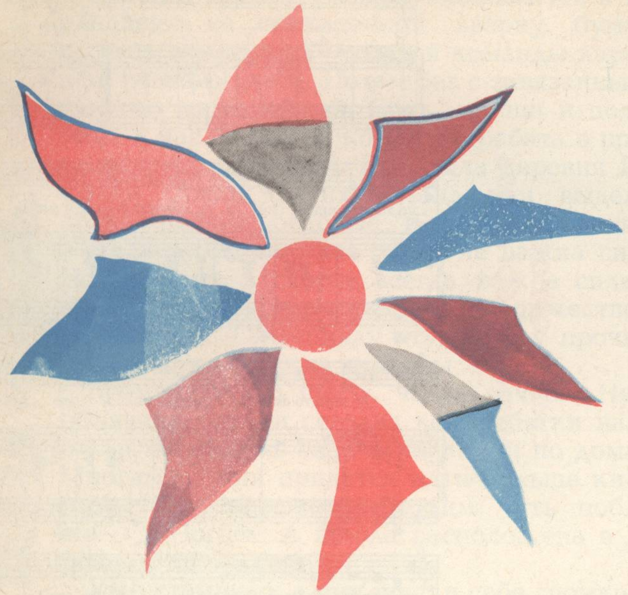
Сегодня отложены книжки,
Сегодня просторнее класс.
Немного смущаясь, мальчишки
Выводят девчонок на вальс. } 2 раза

И радость, влетевшая в сердце,
Веселою птицей звенит.
Летит пионерское детство
И счастье навстречу летит! } 2 раза

Созвездья ресницы открыли,
В далекие дали манят,
И галстуков красные крылья
Уже приподняли ребят. } 2 раза

Потоки веселого света
Легли на широком пути.
Немало кружилась планета,
Чтоб к этому вальсу прийти. } 2 раза

К борьбе
за солидарность, мир
и дружбу будьте готовы!

Всегда
готовы!
Zawsze
gotowy!
Immer
bereit!
Віпаvи
готови!
Altid
beredt!
Aina
valmiit!
Хэзээд
бэлхэн!

Международный пионерский клуб «Товарищ»

С. БОГАТЫРЕВА

Фотографии В. ПОСТНИКОВА

МЫ ГОВОРИМ ПО-РУССКИ!

«Меня зовут...»

Это был очень обстоятельный мальчик. У стола экзаменаторов он долго выбирал билет, прочел его раза два и уточнил, сколько минут есть у него на подготовку.

Когда подошла его очередь отвечать, он с той же обстоятельностью рассказал:

— Меня зовут Альберс Керстен. Я приехал из Гамбурга. Русский язык я изучаю три года. У меня две сестры и брат, все они старше меня. Мой отец — водитель такси, моя мама была воспитательницей в детском саду. Мама интересуется прикладным искусством. Я бы очень хотел привезти ей в подарок книгу о Ленинградском фарфоровом заводе...

Этот удивительный экзамен шел в самом конце летних каникул в одной из московских школ. Назывался этот экзамен — ПЕРВАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Сколько русских слов знают в мире?

Рассказ Марка Николаевича ВЯТЮТНЕВА, научного руководителя олимпиады.

К олимпиаде мы готовились два года. До сих пор их нигде никогда не было — просто никто не знал, как это делается.

Представьте себе: вы члены жюри. Слушаете мальчика, он свободно читает незнакомый русский текст, быстро отвечает на вопросы. А вслед за ним девочка ту же страницу читает с запинкой, ошибается в ударениях и долго молча шевелит губами,

прежде чем произнести русскую фразу. Вы должны решить, кто отвечал лучше. Мальчик? Ну, не скажите! Мальчик-то приехал из Болгарии, ему половина русских слов знакома с детства, произношение дается без труда. А девочка — монголка или, к примеру, финка. Для нее каждый звук, каждое слово русское — как крепость, которую берешь с бою, а потом с трудом удерживаешь.

Вот и реши, кто из них достоин награды!

Сейчас русский язык изучают в восьмидесяти с лишним странах. В школах США, Франции, Норвегии, Англии, Австрии — лет с четырнадцати как второй иностранный язык. В ГДР, в Венгрии, в Польше, в Чехословакии, в Болгарии русский язык — обязательный предмет в школе, его учат с пятого, иногда с третьего класса.

А сколько народу занимается русским самостоятельно: читают учебники, смотрят специальные программы по телевидению, слушают уроки по радио!

Статистики подсчитали, что человек, который прилежно занимается иностранным языком, запоминает в год пятьсот — шестьсот новых слов. Попробуйте подсчитать, сколько русских слов выучивается за один год в мире!

Счастливый билет

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Стихотворение звучит красиво, торжественно и в то же время непривычно. Мы читаем по-другому: не так резко подчеркиваем отдельные слова. Не поднимаем голос так высоко и не опускаем так низко... Я осторожно заглянула в класс. Теперь видно, что стихи Лермонтова читает высокая тоненькая негритянка. Я знаю, что зовут ее Тереза Редд, что приехала она из Соединенных Штатов Америки, из города Балтиморы.

Познакомились мы накануне. Тереза, окруженная ребятами, говорила о том, как важно им, американским школьникам, знать русскую культуру. Видно было, что ей

Стихотворение Лермонтова читает Тереза Редд.

Участники олимпиады возложили венок к Мавзолею Владимира Ильича Ленина.

нравится говорить по-русски: сама радуется тому, как здорово получается!

Терезе интересно все, что связано с Россией, с русским языком: история нашей страны, география, экономика, но всего больше — русская литература. Она прочитала по-русски Толстого и Достоевского, знает наизусть Пушкина и Лермонтова, любит многих современных наших поэтов...

— Я очень увлекаюсь стихами, — говорит Тереза и вдруг громко, торжественно читает наизусть:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Золотую медаль, две серебряные и три бронзовые увозит домой команда Румынии.

Наконец-то у нее есть слушатели, способные понять и оценить эти стихи!

На экзамене Терезе досталcя (везет же людям!) вопрос: «Ваш любимый русский писатель».

— Она просто поразила нас, — вспоминали потом члены жюри, — тем, как глубоко и оригинально говорила о романах Достоевского. Видно, что она и читала их и думала над ними.

Строгие члены жюри, которым по долгу полагалось сохранять невозмутимость, прощаясь с Терезой, кроме обычного «Благодарим вас», добавили: «Вы отвечали **очень** хорошо!»

«Чтобы другие люди смогли узнать...»

Во время олимпиады всегда кто-нибудь искал Эллен Борланд: всем хотелось познакомиться с австралийкой. И Эллен весело со всеми знакомится, охотно рассказывает о себе:

— Я живу в городе Мельбурне. Это очень далеко отсюда: мы летели двадцать четыре часа. Русский язык я учу в школе. В нашей группе пять человек. В школе есть небольшой оркестр. Я играю на флейте и на виолончели. Мы часто исполняем произведения русских композиторов — Чайковского, Глинки, Римского - Корсакова, Прокофьева. Но мне хотелось бы стать не музыкантом, а учительницей русского языка или переводчицей русских книг, чтобы другие люди смогли узнать то, что известно мне, чтобы передать им любовь к вашей стране.

Дэвид Чанг на экзамене рассказывал о Москве.
— Мне очень понравился памятник Пушкину,— говорит он.— По-моему, это самый лучший памятник в мире.

Когда кто волнуется

Маленькая Петра Лиссе из ГДР на олимпиаде заработала славу отчаянной личности и вообще «артистки». Экзамены, на которых даже старшие ребята запинались от волнения, Петра превращала в озорную игру.

Надо было ей рассказать о Москве — такой достался билет. Петра развернула план города, взяла указку и строгим голосом обратилась к жюри:

— Вы приехали в Москву. Представьте себе, что вы первый раз в этом городе. — (Члены жюри согласно кивнули.) — Я буду вашим гидом. — (Члены жюри улыбнулись.) — Меня зовут Светлана. — (Члены жюри не стали спорить.) — Мы с вами отправляемся в путешествие.

Светлана оказалась толковым экскурсоводом: знала историю Кремля, показала памятник Минину и Пожарскому, отвезла гостей к университету на Ленинских горах, а на прощание пригласила приехать в Москву еще раз.

Все, что рассказывала «москвичка Светлана», шестиклассница из немецкого горо-

да Нейбранденбурга Петра Лиссе, знала пока только по книгам, фильмам и фотографиям: в Москву она приехала накануне.

В последний день олимпиады ребята из ГДР попросили Петру выступить от их имени на торжестве вручения медалей. «Ты смелая,— сказали ей,— волноваться не станешь».

Петра поднялась на трибуну и сказала:

— Друзья велели мне: говори спокойно. Но я получила золотую медаль, и я не могу говорить спокойно! Я так рада, что ребята четырех континентов приехали сюда, что все хорошо справились с заданиями. И еще я рада, что самая первая международная олимпиада была по русскому языку, по языку Пушкина и Лермонтова, языку наших лучших друзей. Для всех нас это была олимпиада дружбы и прекрасных впечатлений.

А за себя я рада, что учусь только в шестом классе. Я еще не успею окончить школу к тому времени, когда в Москве будет вторая международная олимпиада. Надеюсь, что она будет и что я смогу принять в ней участие. Я буду ее ждать.

Петра очень складно сказала все это. Потом спрыгнула со сцены, спряталась от ярких «юпитеров», вернулась на свое место в десятом ряду и — расплакалась. От волнения.

Побежденных не было

Все семьдесят пять участников олимпиады получили награды: золотые, серебряные или бронзовые медали. Не думайте, что жюри было таким уж добрым: с заданиями успешно справились все — кто хорошо, кто отлично, а кто просто замечательно.

По условиям олимпиады полагалось не только говорить и читать по-русски. Ребята должны были рассказать о стране, язык которой они изучают.

Все они, к радости и удивлению жюри, усложнили этот экзамен. Во-первых, оказалось, что знают они неожиданно много. Во-вторых, кроме «вот что́ я знаю», каждый говорил еще и «вот что̀ я думаю».

Впрочем, так и должно было быть. Если ты учишь язык страны (а это, каждому известно, дело долгое и кропотливое), если ты о ней читаешь и смотришь кинофильмы, то, наверное, окажется, что у тебя есть о ней свои мысли. Чтобы их высказать, тебе захочется запомнить побольше слов и научиться строить более сложные предложения. Пройдет какое-то время, и окажется, что ты знаешь страну и умеешь рассказать о ней на ее языке.

А может быть, ты и полюбишь эту страну.

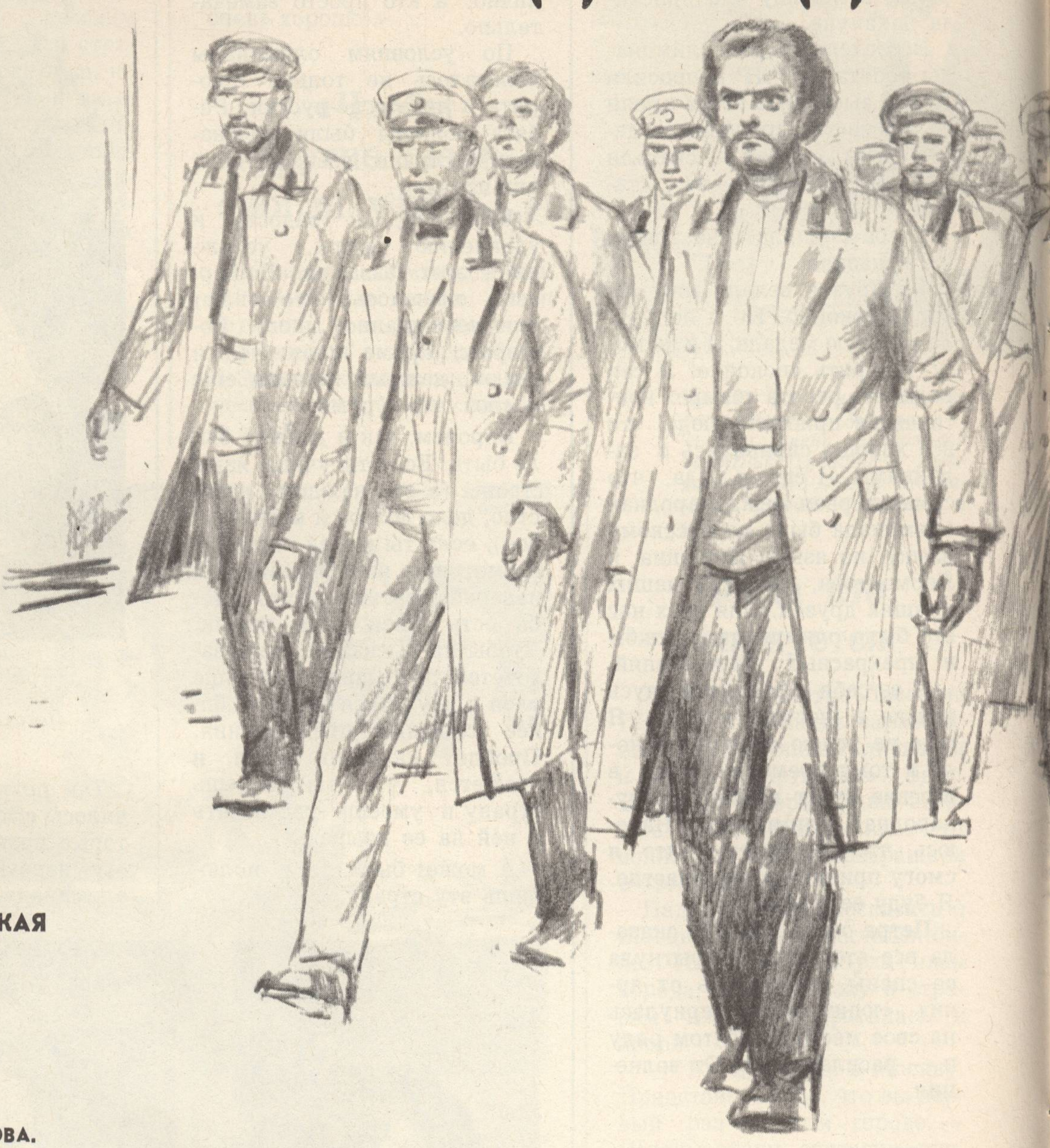
— Я буду ждать следующей олимпиады,— говорит Петра Лиссе.

Так по крайней мере случилось с теми ребятами, которые приехали в Москву на эту первую международную олимпиаду школьников. ★

Наранцэцог и Туа Ням-Осор приехали из Монголии. На олимпиаде обе заслужили золотые медали. Сейчас они семиклассницы, а после окончания школы мечтают учиться в Советском Союзе.

ПАРОЛЬ—НАДЕЖДА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Окончание

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

«Учитесь властвовать собою!»

В холодный, дождливый ноябрьский день Надя и Саша шли по Невскому проспекту, прижавшись друг к другу, под одним зонтиком. Девушки говорили о своих думах, о своих бедах и радостях.

С Лиговского проспекта на Невский словно выплескивались группы студентов. Они заполнили тротуары и мостовую. Они были возбуждены, громко переговаривались и оглядывались назад, словно за ними кто-то гнался. А за ними и впрямь гнались. Конные жандармы вытесняли их с Лиговского проспекта, а навстречу им, со стороны Садовой, двигались отряды полиции и казаки. Впереди студентов шагал высокий юноша с шапкой темных, густых волос, которые от дождя завивались еще круче. Темные глаза были мрачны и вместе с тем полны решимости.

Студенты, завидев казаков с шашками наголо, приостановились в нерешительности.

Студенты, завидев встречных казаков с шашками наголо, приостановились в нерешительности.

— Вперед, друзья! — крикнул юноша, смахнул ладонью с лица дождевые капли и вместе с ними словно умылся бодростью. Глаза его, теперь теплые, почти ласковые, обращенные к студентам, успокаивали и сплачивали.

— Что это? — спросила Саша какого-то студента, когда обе девушки оказались в их толпе.

— О, мадемуазель,— возбужденно ответил студент,— сегодня великий день, сегодня день памяти Добролюбова Николая Александровича. Слыхали о таком?

— Нет,— простодушно ответила Надя.— Кто он был?

— Это был юноша мудрый, как старик, жертвенный, как Прометей. Он многое успел в жизни. Умер, когда ему было двадцать пять лет. Сейчас ему было бы пятьдесят. Но он вечно останется молодым. Мы хотели немногого: мы, молодые, хотели почтить его память, но нам не разрешили собраться у его могилы. Потребовали разойтись. Мы не разошлись. И вот на нас напустили конников, видите, какие мы страшные, сколько войска выслали против нас, безоружных студентов. Вам лучше зайти в подворотню, с нами опасно, мадемуазель.

А в это время студенты собрались в кружок, и один из них, став на круглую голову каменной тумбы и поддерживаемый товарищами, говорил:

— Вспомним, друзья, что о Добролюбове писал Чернышевский: «Но невозвратима его потеря для народа, любовью к которому горел и так рано сгорел он. О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих».

— Слышите, мадемуазель, это был гениальный юноша. Может быть, и среди нас тоже есть такой, но мы его не знаем. Может быть, этот, что идет впереди, обратите внимание, как горят его глаза, будет таким... Его зовут Ульянов. Александр Ульянов... До свидания, мадемуазель! Зайдите в эту дверь. Вам не следует оставаться среди нас.

Надя потащила Сашу в парадное. Дождь превратился в ливень. Сквозь стекла двери девушки видели, как студенты бежали лавиной, гонимые конными жандармами.

Саша и Надя дрожали. Надя была взволнована этой встречей. Был такой гениальный юноша, Добролюбов. Фамилия-то какая: Д о б р о л ю б о в! Любящий добро! И гений! Прожил четверть века, четверть века его уже нет, а эти молодые люди хотят походить на него.

— Жаль, что мы не познакомились как следует с этим вихрастым студентом, который толкнул нас в парадное. Он мне понравился,— говорила Саша.— А теперь ищи его как в стогу сена иголку. Ты знаешь, он чем-то привлек мое сердце.

— Любовь с первого взгляда? — спросила лукаво Надя.— Так бывает?

— Бывает. Но я знаю, что я уже потеряла его,— вздохнула Саша. —А может быть, найду? Я побежала, догоню его, а ты иди домой.— Саша сунула Наде свой зонтик и выбежала на улицу, в ливень. Мимо парадной двери пробегали последние студенты.

«Любовь! — думала Надя.— Этого слова я боюсь. Неужели и у меня будет любовь? Нет. Если не будет большой цели в жизни, не будет и любви. Все было бы значительно проще, родись я мальчишкой. Я сейчас была бы вместе с ними, со студентами».

Надя раскрыла зонтик и нырнула в сумерки под струи ливня.

...Волновалась ли Надя, когда шла сдавать экзамены за гимназический курс? Нет. Было тяжелое равнодушие. Что изменится в ее жизни, если она наберет очки не на золотую, а на серебряную медаль или просто на аттестат зрелости? Как применить свои знания? Кому они нужны? Кто поможет? Где то Лаго-Маджоре, которое принесет исцеление от ничегонеделания, от разочарований? Где выход? Александр III стал для Нади олицетворением зла, невежества, злобной ненависти к человеку. Где они, Добролюбовы, которые ведут борьбу против царизма, и в чем эта борьба? Почему Толстой, кумир молодежи, так жестоко обошелся с женщиной? Есть ли справедливость на земле?

Экзамены отняли много сил, но еще больше сил отнимали душевные терзания: что делать дальше?

Сдав последний экзамен, как и все предыдущие, на «пять», Надя шла домой с пылающей головой. «Малявки», которые обожали Надю, заметили, что их любимица грустна.

— Девочки, дорогие мои, не подходите ко мне: у меня, наверно, ангина. Мы еще увидимся с вами, после...

К вечеру у Нади поднялась температура, и она слегла.

Елизавета Васильевна сидела у кровати дочери, прислушивалась к ее полупонятным словам и чувствовала: девочку что-то мучает. «Учитесь властвовать собою!.. Учитесь властвовать собою!..» Надя тяжело дышала, ей чудилось, что она поднимается по узенькой тропинке в гору, за которой мерещится цветущая долина, широкая дорога, а тропинка привела ее к утесу и обрывалась над глубоким ущельем. Ветер леденил тело, душные испарения, которые поднимались со дна ущелья, спирали дыхание. На другой стороне на уступе сидел огромный филин и злобно хохотал. Камни сыпались с гор и с глухим стуком падали в ущелье, холодный ветер пронизывал насквозь. А филин кричал: «Дороги дальше нет, нет! Ха-ха-ха!»

Борис Модестович приходил навестить больную утром и вечером. Глубокий бронхит, ангина. Общее переутомление осложнило болезнь.

Когда Наде стало лучше, пришли подруги, рассказали, как прошел выпускной бал, как торжественно объявила попечительница гимназии княгиня Оболенская о присуждении ей, Наде, золотой медали и как все аплодировали, не жалея ладоней. Потом, после молебна, в кабинете княгини был накрыт

для выпускниц стол. Пили шоколад и ели очень вкусное миндальное печенье.

А Надя была рада, что свою золотую медаль она будет получать в будничной обстановке, что ей не нужно петь «Боже, царя храни». Царя она ненавидела! Царь захлопнул перед юностью чугунную решетку, преградил дорогу в жизнь глубоким, смрадным ущельем.

Золотую медаль Наде вручала княгиня Оболенская, маленькая, худенькая женщина с белыми волосами, всегда одевавшаяся в черное.

Она поцеловала Надю в лоб, протянула ей папку с дипломом, приколола к белому, «парадному» фартуку золотую медаль.

— Вы были гордостью гимназии, дитя мое! Я советую поступать вам в восьмой класс. У вас есть все данные, чтобы стать отличной домашней наставницей.

Надя наклонила голову в знак согласия. Да, она будет учиться в восьмом классе, куда принимаются лучшие ученицы и где готовят домашних наставниц, то есть гувернанток и домашних учительниц.

Оболенская положила руки на плечи своей любимой ученицы, заглянула ей в глаза, поняла ее состояние.

— Увы, дитя, дальше дорога женщинам заказана.

Удивительный народ

И снова наступило 1 марта. Шел 1887 год. Поздно вечером в квартиру Крупских постучали. Так поздно могли принести только телеграмму. А телеграмма — это всегда сигнал бедствия. «От кого-то из сестер? Кто-то умер?» — неслись в голове Елизаветы Васильевны мысли, пока она накинула капот, разыскала ногами домашние туфли, зажгла лампу и пошла к двери. Надя тоже успела влезть в платье и встревоженная шла за матерью.

— Кто там? — Елизавета Васильевна приложила ухо к двери.

— Борис Модестович. Если вы еще не ложились, откройте.

Елизавета Васильевна повернула ключ.

Профессор был бледен, воспаленные глаза щурились под пенсне.

— Что случилось? Говорите скорее! — Голос у Елизаветы Васильевны срывался.

— Арестовали наших студентов. Пять человек.— Профессор снял шляпу, повесил шубу и, тяжело опираясь на палку, прошел в комнаты.

— За что арестовали? — спросила Надя.

— Говорят, покушались на царя.

Елизавета Васильевна ходила по комнате, кутаясь в шаль.

— Несчастные матери!

— На этот раз промахнулись? — спросила Надя.

— Нет, не успели бросить бомбу. Наверно, кто-то их выдал.

Наде вспомнились студенты, когда на них поперек всего Невского шли жандармы. Будь у них бомбы в кармане, они швырнули бы их под ноги царя, министров, полицейских. Во всяком случае, тот вихрастый, в которого влюбилась Саша. Молодые, оскорбленные лица. Все преступление этих людей заключалось в душевном благородстве, в том, что они не забыли своего гениального сверстника, юношу с удивительной фамилией — Добролюбов.

— Жалко, что не успели бросить! — вырвалось у Нади, и Елизавета Васильевна с тревогой посмотрела на дочь. «Не дай бог!» — мысленно перекрестилась мать.

Профессор вытер платком высокий лоб и лысину, покрывшуюся вдруг испариной.

— Удивительный народ эти революционеры. Все талантливые люди, и сами суют голову в петлю. Кибальчич был отличный инженер и вместе с тем талантливый хирург. Смастерил бомбу, которой был убит Александр II. И, представьте себе, сидя в Петропавловской крепости, зная наверняка, что его повесят, работал над какими-то чертежами изобретенного им летательного аппарата. Или вот сейчас. Ульянов Александр. Я его знаю по кафедре. Он создан для науки: глубокий аналитический ум, умение обобщать. Студент, получивший за курсовую работу золотую медаль,— это же готовый профессор. И он пошел с бомбой на Невский, чтобы метнуть ее под ноги царя, зная наверняка, что его ждет виселица.

Елизавета Васильевна поставила перед профессором стакан крепчайшего чая, как он любил. Но Борис Модестович машинально отодвинул стакан.

— Лучшие люди погибают для науки, а неспособные, кретины занимают посты в департаментах, становятся чиновниками. Было бы, наверно, больше пользы, если б Кибальчич построил летательный аппарат, о котором он мечтал, а Ульянов занимался биологией. Нет, они идут с бомбами, идут на виселицу, вспыхивают, как молнии, на один только миг, и после этой вспышки тьма еще гуще. Но ведь нужны не сполохи, а вечно горящий факел.

— Вечно горящий факел,— повторила Надя,— вечно горящий... А как его зажечь?

— Не знаю, девочка, не знаю. Если бы знал... Этот немой вопрос я читаю в глазах своих студентов и ничего не могу сказать им. Знаю одно: дальше так продолжаться не может. Клетку, в которую закована свобода

нашего народа, кто-то или что-то должно взломать. Но не цареубийство. Нет. Убили Александра II, пришел на его место кретин, убьют этого, придет и того хуже.

...Утром, перед уроками, гимназисток собрали в актовом зале на благодарственный молебен. Отец Симеон призвал отроковиц возблагодарить господа бога за то, что он уберег всемилостивейшего государя императора Александра III, отвел от него вражескую руку. «Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй!» — шептали гимназистки. Надя шевелила губами, не произнеся ни единого слова. Затем пели «Боже, царя храни».

Надя лишь делала вид, что поет.

Юноши, покушавшиеся на жизнь царя, занимали умы молодежи. Надя жадно ловила каждое слово о героях. Ей хотелось понять, что заставило их выйти на поединок с царем. Ведь для них была открыта дорога в науку, их лично никто не притеснял, у каждого, наверное, была невеста, любящая мать...

Надя снова и снова сетовала на то, что она девушка, а не юноша. Юноше легче найти путь к революционерам, участвовать в их делах. Надя чувствовала себя потерянной в этом мире. Елизавета Васильевна зорко наблюдала за дочерью, понимала ее смятение, страшилась потерять ее и сама не знала, что ей подсказать, чем заполнить ее жизнь, как удовлетворить ее стремление приносить людям добро.

Девушки негодовали на Толстого. Они писали ему письма, полные обиды за неверие в их силы и способности, за то, что Толстой не признавал за женщиной права на общественный труд. И Толстой опубликовал свой ответ девушкам, сразу получивший известность как ответ «тифлисским барышням». Лев Николаевич призывал барышень, приобретших знания, поделиться этими знаниями, «вернуть их назад тому народу, который воспитал нас». Он предложил помочь издателям книг для народа, и в первую очередь Сытину, исправлять или вовсе переделывать книги, дурно написанные, плохо переведенные. Он обещал желающим выслать такие книги.

Елизавета Васильевна услышала разговор об этой статье в конке, на первой же остановке вышла, купила журнал «Новое время» и как на крыльях понеслась домой: предложение Толстого должно заинтересовать Надю! И действительно, Надя загорелась — наконец-то нашлась отдушина. Несколько дней она мучилась сомнениями: как написать Льву Николаевичу, какими словами выразить свою готовность помогать в работе издательств? И наконец решила написать то, что лежит на сердце. Толстой поймет.

Надя села за письмо.

«Многоуважаемый Лев Николаевич! — писала она. — Вы, в Вашем ответе на обращение к Вам тифлисских барышень с просьбою о деле, говорите, что у Вас есть для них дело — исправление насколько возможно книг, издаваемых для народа Сытиным.

Может, Вы дадите возможность и мне принять участие в их труде.

Последнее время с каждым днем живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь я вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немножко загладить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием,—и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...

Когда я прочла Ваше письмо к тифлисским барышням, я была так рада!

Я знаю, что дело исправления книг, которые будут читаться народом, дело серьезное, что на это надо много умения и знания, а мне 18 лет, я так мало еще знаю...

Но я обращаюсь к Вам с этой просьбой потому, что думается, может быть, любовью к делу мне удастся как-нибудь помочь своей неумелости и незнанию.

Поэтому, если возможно, Лев Николаевич, вышлите и мне одну, две таких книги, я сделаю с ними все, что смогу. Лучше другого я знаю историю, литературу.

Простите, что я беспокою Вас своей просьбою, отрываю Вас от дела... но ведь это займет у вас не особенно много времени.

Н. Крупская.

Мой адрес: Петербург. Угол Знаменской и Итальянской улицы, дом 10/28, кв. 47. Надежде Константиновне Крупской».

Надя села за письмо.

Мысль о том, что по поручению самого Льва Николаевича Толстого она может делать какое-то полезное дело, воодушевляла Надю. Пока, в ожидании ответа, она решила заняться самоусовершенствованием, как советовал Лев Николаевич в своих статьях: не пользоваться чужим трудом, отказаться от всякой роскоши.

Подруги были потрясены видом Нади, когда она однажды явилась в гимназию в черном камлотовом платье с высоким глухим воротником, без всяких бантиков, брошек и даже без белого воротничка и манжет. Золотые пушистые волосы, которые так украшали ее, были смазаны лампадным маслом, прилизаны и затянуты в тугой узел на затылке. На ногах были грубые башмаки.

— Ты что, в монастырь собралась? — потешались над ней подруги.— Что за маскарад?

— Не желаю походить на какую-нибудь мамзельку-бездельницу,— коротко ответила Надя.

— Ты решила стать «толстовкой»? — спросила Саша.

— Вовсе нет. Непротивление злу означает сидеть сложа руки, а я буду бороться со злом — как, еще не знаю, но не по-толстовски, хотя жизненной мудростью и величием духа Толстого нельзя не восхищаться.

Дома она сама мыла полы, стирала белье, приносила дрова, топила печь, отказавшись от услуг дворничихи.

Елизавета Васильевна и сетовала на причуды своей дочери и подсмеивалась над ней. Мать явно не одобряла такого «самоусовершенствования», говорила, что лучше совершенствоваться в иностранных языках, чтобы затем преподавать их или переводить на русский язык книги, чем тратить драгоценное время на мытье полов. Но Надя считала, что времени у нее впереди очень много...

Борис Модестович не появлялся у них в доме уже больше двух недель, и Елизавета Васильевна попросила Надю проведать профессора: не заболел ли он...

Профессор сам открыл дверь и очень обрадовался приходу Нади. Вид у него был совсем несчастный: борода, за которой он всегда следил, потеряла форму, была всклокочена, обычно чисто выбритые щеки заросли, старый суконный халат висел на нем, как на вешалке. Борис Модестович очень похудел, и это его еще больше состарило. Наде было сердечно жаль его.

Профессор пригласил юную гостью к себе в кабинет. Там царил хаос запустения. Слой пыли покрывал стол и бумаги на нем. Сквозь мутные от папиросного дыма стекла книжного шкафа видны были книги. Они сиротливо жались друг к другу. Видно, к ним уже давно не прикасались руки хозяина. Черепа жалко скалили зубы, а один череп лежал на тумбочке возле кресла, и видно было, что профессор гасил папиросы, тыча их в лобную кость.

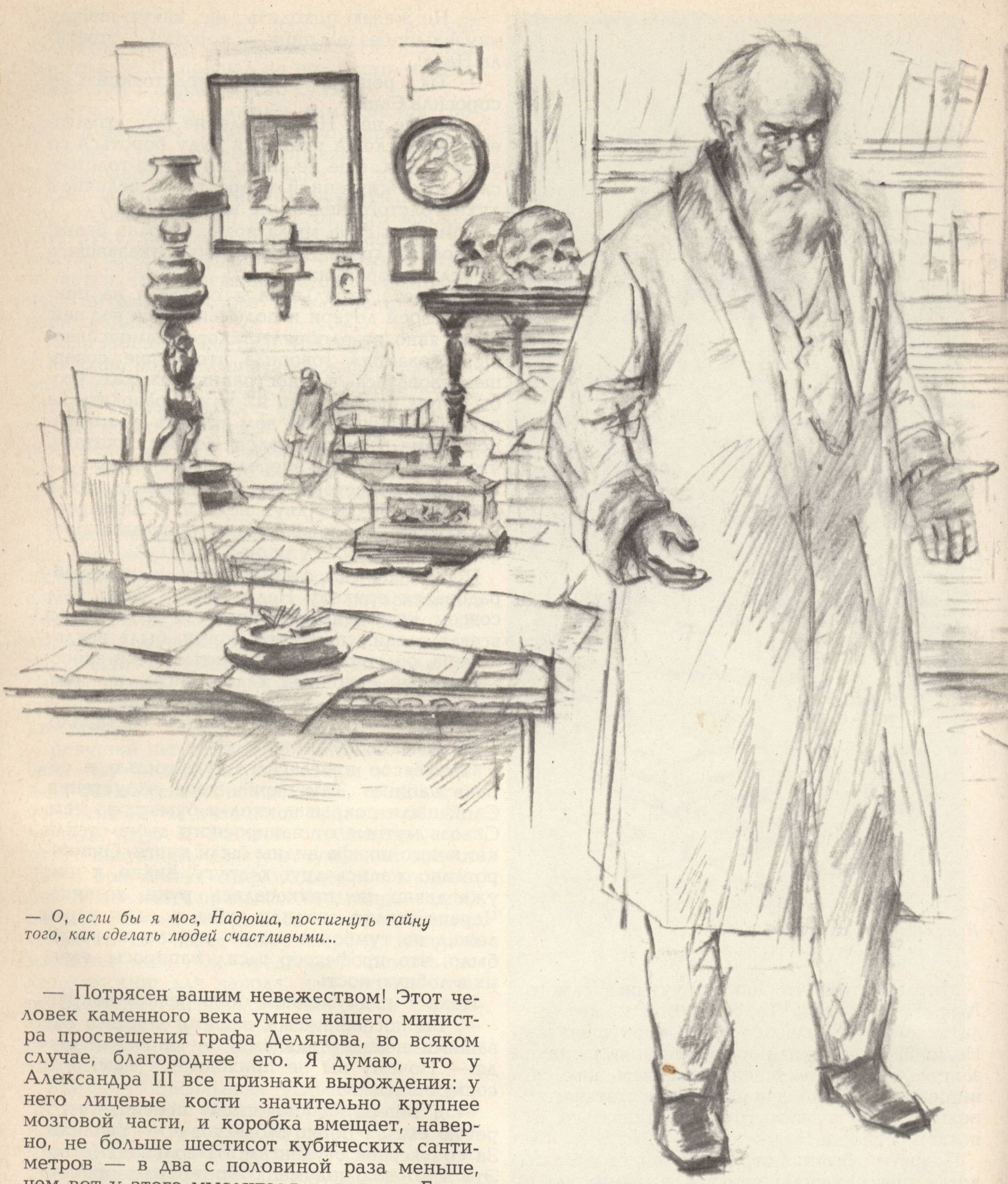
Надя с недоумением осмотрелась вокруг.

— Вы поссорились с вашими книгами и с вашими неандертальцами? — спросила Надя.— Почему вы не приходите к нам? Мы соскучились.

— Я теперь на «почетной» пенсии,— с горечью сказал Борис Модестович.— Уволили. За сочувствие студентам. За вольнодумство! Это я-то вольнодумец! Рр-р-революционер! Если бы я мог постигнуть тайну того, как сделать людей счастливыми, о, тогда я был бы гением!

— Борис Модестович, разрешите я наведу у вас в кабинете порядок. И, может быть, мы выбросим все ваши черепа? Они на вас наводят тоску.

Борис Модестович нервно дернул плечом, погасил о лобную часть черепа папиросу и закурил новую.

— О, если бы я мог, Надюша, постигнуть тайну того, как сделать людей счастливыми...

— Потрясен вашим невежеством! Этот человек каменного века умнее нашего министра просвещения графа Делянова, во всяком случае, благороднее его. Я думаю, что у Александра III все признаки вырождения: у него лицевые кости значительно крупнее мозговой части, и коробка вмещает, наверно, не больше шестисот кубических сантиметров — в два с половиной раза меньше, чем вот у этого мыслителя,— показал Борис Модестович на череп, по мнению Нади, ничем не отличающийся от других. Да она и не старалась внимательно рассматривать их. Черепа — это эмблема смерти, они ее страшили.

Надя отправилась на кухню, разыскала старое полотенце и принялась протирать стекла в книжных шкафах, выбросила две огромные пепельницы с окурками, открыла форточку, и в комнату поплыл душистый апрельский воздух — запах деревьев, напоенных свежими соками, и запах снега. Борис Модестович брился в ванной комнате и, вытирая бритву, кричал оттуда:

— Вы просто молодец, Надюша, что пришли к старику, а то я так бы и погиб. Мы по пути зайдем к Эйнему и купим коробку ваших любимых трубочек крем-брюле. Я за три недели стал просто доисторическим человеком — вот что значит ничегонеделание.

Профессор принес чистую салфетку, тщательно вытер череп, о который он гасил папиросы, и почтительно поставил его на полку.

— Ничегонеделание — это смерть для человека,— повторил он.

В майский день

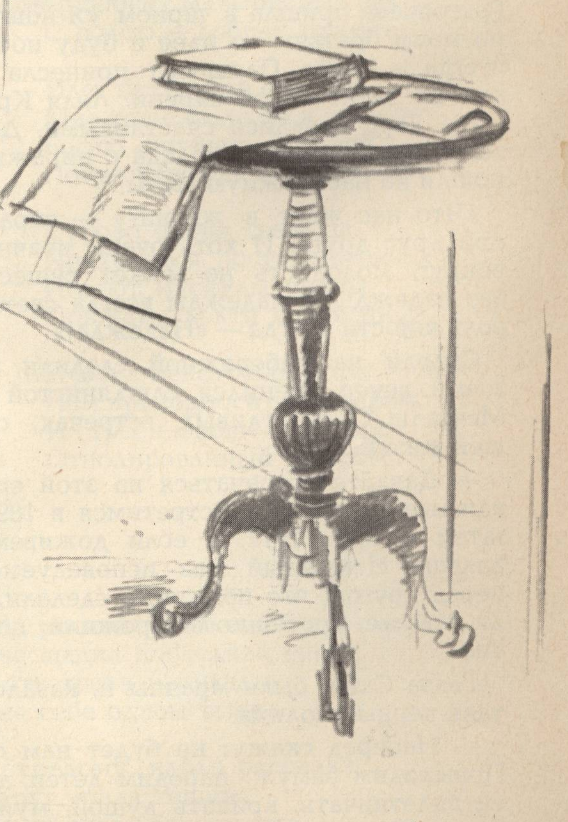
Наконец-то прибыла ожидаемая с таким нетерпением заказная бандероль с обратным адресом: Ясная Поляна, Тульской губернии, Л. Н. Толстой. Это был перевод книги Александра Дюма-отца «Граф Монте-Кристо». Все душевные терзания, все обиды на Толстого были забыты. Поручение самого Льва Николаевича! Но справится ли она с ним? Достаточны ли ее знания французского языка, чтобы сверить литературный перевод. Французский отлично знает Елизавета Васильевна, но Надя хочет справиться с этим трудным делом сама, испытать собственные силы.

— Может быть, сядешь за «Графа», когда закончишь восьмой класс? — осторожно осведомилась Елизавета Васильевна.

— Нет, нет. Я подготовлюсь к экзаменам, а по вечерам буду выверять, править перевод «Монте-Кристо».

Надя, наверное, сидела бы ночи напролет, если бы не материнская строгость: в одиннадцать спать. Вставать надо в семь утра. Рабочий день у Нади был рассчитан по минутам. И как мама ни уговаривала, Надя не согласилась отказаться от двух уроков, которые она давала и которые приносили в семейный бюджет четыре рубля в неделю.

Восьмого мая Надя сдавала математику. Получила отличную отметку и в веселом настроении мчалась домой, чтобы сесть за своего «Графа». На углу Литейного проспекта мальчишка, размахивая пачкой листков, выкрикивал: «Правительственное сообщение. Покупайте правительственное сообщение о

казни государственных преступников». Надя протянула мальчишке монетку. «Сегодня казнены через повешение Шевырев, Генералов, Ульянов...» Надя прислонилась к каменной стене дома. Она спала в своей теплой кровати, когда на рассвете пятеро юношей поднимались на эшафот, палач накидывал им на шеи петли... Перенять бы у них высокие чувства, готовность к подвигу.

Смахивая слезы со щек, Надя шла домой. Впрочем, не она одна плакала. Плакала, горевала вся передовая молодежь Петербурга, России.

Разное бывает горе. Одно унижает, приземляет человека, застит солнце. Другое высветляет душу и разум человека, делает его чище, лучше. «Нужен вечно горящий факел...» — вспоминала Надя слова профессора. Эти юноши пытались зажечь его. И снова неудача. Как и кто зажжет его?

«Граф» показался не таким привлекательным. Нужно другое дело. Но какое? Нужно бороться за свободу народа. Но как?..

И вот окончен 8-й класс. Надя получила высшую оценку и диплом «домашней наставницы», другие девочки получили дипломы «домашних учительниц».

Вечером собрались в кафе «Нева», чтобы отметить конец учения. Девушки пришли в шляпках, косы были подобраны по моде в греческий узел на шее, шляпы приколоты к волосам огромными булавками. В светлых тальмах, новых туфлях девушки выглядели нарядными и красивыми. Одна только Саша Григорьева пришла в черном. «Я ношу траур по моим братьям по идее и буду носить его всегда...» Люба Плещеева принесла девочкам по ветке белой сирени. Леля Крупская, Нина Герд казались счастливыми. Девушки выпили по чашке шоколада с пирожными и пошли на набережную Невы.

«Что нас ждет в жизни?» — спрашивали они друг друга. И хоть очень мрачно было вокруг, молодость не может существовать без надежды, а надежды всегда светлы. Пароль юности всегда — «Надежда!».

Сидели на набережной, следили, как розовый вечер сменился слюдянистой ночью. Мечтали. О счастливых встречах, о будущей жизни.

— Давайте встречаться на этой скамейке каждые десять лет. Встретимся в 1897 году, затем в 1907, 1917, а если доживем, то и дальше. И каждый раз исповедуемся друг перед другом, что полезного сделали, нашли ли счастье, достойно ли прожили десятилетие.

Глаза Саши были мрачны и, казалось, метали черные молнии.

— Наперед скажу: не будет нам счастья. Повыходим замуж, народим детей, научимся сплетничать, кривить душой, мужья нас будут обманывать, и на старости скажем: ну что ж, жизнь прожита, и не было в ней светлых дней,— только и будем вспоминать, что гимназию.

Столько горечи было в словах Саши!

— Нет, нет,— запротестовали подруги.

Люба Плещеева возмутилась:

— Если ни во что светлое не верить, не верить даже в свои силы, то и жить тогда нельзя.

— Кругом мрак, Россия превратилась в кладбище, а мы всего лишь ветка белой сирени на этом кладбище.— Саша швырнула цветы под ноги переступавшей с тяжелым возом ломовой лошади.

Девочки замерли, ожидая, что сейчас огромное копыто превратит в прах нежный цветок. Но лошадь переступила через него... И тут же огромное колесо раздавило ветку, сровняло ее с грязной мостовой.

— Зачем, зачем ты так сделала? — с отчаянием спрашивали подруги.

— Это наша судьба,— со злым равнодушием сказала Саша.

Наде было больно за подругу.

— Я так не хочу. Я хочу действовать, приносить людям пользу, я научусь это делать. Друг моего отца сказал мне, что нужно зажечь вечно горящий факел, который бы светил людям. Я буду искать эту возможность.

Нина Герд, молча наблюдавшая за кипением страстей подруг, сказала:

— Девочки, послушайте лучше старую индийскую сказку, которую рассказал мне папа.

Однажды две лягушки попали в кринку со сметаной. «Какое жуткое болото! — воскликнула одна из лягушек.— Отсюда нам не выбраться. Мы погибнем!» «Нет,— возразила другая.— Я хочу жить, и мы придумаем, как вылезти из этого болота». «Все твои попытки будут напрасны. В таком болоте нам не приходилось бывать. Прощай, подружка»,— сказала лягушка-пессимистка и, подняв лапы, опустилась на дно. «Глупая»,— сказала другая лягушка, оптимистка. Она принялась яростно работать лапами, пытаясь выбраться из банки, и так энергично и упорно работала, что в конце концов сбила масло. Вскочила на него и выпрыгнула из банки... Поэтому, девочки, отсюда мораль: давайте сбивать масло,— сказала Нина.

Все рассмеялись и повеселели. Надя взяла под руку свою строптивую Сашу.

— И правда, надо сбивать масло. Чего-нибудь в жизни мы добьемся. Будем искать, будем искать.

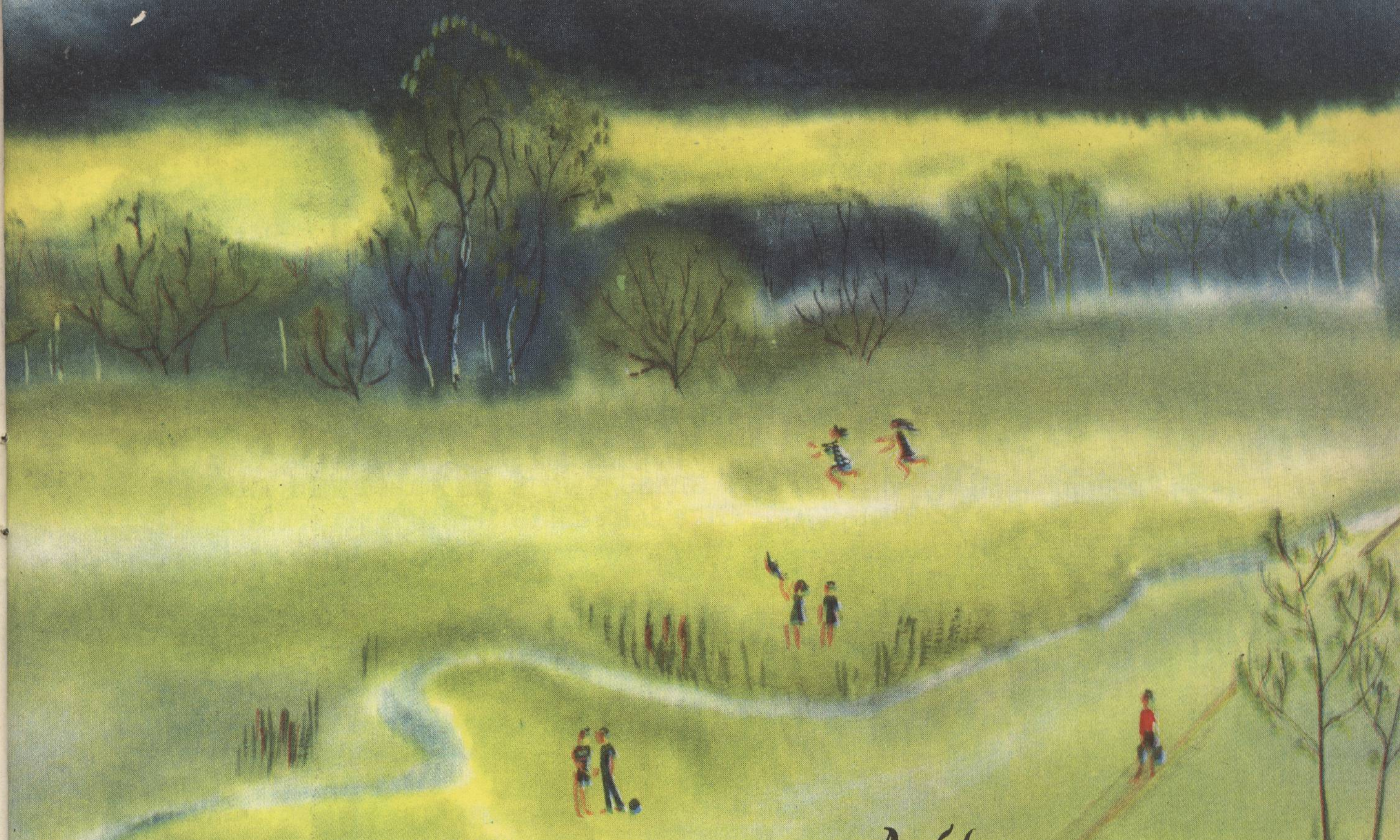
Саша крепко поцеловала Надю.

— Ты вся какая-то светлая.

Девочки шли по Шлиссельбургскому тракту. Над Невой поплыли протяжные, заунывные фабричные гудки. Они вступали один за другим — басовитые, и дребезжащие, и звенящие фальцетом. Скоро все они слились в один мощный хор — будили рабочий люд.

Наступало утро.

КОНЕЦ

Константин **ВАНШЕНКИН**

* * *

У каждого предмета
Есть — с самого начала до конца —
Не только лишь примета,
Но как бы выражение лица.

Мне улыбалась чашка
За завтраком, давнишнею зимой.
Мне становилось тяжко
От шторы с перекошенной каймой.

Не то, чтоб в каждой вещи
Угадывал я губы или нос,—
Еще гораздо резче
Любой предмет в себе характер нес.

Я видел их задатки.
Я удивляться им не уставал,
И не было загадки
В том, что средь многих
Я их узнавал.

Добрая примета

Жара взялась уже с утра.
Такое вызверилось лето.
Проносит мальчик два ведра
С водою — добрая примета.

Идет натянутой струной.
Мне тоже было не в новинку
Босою ощущать ступней
Потрескавшуюся тропинку.

Сурово брови сведены.
Приходится посторониться.
Играют мускулы спины,
Прижаты локти к пояснице.

И даже некоторый форс
Нам преподносится задаром.
И строен юношеский торс,
Отполированный загаром.

Соловей

А как он пел, вы знать хотели?
Не только душу прилагал,—
Как бы раскачивал качели.
Себе всем телом помогал.

Он посылал коленца метко.
Он был работник, а не сноб.
И ходуном ходила ветка,
Так колотил его озноб.

Средь росной лиственной прохлады
Он не щадил последних сил.
Все эти трели и рулады
Он на себе одном тащил.

По бурелому, вдоль распадка...
И вдруг упала тишина:
Себя он отдал без остатка
И исчерпал себя до дна.

ТВОЕ БОГАТОЕ НАСЛЕДСТВО

А. НЕКРАСОВ **Рисунки И. КРАСУЛИНА**

«5» и «0» — две цифры, только и всего. Если поставить их рядом, они станут числом «50». Как ни рассматривай это число, как ни задумывайся над его значением, само по себе оно ничего не скажет ни уму, ни сердцу.

Но стоит около числа поставить слово, букву, значок, и число заговорит, наполнится содержанием, вызовет в твоем сознании какие-то представления.

50 километров... Ого! Это целый час на электричке. А пешком и за сутки не пройдешь.

+50°... Ух, какая жарища!

50 лет... Для человека это вершина жизни. Опыт, знания, большие дела позади.

А для человечества? Пустяк, тысячная доля всей его истории.

Ну, а для нас, для советских граждан? Для нас 50 лет — это еще и история нашего многонационального государства от первых его шагов.

ДАВАЙ ОГЛЯНЕМСЯ НА 50 ЛЕТ НАЗАД, НА ТОТ ДАЛЕКИЙ УЖЕ ДЕНЬ 30 ДЕКАБРЯ 1922 ГОДА, КОГДА ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ПРИНЯЛ ДЕКЛАРАЦИЮ И ДОГОВОР ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

ЛЕНИНА НЕ БЫЛО НА ЭТОМ СЪЕЗДЕ. ВРАЧИ ЗАПРЕТИЛИ ЕМУ ПРИСУТСТВОВАТЬ И ВЫСТУПАТЬ НА СОБРАНИЯХ. НО ДЕЛЕГАТЫ ЕДИНОГЛАСНО ПОСТАНОВИЛИ ИЗБРАТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ПОЧЕТНЫМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ. ВЕДЬ ИМЕННО ЛЕНИН БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК В ЕДИНЫЙ, ДОБРОВОЛЬНЫЙ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ, МОГУЧИЙ СОЮЗ.

Совсем не такой, как сейчас, была в те годы наша страна.

Если б мы на самолете пролетели в то время, скажем, из Ленинграда в Астрахань, только не зимой, конечно, а летом, то земля под нами оказалась бы пестрой, как мозаика, слепленная из разноцветных кусочков — черных, зеленых, желтых, коричневых. Ведь не было еще колхозов, и каждый крестьянин по-своему возделывал и засевал свой крохотный клочок земли.

Но самолетов, таких, чтобы пролететь из Ленинграда в Астрахань, тогда не было.

Не было тракторов на наших полях, не было комбайнов. Почти весь хлеб убирали вручную. Только кое-где на бывших помещичьих усадьбах в пору страды стрекотали конные косилки. По узким грунтовым дорогам устало шагали лошади, впряженные в телеги и сани. Автомобилей на всю страну было меньше, чем сегодня наши заводы выпускают за один день.

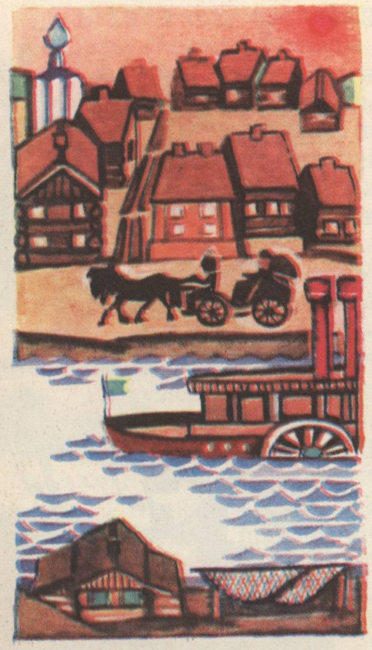

Тысячи новых городов и поселков выросли за полвека.

В то время мы не имели своих металлорежущих станков, своих электрических машин. Не тянулись над просторами нашей Родины линии электропередач... Многого мы не имели в те годы.

Но что-то было все-таки? Было, конечно. И вот, чтобы представить, далеко ли мы ушли за 50 лет, давай обратимся к числам. Сравним то, что было, с тем, что есть.

Совсем не такой, как сейчас, была в те годы наша страна...

С чего начать наш разговор? Можно рассказать о невероятных скоростях спутников, впервые в истории вышедших на космические орбиты, о протяженности путей наших межзвездных лабораторий, совершающих мягкие посадки на далеких планетах, можно рассказать о мощности двигателей космических ракет. Величины эти огромны и разительны. Здесь наши достижения бесспорны и общепризнанны. Но с чем сравнить эти величины? Ведь в те годы, когда создавалось наше государство, во всем мире только Циолковский да несколько других ученых всерьез думали о полетах в космос.

А вот о букварях думали. И о школах думали. Думали, как их построить, где найти средства на это дело, где взять учителей... И не только думали.

Почти 10 миллионов ребят училось до революции в школах царской России. Но еще больше было в стране ребят, которые могли только мечтать о школе. Три четверти жителей России не умели читать, а вместо подписи ставили крестик.

Сегодня каждый юный гражданин нашей страны, где бы он ни жил, на каком бы языке ни говорил, в семь лет собирается в школу и знает, что для него найдется и место, и учебники, и учителя. Около 50 миллионов школьников сейчас в Советском Союзе. Среди них старшеклассников в сорок четыре раза больше, чем полвека назад.

Сплошная грамотность, всеобщая доступность образования, в том числе и высшего, — великая победа нашего народа. Далась она нам нелегко. Строить и содержать сотни тысяч школ, готовить сотни тысяч учителей недешево стоит нашему государству. Но это необходимо.

Мы создаем материальную базу коммунизма. Создавать ее по старинке, как создавали, скажем, Днепрогэс — с лопатой, с тачкой да с косматой лошаденкой, — нельзя. Сегодня каждый из нас должен делать в десять, в двадцать раз больше, чем полвека назад. Для этого нужны точные станки, быстроходные машины, могучие экскаваторы, счетные устройства, атомные реакторы.

Чтобы управлять всем этим сложным хозяйством, требуется много знать и многое уметь. Чтобы заправить резец для современного станка, мало наметанного глаза и твердой руки, надо еще знание геометрии. Не изучив законов физики, не встанешь к пульту даже самой маленькой электростанции. А без электричества и минуты не проработают ни мощный прокатный стан, ни школьные часы.

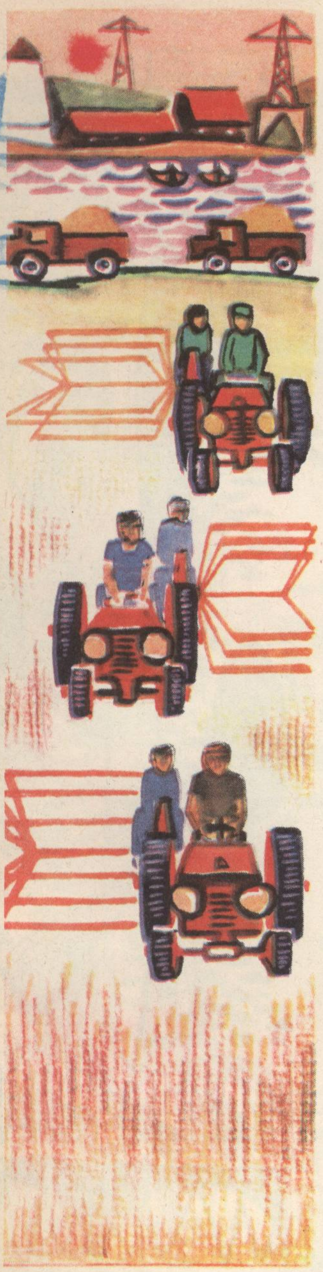
Электричество было и в царской России. Были электростанции, моторы, кое-где освещение, трамвай. В 1922 году электростанции страны выработали 0,8 миллиарда киловатт-часов электроэнергии.

Много это или мало? Давай разберемся.

Человек — существо физически слабое. Маленький ослик, и тот наработает больше самого сильного человека. Лошадь — подавно. О слоне и говорить нечего.

Но человек существо разумное. Он сумел заставить и ослика, и лошадей, и слонов работать на себя. Он приручил ветер, и воду, и пар. Но из всех «работников», призванных человеком на помощь, самым удобным, самым дешевым в конце прошлого века стало электричество. Оно берется за любую работу, делает ее послушно, быстро и точно.

Люди научились измерять работу, сделанную электричеством. Придумали единицу измерения — киловатт-час. Если на мускульную силу перевести эту меру, получится 16 часов работы взрослого человека.

Теперь благодаря машинам каждый крестьянин стал в шесть раз сильнее.

Вот теперь вернемся к 1922 году. В стране тогда было 136 миллионов жителей. Значит, на каждого из них приходилось около 6 киловатт-часов электроэнергии в год. Другими словами, рядом с каждым человеком четверть часа в день трудился электрический «раб».

А у нас? Нас, граждан СССР, 247 миллионов. А электроэнергии в этом году мы выработаем 863 миллиарда киловатт-часов. Если поровну разделить эти миллиарды и перевести их на мускульную силу, получится, что рядом с каждым гражданином Советского Союза круглые сутки работают пять — семь электрических «рабов»-невидимок.

А раньше не было тракторов на полях, не было комбайнов...

Мы привыкли к своим помощникам. Порой их не замечаем, не думаем о них. А со стороны это заметно: наша страна занимает теперь второе место в мире по выработке электроэнергии. А через два года будет вырабатывать электрической энергии больше, чем сегодня вырабатывают ее Англия, Франция, ФРГ, Италия и Япония, вместе взятые.

Электрическим «рабам» приходится и тяжелые составы гонять по рельсам, и бетон месить, и землю копать. Для этого им нужны крепкие «ноги», могучие «руки» и удобный инструмент. И «руки», и «ноги», и инструмент электрических «рабов» почти целиком сделаны из стали. Из нее также сделаны каркасы домов, рельсы, мосты, трубы газо- и нефтепроводов, автомобили и тракторы, корпуса кораблей.

В 1922 году мы выплавили 300 тысяч тонн стали и плелись где-то в самом хвосте мировой металлургии. Как на недосягаемый предел

смотрели мы на успехи американцев, выплавлявших в то время 20 миллионов тонн стали в год.

Сегодня наши металлурги вышли на первое место в мире, они выплавляют в год больше 120 миллионов тонн стали!

Если ты задумаешься над этим числом, грандиозная картина встанет перед глазами. Ведь это значит поднять на-гора́ сотни миллионов тонн руды, перевезти ее на обогатительные фабрики. Это значит поднять на-гора́ сотни миллионов тонн угля и перевезти его на коксовые заводы. Обогащенную руду и кокс нужно перевезти к домнам. Приготовленную из чугуна сталь перевезти к потребителям. А нужно еще перевезти хлеб и одежду шахтерам и металлургам, нужно перевезти оборудование на шахты и на заводы.

Обрати внимание: во всех этих операциях есть слово «перевезти». Задумайся и о том, что вся человеческая деятельность так или иначе связана с транспортом. С Кубани везут хлеб на север, с севера удобрения везут на Кубань. Хлопок из Средней Азии везут в Ленинград, из Ленинграда в Среднюю Азию везут турбины.

В 1922 году тоже возили и руду, и уголь, и хлеб, и одежду. Громыхая на разбитых стыках, дымя и надрываясь, ползли паровозики, неторопливо таща за собой небольшие товарные составы.

В наши дни старик паровоз сошел с магистральных путей и доживает свой трудовой век, составляя и разбирая поезда. Могучие электровозы и дизельные локомотивы резво бегут по старым и по новым железным дорогам, перевозя миллионы тонн грузов.

Есть еще и реки. Грузы по рекам перевозят издавна. Река — самый выгодный, самый дешевый путь. Но сколько раньше возили? По Енисею, например, за один день теперь переправляется больше грузов, чем за всю навигацию 1922 года.

Есть у нас мощный грузовой автотранспорт, которого в 1922 году не было. Есть авиация. Есть гигантская сеть нефте- и газопроводов — тоже новый, совершенный вид транспорта.

В Советской стране за полвека грузооборот увеличился больше чем в полтораста раз. Вот как расширилось и выросло наше народное хозяйство!

По сельским трактам движутся хлеб и удобрения для полей, по шоссе, по железной дороге, по рекам — продукция новых заводов и стройматериалы. И люди движутся — почти тысяча новых городов выросла у нас за последние полвека. Одних новоселов в эти города пришлось завезти миллионы, а иных из них и в такие места завезти, где нет никаких дорог, кроме воздуха. Вот поэтому всех быстрее летают наши самолеты. Вот поэтому самая большая в мире протяженность у наших воздушных путей.

В 1922 году нас поражали вести о достижениях мировой авиации. Рекорды скорости, высоты, дальности полета, грузоподъемности — все их в то время поделили американцы, немцы, французы, итальянцы, англичане.

А сегодня? Сегодня из 143 мировых рекордов в авиации 101 принадлежит Советскому Союзу.

В те далекие уже годы наш советский флаг развевался над зданиями посольств в немногих государствах. Сегодня наш флаг знают почти во всех уголках мира. Люди разных национальностей и рас с надеждой смотрят на этот флаг, они верят, что страна за полвека из отсталой, слабой, неграмотной ставшая могучей, передовой, поистине великой, сумеет остановить те силы, которые разжигают на земле войну.

И последнее сравнение: до революции продолжительность жизни в России ограничивалась 32 годами. Это не значит, конечно, что не было в России стариков. Были и старики, но по дороге к зрелости смерть повсюду подстерегала жителя России. И немногим удавалось переступить «возрастной порог». Сейчас средняя продолжительность жизни у нас 70 лет.

Нет, недаром прошагал наш Союз полвека по дорогам истории. Смотри, сколько богатств получил ты в наследство от своего народа. И силу, и гордость, и знания, и почти сорок лет жизни... И какой жизни! ★

Журнал в журнале «Кораблик» печатает только тебя

Чтобы побывать в гостях у ребят, стихи которых напечатаны на этой странице, понадобилось объехать почти всю нашу страну — Армению, Узбекистан, Дальний Восток, Украину и Казахстан...
Вот какое плавание совершил наш «Кораблик»!

«Меня зовут **Алиса ОВСЕПЯН**, мне 15 лет. Живу я в Армении, в городе Кафане. Вот и все».

Зима

Говорят, зима старая. И злая.
А я жду ее — она молодая.
Мне кажется, что зима —
девчонка:
Ресницы-снежинки и руки
тонкие.
Улыбается просто-просто.
Глаза удивленные. Совсем
подросток...

❄

А рядом живет девочка
Из города, мне чужого.
Совсем незнакомая
девочка.
Из мира совсем другого.
Какая она? Не знаю.
Хорошая? Может, плохая?
Метет. На дворе вьюга.
Метет. И задачки нудные.
У нее, может, нет друга?
И может, ей тоже трудно?

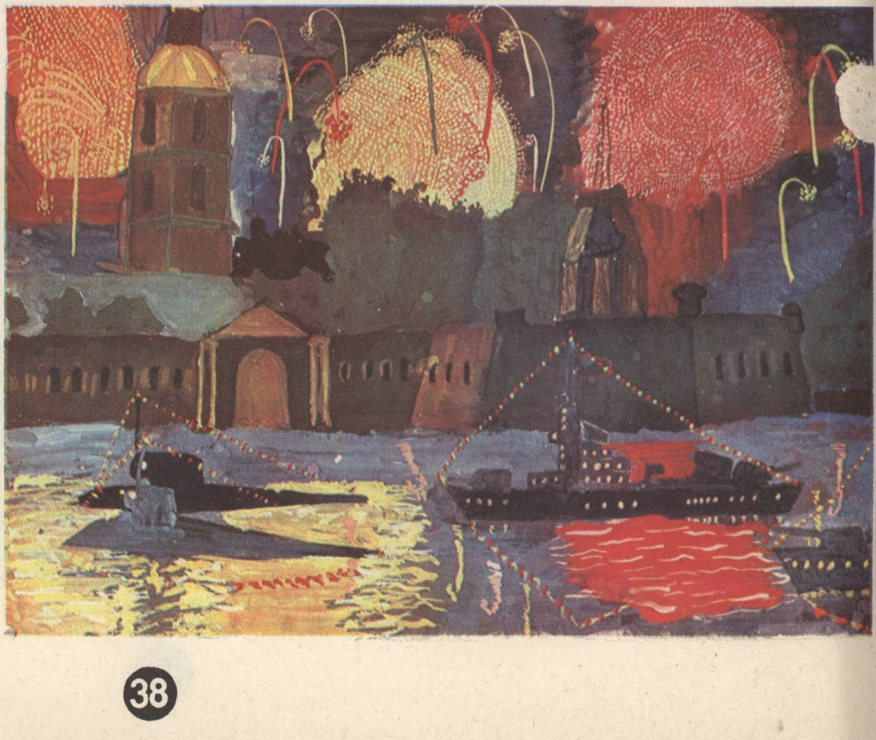
Рафкат ГИМАЕВ — ровесник Алисы. Живет он в Узбекистане.

Заботливая туча

Туча
По небу плывет
Над планетой нашей.
То в Ташкенте дождь
пойдет,
То вдруг над Ла-Маншем.
Над лесами,
Над морями
И над горной кручей,
А теперь плывет над нами
Дождевая туча.
Я спросил:
— Куда плывешь:
В Самарканд
Или же в Ош?
Туча молвила:
— К утру
Уплыву я в Бухару.
А пока,
дружочек мой,
Я умою город твой.
Чтоб с рассветом,
В ранний час
Засиял он
как алмаз.

❄

Миша ЖУКОВ из города Электроугли назвал свою картину «С а л ю т».

Рассказ написала **Валя КРАЕЦ.** Ей 13 лет, она живет в городе Кустанае. В Валином рассказе Барсиком зовут пса, а Пират — это кот. Не перепутайте!

«Учитель»

тая снегом, одинакового серебристо-серого цвета. Линия горизонта растворилась в искрящейся снежной пыли. Скоро, через неделю-другую, низкое солнце исчезнет, словно растает в снежном полумраке. Наступит многомесячная полярная ночь...

Скатал человек снежный ком. Обтесал его с четырех сторон, и получился большой снежный кирпич. Один. Другой. Третий... Много уже таких кирпичей лежит на ровной, расчищенной от снега площадке.

И вот человек начинает складывать из этих снежных кирпичей дом. Есть такая пословица: «Дом без углов не стоит». Так вот, этот снежный дом строится без углов — он круглый. Как половинка шара. Издали он очень похож на яйцо, врытое наполовину в землю.

Оглядел человек свой дом снаружи, взял в руки плошку с тюленьим жиром да с плавающим в нем фитильком, пригнулся и вошел внутрь дома. Поставил он этот свой светильничек на снежный пол и стал ждать. Потрескивает тюлений жир, бледный огонек то выше взметнется, то почти совсем исчезнет. Но вот разгорелся светильник. Ровно горит пламя на фитильке. Воздух в круглом снежном домике постепенно нагревается. Снег на стенах подтаивает. Оплывают снежные кирпичи. Словно на глазах накрепко срастаются. Теперь стоит только на время убрать светильник, и стены внутри дома схватятся крепкой ледяной корочкой. Дом готов.

Издревле строили эскимосы на Крайнем Севере такие вот снежные жилища. Назывались они йглу.

Тамара МИХАЙЛОВА живет в Красноярске. «Неведомый мир» — вот ее картина.

«Я очень люблю рисовать. Рисую и красками и карандашом. Особенно люблю рисовать портреты детей и иллюстрации к книгам».

Таня СИДАШ, 15 лет, из города Краматорска, Донецкой области.

«...Наш город-порт находится на самом востоке СССР, об его берега бьются волны Японского моря...» — пишет «Кораблику» **Ира ПАНТЕЛЕЕВА** из Владивостока.

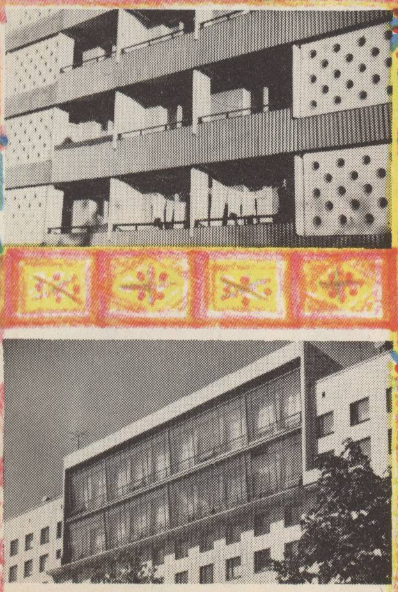
Спят солдаты

Облака плывут куда-то, в синем небе утопая.
Там, внизу, лежат солдаты, после боя отдыхая.
Их березы приласкали, спать немного им осталось.
По усталым лицам видно: в битве жарко им досталось.
А за лесом, где недавно разрывалися гранаты,
Тоже спят, но только вечно, в поле русские солдаты.
Но Отчизна не забудет сыновей своих крылатых.
Чтобы спали мы спокойно, воевали те солдаты.

Цветные слова

А стихов полна голова!
Так и кажется: вот взлечу!
Что за чудо — цветные слова!
Я писать, я писать хочу!
Только слышу: «...тысяча пять.
Это на дом. Выполнить в срок!»
Мне никак нельзя летать,
Я за партой. Идет урок.

ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ Ж

рых
объ-
еки-
к»!

туча

Туча
По небу плывет
Над планетой нашей.
То в Ташкенте дождь
пойдет,
То вдруг над Ла-Маншем.
Над лесами,
Над морями
И над горной кручей,
А теперь плывет над нами
Дождевая туча.
Я спросил:
— Куда плывешь:
В Самарканд
Или же в Ош?
Туча молвила:
— К утру
Уплыву я в Бухару.
А пока,
дружочек мой,
Я умою город твой.
Чтоб с рассветом,
В ранний час
Засиял он
как алмаз.

❄

Миша ЖУКОВ из города Электроугли назвал свою картину «С а л ю т».

Л. ЯХНИН

ЖИЛИЩА РАЗ

Сколько лет нашему дому?

Сто, пятьсот, тысяча? Десятки тысяч лет, а может быть, и больше. Я не оговорился: именно н а ш е м у дому, в котором мы живем, десятки тысяч лет. Не думайте, что наши современные дома так уж не похожи на жилища древних людей. Как, скажете вы, наш дом построен десять лет назад и в нем...

Ага! Вы уже начинаете подсчитывать, загибая пальцы: лифт, мусоропровод, газовая плита, паровое отопление, электрическая лампочка под потолком, ванна, водопровод...

Я тоже помню обо всем этом. Кстати, ванна была уже в древних помпейских домиках, раскопанных из-под пепла Везувия. А водопровод... Вспомните стихи Маяковского:

...как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима...

Впрочем, если бы и не было у древних римлян ванны и водопровода, я бы все равно не взял своих слов обратно. Ведь сегодняшний дом, какой бы он ни был современный, как и тысячу лет назад, должен защищать своих обитателей от холода и жары, от ветра, дождя или снега.

Люди живут повсюду — и на снежном севере, и на знойном юге, и на степных просторах, и среди лесов, и в горах, и в пустыне, и даже на воде. Жилища, которые народ веками строил, приспосабливая к тому или иному климату, к тем или иным обычаям, потребностям, очень много значат для современной архитектуры.

Знать, какие бывали жилища и как они устроены, необыкновенно интересно. Но не просто

интересно. Еще и очень нужно. Больше того — совершенно необходимо.

Снежный дом

Ровная снежная гладь. Небо и земля, покрытая снегом, одинакового серебристо-серого цвета. Линия горизонта растворилась в искрящейся снежной пыли. Скоро, через неделю-другую, низкое солнце исчезнет, словно растает в снежном полумраке. Наступит многомесячная полярная ночь...

Скатал человек снежный ком. Обтесал его с четырех сторон, и получился большой снежный кирпич. Один. Другой. Третий... Много уже таких кирпичей лежит на ровной, расчищенной от снега площадке.

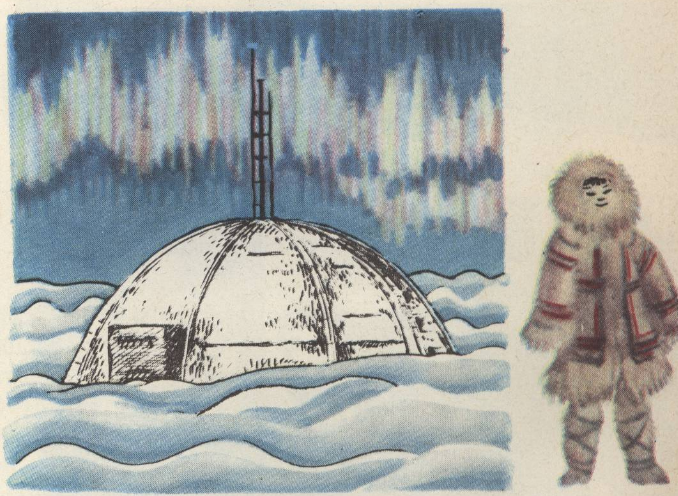
И вот человек начинает складывать из этих снежных кирпичей дом. Есть такая пословица: «Дом без углов не стоит». Так вот, этот снежный дом строится без углов — он круглый. Как половинка шара. Издали он очень похож на яйцо, врытое наполовину в землю.

Оглядел человек свой дом снаружи, взял в руки плошку с тюленьим жиром да с плавающим в нем фитильком, пригнулся и вошел внутрь дома. Поставил он этот свой светильничек на снежный пол и стал ждать. Потрескивает тюлений жир, бледный огонек то выше взметнется, то почти совсем исчезнет. Но вот разгорелся светильник. Ровно горит пламя на фитильке. Воздух в круглом снежном домике постепенно нагревается. Снег на стенах подтаивает. Оплывают снежные кирпичи. Словно на глазах накрепко срастаются. Теперь стоит только на время убрать светильник, и стены внутри дома схватятся крепкой ледяной корочкой. Дом готов.

Издревле строили эскимосы на Крайнем Севере такие вот снежные жилища. Назывались они иглу.

Эскимос строит дом. Маленький снежный купол среди бескрайних снегов. Зима принесла холода. Зима и помогает защититься от них.

Не правда ли, домик полярников очень похож на снежные иглу эскимосов?

Чай, блюдце и стена

Чтобы чай остыл, его наливают в блюдце. Почему? Потому что поверхность воды больше в широком блюдце, чем в узком стакане. А чем больше поверхность воды, тем быстрее уходит из нее тепло.

Чем меньше поверхность стен дома, тем больше тепла сохранится внутри, в комнатах. А ведь шар (это известно из геометрии) из всех геометрических фигур имеет наименьшую поверхность. Вот, оказывается, почему эскимосы строили круглые дома! Хотя, конечно же, геометрии они тогда не знали. Но многолетний опыт помог им.

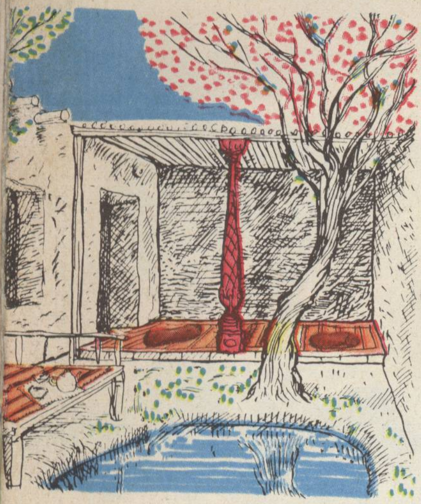
Сегодня архитектор не собирается строить из снега — в его распоряжении есть такие материалы, как железобетон, пластмасса, металл. Но форма северного дома эскимосов, продуманная до деталей, может быть использована. Посмотрите на этот круглый субарктический дом для полярных экспедиций, построенный известным шведским архитектором Ральфом Эрскиным. Не напоминает ли он вам древнее эскимосское жилище?

Озеро в комнате

«Оазис». Удивительное слово. Его невозможно произнести небрежной скороговоркой. Это длинное «о» впереди придает голосу оттенок восхищенности и даже почтения. И еще в нем слышится слово «Азия». И веет от него прохладой...

Может быть, мне все это кажется, потому что я знаю: оазис — это клочок зеленой влажной земли среди необъятных желтых песков пустыни. Для обитателей пустыни оазис — это жизнь. И люди здесь строят свои дома.

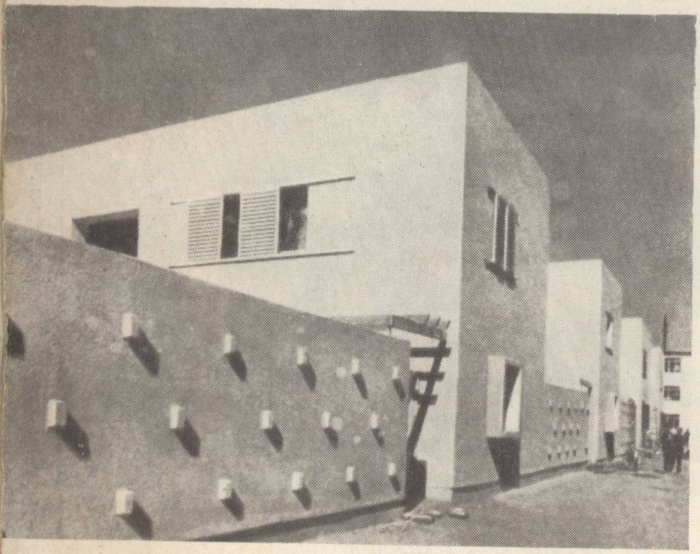
Строя дом в пустыне, человек всегда стремился отгородить себе среди сухих песков кусо-

Кусочек древней Бухары. Вдоль узкой улочки тянутся глухие глинобитные стены с редкими углублениями дверей.

По образу и подобию глинобитного жилища недавно построены в Ташкенте небольшие железобетонные домики. Белые кубики домов сверкают в ярком солнце, а во внутреннем дворике — тень и прохлада.

чек оазиса. Сохранить оазис внутри дома. Но как же это сделать? Дерево в кухне? Озеро в спальне?

— Такого быть не может! — скажете вы.

Однако именно так и выглядит среднеазиатское жилище. И зеленое дерево и маленький водоем обстраиваются, окружаются глухими глинобитными стенами. Дом словно заключает в объятия этот маленький зеленый дворик.

Но он только называется двориком. На самом же деле это и есть настоящее жилое помещение, еще одна комната в доме. С плотной тенью под раскидистой чинарой и с влажным ветерком от небольшого бассейна. Ведь большую часть дня и всю ночь люди стараются проводить не в душных, закрытых помещениях, а на воздухе, в «комнате под открытым небом». Здесь и принимают гостей, и пьют зеленый прозрачный чай, и жарят вкусное баранье мясо, и спят.

А снаружи в стенах дома нет окон, только дверь. Стены дома надежно берегут маленький оазис от знойных, сухих ветров, желтых от песчаной пыли.

Махалля

Старый город в Средней Азии состоял из небольших жилых кварталов — махалля. Махалля — это и прилепившиеся друг к другу глинобитные домики, и кривые улочки, такие узкие, что тень от дома на одной ее стороне ложится на стену дома напротив, и небольшая базарная площадь. В таких махалля жили дружно, почти общиной. Уважаемых седобородых стариков, сидящих рядком под навесом на базарной площади, каждый знал по имени. С ними вежливо здоровались, прибавляя почтительное «ата», то есть «старик», «отец»:

— Здравствуйте, Дадахон-ата!

И старики благосклонно кивали головами. А женщины, взобравшись на плоскую крышу, перекликались с соседками из ближних домов.

Махалля чем-то похожи на современные микрорайоны с их пешеходными дорожками и небольшим торговым центром. Старые районы Ташкента были разрушены недавним землетрясением. Но добрососедские обычаи, уклад жизни приветливого узбекского народа землетрясение разрушить, конечно, не могло. И архитекторы решили попытаться создать район наподобие махалля в новом Ташкенте.

И вот появились железобетонные дома с бассейном и садом во внутреннем дворике, с плоской крышей. В каждом таком доме живет одна семья. Так идея глинобитного жилища Средней Азии воплотилась в современном доме.

Дом на колесах

Степь необъятна. Пастбищ много. Зачем стадам пастись на одном месте? Здесь траву съели, можно перекочевать дальше. Так и кочевали люди за табунами лошадей, за тучными стадами. Но не в один день объедят животные сочную траву, не один день придется людям жить на одном месте. Нужно строить жилище.

Вбили в землю высокие жерди. Перевили их прутьями. Словно перевернутая вверх дном корзинка стоит в степи. Звездное небо просвечивает сквозь прутья. Но вот накрыли этот плетеный остов плотными полотнищами войлока, и получился надежный, теплый дом — юрта. А когда понадобится перекочевать в другое место, быстро разберут легкую юрту, уложат в кибитку жерди и войлок, и покатил дом на колесах по степным дорогам.

Воспоминания о лете

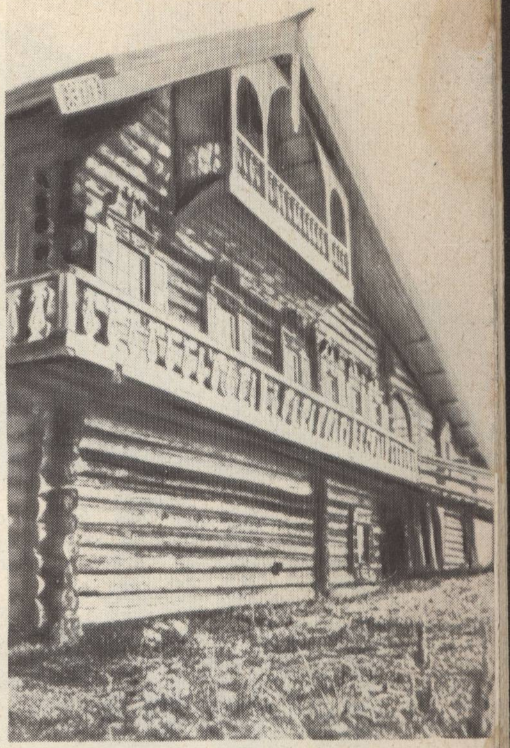
Зима старательно прячет под снегом следы недавнего лета — и сухие скрученные листья, и не успевшую пожухнуть траву, и литые головки желудей, и земляничные полянки, и взгорки с мягкой подстилкой мха.

Но прояснится, поголубеет небо, заскользит солнечный луч по стволам сосен, высветлит их оранжевыми пятнами, и мелькнет тогда мимолетное воспоминание о жарких летних днях. А лето уже давно кончилось... Яркие дощатые стены домиков в пионерских лагерях покрыты изморозью. Крутит поземку ледяной ветер на дорожках, исшлепанных за лето босыми ногами и сандалиями. Плотно уложены в мешки до следующего лета пионерские палатки...

Стоп! Обратите внимание: уложены. Перекочевали обитатели пионерского лагеря из лесу в город, в свои «зимние» квартиры, и палатки собрали, словно юрты. Выдернули из земли колья и колышки, аккуратно сложили брезентовые полотнища — жди, палатка, неблизкого лета!

Вот как! Оказывается, пионерская палатка не такая уж дальняя родственница кочевой юрты. Сегодня и геологи, и комбайнеры на полевых станах, и полярники нередко живут в разборных передвижных домиках. И в них тоже немало общего с легкой «сборно-разборной» юртой.

Пожухла трава у бревенчатой стены. Скоро сибирская зима закрутит метели. Но они не страшны жителям этого дома: весь двор, все хозяйство укрыты под одной крышей.

Под одной крышей

Меня всегда удивляло, как ловко и крепко слажена обыкновенная русская изба. И какое название меткое — сруб. Дом, срубленный обычным топором. В каждом стесе бревна, в каждой зарубке словно застыл точный, уверенный взмах острого топора. И плотно сложенные — венец к венцу — стены, и ровная полоска мха или пакли между бревнами, и гладкие кругляши торцов бревен — все это прочно, ни один самый крохотный сквознячок не проскочит в дом.

Особенно чувствуется это в северной избе. Здесь уже не только дом защищен от мороза, снега, ветра. Но и двор, и амбар, и хлев, где живет домашний скот, — все слилось с домом воедино, под одной крышей.

А на севере Чехословакии даже есть «дворы-улочки», в которых под одну крышу пристраивается сразу десять — пятнадцать домов. Тут и лютый мороз и снежный буран нипочем: люди всем селом укрылись под одной крышей.

Большой дом или маленький город?

Под скованной морозом и вечным льдом землей Крайнего Севера таятся необыкновенные богатства — и руды, и золото, и уголь. Их надо добывать. А значит, и сегодня люди должны селиться в тех местах, где морозы в пятьдесят — шестьдесят градусов совсем не редкость. Да еще вдобавок сильные ветры и снежные бураны.

И архитекторы проектируют для севера большие дома, где под одной крышей объединены и жилье, и магазины, и школы, и кинотеатр, и даже сад — «зимний сад» под пластмассовым прозрачным куполом. Только это уже не дома, а целые поселки или даже небольшие города. И похожи они на фантастические города будущего. Мы обязательно вспомним о них в следующий раз, когда будем говорить об архитектуре будущего. А прообразом этому городу послужила обыкновенная сибирская изба! Тот же принцип — все, что необходимо человеку, под одну крышу.

Но, разумеется, людям необходимо сегодня гораздо больше, чем сто или пятьдесят лет назад...

И на воде и в горах...

Вот какие разные дома строят для себя разные народы на земле. Но и это далеко не все. Дома на плотах и даже на лодках. Словно ласточкины гнезда, лепятся к скале пуэбло — жилища южноамериканских индейцев. И великолепные гордые дома-башни грузинского селения в Сванетии.

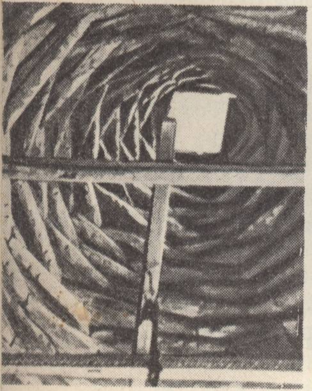

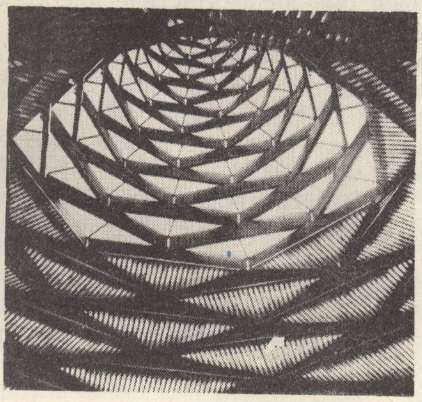
Старый эстонский дом будто состоял из одной крыши. По скользкой соломе с крутых скатов крыши дождевые струи стремительно скользят вниз.

Островерхая крыша современного кемпинга Раннамыйза почти совсем закрыла стены. Дом красив и защищен от дождя.

Древнее грузинское жилище — дарбази — было устроено так, что свет проникал в него через отверстие в крыше. Делался купол из бревен, положенных одно на другое восьмигранником, как видно на рисунке.
А рядом купол современного здания, но сделан он по принципу грузинского дарбази.

Очень трудно перечислить все, что дает народное жилище современной архитектуре. Архитекторы сегодня пристально изучают тот опыт, который воплотился в таких необычных, а иногда и просто экзотических формах народных жилищ.

Странный джентльмен и ленточки на дверях

У Бернарда Шоу в его пьесе «Пигмалион» есть прекрасный эпизод. Между случайными собеседниками, укрывшимися от дождя, завязывается разговор. И один почтенный джентльмен поражает всех тем, что может рассказать чуть ли не биографию каждого: откуда он родом, в каком предместье Лондона жил, чем занимается. Сначала все были удивлены, потом возмутились, а потом и вовсе обозлились на этого слишком много знающего человека. Кто-то крикнул, что это, может быть, шпик и он следит за всеми.

Но тут выясняется, что джентльмен — специалист по языку, лингвист. По оттенкам речи, по говору, по характерным словечкам определяет он и род занятий человека и место его рождения. И это не удивительно.

Мы можем с легкостью определить родину человека, говорящего по-русски, не только если он украинец или грузин, но и «окающего» уроженца Вологды или «акающего» москвича.

То же самое происходит и в архитектуре. Поезжайте в Узбекистан, в Грузию, в Прибалтику, в любую республику нашей страны, и вы увидите, как особенности искусства, быта, национальных традиций проявляются в архитектуре современных зданий. Будь это затейливый лазорево-зеленый узбекский орнамент. Или армянский розовый туф, которым отделываются дома в Ереване. Или знаменитая грузинская чеканка на стенах домов. Или характерная крыша эстонского дома с такими большими свесами, что почти закрывает стены.

Многим, наверное, знакомы огорчения по поводу того, что современные здания слишком похожи. Были даже случаи, когда мамы привязывали разноцветные ленточки у входов в свои дома, чтобы дети не заблудились.

Но дома-близнецы существуют не только в одном микрорайоне или даже городе. Появилась опасность, что архитектура во всех странах станет одинаковой. Архитекторы стали говорить о некоем «международном» стиле. А ведь каждый народ имеет и свою историю, и свое искусство, и свой характер. И архитектура разных народов, конечно же, не может быть одинаковой.

Вот почему архитекторы изучают тот опыт, который воплотился в необычных формах народных жилищ.

★

Наша коллекция костюмов

ТРЕТИЙ КАЛИНКИН КОНКУРС

Посмотрите на обложку, на рисунки здесь и на двух следующих страницах.

Эти яркие, красивые народные костюмы присланы ребятами со всех концов страны на третий Калинкин конкурс. Он был, как вы помните, объявлен в седьмом номере журнала, а к концу августа вся редакция была совершенно завалена грудами писем и бандеролей. Мы распечатывали письма, открывали бандероли, и на стол высыпались десятки платьиц, ярких, как цветочные лепестки или бабочкины крылья, вышитые и украшенные бусами и блестками костюмчики, иногда размером не больше ладони, как раз на Калинку, косыночки, шапочки, сапожки и ленточки. Были и наряженные куклы. Честно говоря, когда Калинка предлагала этот конкурс, она и ожидала немалого от своих друзей. Но результаты превзошли все ожидания.

Среди присланных работ есть такие, что могли бы заинтересовать даже ученого-этнографа, специалиста по народному костюму. В основном, конечно, это были письма и посылки из тех районов, где еще носят традиционную народную одежду или носили совсем недавно,— из Башкирии, Бурятии, Удмуртии, Мордовии, Средней Азии, Молдавии, из русских деревень. Лучшей из всех оказалась замечательная работа Лены Потехиной, и Калинка присуждает ей первую премию. Лена живет в Марийской республике, и она подробно описала, нарисовала и сшила костюмы луговых, сернурских и горных мари. В костюм горных мари, который она считает самым красивым, она одела свою куклу. Все вышивки и украшения исполнены очень точно, тщательно и изящно, весь костюм прекрасно сидит на кукле и очень ей идет. Калинка собирается сшить себе такой же и надеть на новогодний карнавал.

Очень всем понравилось письмо Лены Ждановой из села Мотызлей. Понравились и ценные сведения, которые она сообщает о старинной одежде, той, что носили в ее родном селе и в соседнем селе Новоселки; и рисунки, и скромный, деловой тон ее письма. Хорошие, подробные описания и рисунки одежды своего народа прислали Ира Григорьева из села Ораушн, Чувашской АССР, Галя Зараева, калмычка, Лена Саяпина из Минска, Нафиса Кучукова из Башкирии, Светлана Петрова из Эстонии.

Сара Беломанова из Аральска в дополнение к казахскому костюму отдельно крупно нарисовала серебряные украшения — характерный казахский браслет, к которому на цепочках прикреплены три кольца.

Зоя Савилова из села Русаново, Воронежской области, правильно поняла одну из важнейших особенностей русского народного костюма: одежда женщины

Посылаю вам свою куклу, её зовут Салика, я одела её в старинный костюм горных мари. На голове у неё головное украшение на ленточке из монет и пуговиц. На ней головной убор сорока. На груди нагрудное украшение почкама, всё из монеток, прикреплённых к латунной пластинке. У горных мари очень красивые пояса с цепочками, расшитые бисером, стеклярусом и мелкими проволками.

Потехина Лена

Такой костюм на территории Иркутской области носили люди каменного века

Таня Башкова

Осипова Лена

всегда точно указывала ее семейное и общественное положение. Она нарисовала четыре костюма Воронежской губернии: девичий, женский, костюм пожилой женщины, костюм свахи — очень яркий, очень праздничный.

Все эти ребята немало потрудились: ведь им приходилось и наблюдать, и рисовать с натуры, и разыскивать, и расспрашивать, и выяснять подробности. Многие так и пишут: «Я пристала с расспросами к своей бабушке...» Должно быть, бабушки, которым довелось в молодости носить красивую народную одежду и шить ее самим, очень любили этот свой наряд и хорошо его запомнили; по их рассказам сделано много красивых рисунков. Например, Наташа Володькина из Волгодонска нарисовала три костюма, которые в молодости носили ее бабушка и бабушкины родственницы. Она пишет: «Такой костюм носили женщины Белоруссии в конце прошлого, начале нашего века. Это одежда моей бабушки Марфы Аксеновны Володькиной. Она досталась ей в наследство от ее матери Марии Тимофеевны Копыловой. От всего наряда остался один рукав. Остальной костюм я дорисовала по рассказам бабушки.

В основном такую одежду носили в деревнях: Страхи́, Хо́бни, Горелькú, Михе́евка, Паценькú».

Витя Фомин по маминым рассказам очень выразительно нарисовал украинский костюм. А некоторые ребята прислали целые альбомы, оформленные нарядно и старательно. Прекрасный альбом прислала Лиля Мунтян. Она нарисовала костюмы, которые сама видела в своей родной солнечной Молдавии,— молдавский, цыганский и красочный костюм народа гагаузов.

А в альбоме Иры Танцеровой из села Магдалиновка, Днепропетровской области, были даже вышивки на шелку. Рисунки для них Ира сама составила по мотивам народного орнамента.

Но и те, кому не приходится встречать в повседневной жизни людей, одетых в старинные народные костюмы, кто ничего не нашел в бабушкином заветном сундучке, не были этим обескуражены. Есть ведь и другие способы изучения народного костюма, есть музеи и библиотеки.

Судя по результатам конкурса, наши читатели умеют этим пользоваться. Момот Надя из Хабаровского края пишет: «Ульчи, первые поселенцы на Амуре, носили очень интересную, красивую одежду. Я часто бывала в нашем музее, смотрела выставки прикладного искусства, кино, читала книги об ульчах и кое-что узнала о жизни этого народа. Я думаю, что эти мои рисунки дадут хоть маленькое представление о жизни маленького народа ульчей».

Галя Т. из Петрозаводска (она почему-то не написала свою фамилию) пишет, что сейчас в Карелии не только в городе, но и в деревне не увидишь старинной одежды. «Но я видела фильм «Сампо», читала карельские сказки, герои которых, конечно же, нарисованы в карельских костюмах, видела карельский костюм на новогоднем карнавале».

Некоторые участники конкурса прислали целые коллекции костюмов — не только из своих мест, а все костюмы, которые они знают и которые им нра-

вятся. Нелли Хамина из Ангарска прислала костюмы женщин Дальнего Востока, Северного Кавказа, Северной и Восточной Сибири — всего тридцать один костюм! Таня Рябова из Волгограда нарисовала костюмы эстонские, украинские и грузинские.

Но, кажется, больше всех нарисовала Лена Рахманова из Новосибирска — пятьдесят четыре костюма. Она так старалась, что переутомилась и заболела, даже не могла дописать письмо, за нее сестра дописала.

Дорогая Лена! Когда будешь участвовать в следующем конкурсе, пожалуйста, не переутомляйся так! Чрезмерное усердие, опасное для здоровья, Калинка никак не может похвалить. Ты же видишь: многие ребята нарисовали всего один или два костюма, зато нарисовали хорошо.

А лучше всех нарисовала Таня Кузнецова из Арзамаса. Она копировала костюмы в Арзамасском историческом музее. Очень жаль, что мы не можем поместить эти рисунки в натуральную величину: они большие, размером в развернутый журнал. Это просто образцовые работы. Ведь по-настоящему рисовать народный костюм очень трудно. Для этого надо понять его — знать покрой и назначение отдельных частей, знать, при каких обстоятельствах этот костюм надевали, уметь представить себе его на живом человеке, в движении, на работе или в танце. Нужно уметь иногда отказаться от современных представлений о красивой одежде. Ведь раньше вкусы были другие. Когда вы рисуете народный костюм, не приспосабливайте его к вашему идеалу красоты и изящества, старайтесь почувствовать его собственную красоту.

К сожалению, невозможно перечислить даже самые интересные из присланных на конкурс работ. Их было слишком много. Всех ребят Калинка благодарит за деятельное и бескорыстное участие, бескорыстное, потому что многие ребята писали, как Майя Халбаева из поселка Кара-Кала в Туркмении: «Рисовала я этот костюм не для того, чтобы получить приз, а для того, чтобы все ребята нашей страны посмотрели, какой красивый туркменский костюм». А еще писали: «Дорогая Калинка! Почаще устраивай такие конкурсы». Пожалуй, и в самом деле придется в будущем году продолжить конкурс, раз он так понравился.

Поздравляем победителей конкурса.
Самые интересные костюмы прислали:

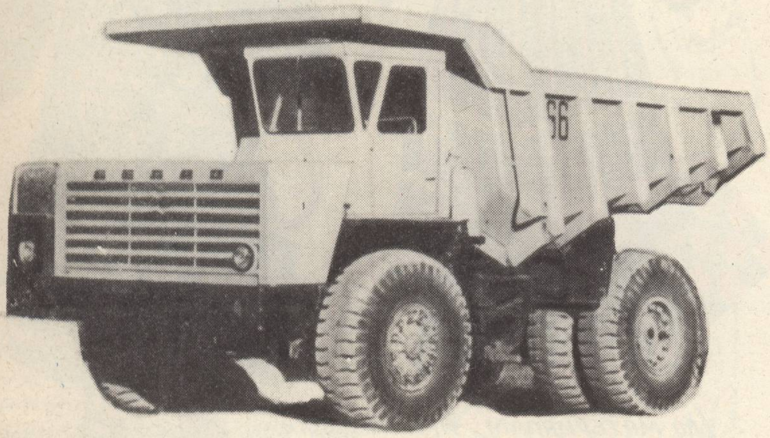
Лена Потехина (Марийская АССР).
Таня Кузнецова (г. Арзамас).
Боря Фирцак (Закарпатье, УССР).
Ира Танцерова (село Магдалиновка, Днепропетровская обл.).
Нелли Хамина (г. Ангарск).
Лена Рахманова (г. Новосибирск).
Юра Алексеев (г. Рига).
Лена Жданова (село Мотызлей, Горьковская обл.).
Лиля Мунтян (г. Калараш, Молдавия).
Таня Башкова (г. Братск).
Светлана Петрова (г. Таллин).
Галя Зараева (пос. Коробкин, Калмыкская АССР).
Нафиса Кучукова (Башкирская АССР).
Лена Саяпина (г. Минск).
Зоя Савилова (Русаново, Воронежская обл.).

СДЕЛАНО В СССР

Ты слышал, наверное, такие слова: «на уровне мировых стандартов». Это значит, что изделие нашей промышленности — одно из лучших в мире среди себе подобных.

Отличные советские товары охотно покупают многие страны. И на каждой такой машине, на каждом приборе — короткая надпись: «Сделано в СССР». Значит, сделано на славу.

Этот юркий могучий самосвал

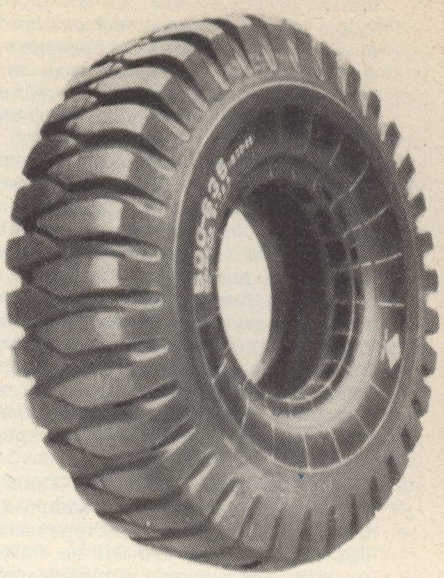
Самосвал БЕЛАЗ-540А поднимает 27 тонн сыпучего груза. Есть грузовики и помощнее. Их делают тоже в Белоруссии, на Минском автомобильном заводе. Но самосвал, который показан на снимке, не только могуч, он еще и маневрен, как маленький юркий «Запорожец».

БЕЛАЗ-540А создан для работы в карьерах. Дороги, по которым вывозят руду или уголь, не похожи на асфальтовое шоссе: они извилисты, а порой и круты. И даже умелому водителю, которому не впервой ездить в горах с полным кузовом, нужна здесь послушная, легко управляемая машина. Такая, как БЕЛАЗ-540А. Ты, наверное, обратил внимание, какой у нее непривычно короткий для самосвала кузов. Это помогает машине развернуться на пятачке, без труда миновать крутой поворот. А еще, конечно, ты заметил, что машина красива — строгой красотой добротно сделанной вещи. Над этим поработали художники-конструкторы, специалисты новой инженерной науки — технической эстетики. БЕЛАЗ можно встретить на дорогах многих стран мира.

Траншеи по заказу

Машина, которая называется траншейным цепным экскаватором, была удостоена золотой медали на знаменитой Лейпцигской ярмарке.

Острые скребки, закрепленные на цепи, вгрызаются в грунт, вынимают землю, которую подхватывает шнек (вроде винта мясорубки). Этот шнек отбрасывает и аккуратно складывает грунт по обе стороны вырытой траншеи. А после того, как в траншею уложен кабель или газопровод, машина становится бульдозером: она разворачивается и сбрасывает вырытую землю обратно в траншею. По просьбе французских заказчиков таллинские инженеры научили эту машину рыть траншеи разной ширины.

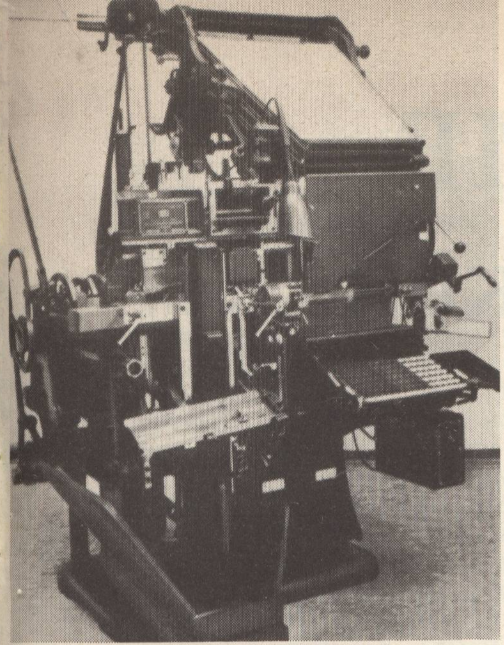

Хорошему грузовику— хорошую шину

Коль скоро речь зашла о самосвале БЕЛАЗ, расскажем немного о шине для него.

Современная обувь для автомобиля устроена непросто. В ней много слоев из разных материалов, и у каждого — свое назначение: одни, например, воспринимают огромные нагрузки, другие смягчают удары, третьи не дают автомобилю буксовать. Как железобетонная конструкция, автомобильная покрышка усилена специальным многослойным каркасом-кордом — и металлическим и сделанным из прочного синтетического волокна.

Шинники воронежского завода сделали обувь для БЕЛАЗа из лучших синтетических материалов. А чтобы шина хорошо сцеплялась с трудной грунтовой дорогой, на ее поверхности сложный узор. В лабораториях и на автомобильных полигонах долго испытывали разные рисунки шин, прежде чем остановились на этом.

Строчка за строчкой

Было время, когда наборщики вручную складывали строчки из металлических буковок — литер. Это время прошло. Сейчас наборщик лишь нажимает на клавиши, как машинистка, а машины набирают строчки и сразу отливают их из металла. Перед тобой одна из лучших современных наборных машин. Сделана она в Ленинграде и умеет многое: набирать русские и иностранные слова, математические знаки, химические формулы.

Будущие путешественники

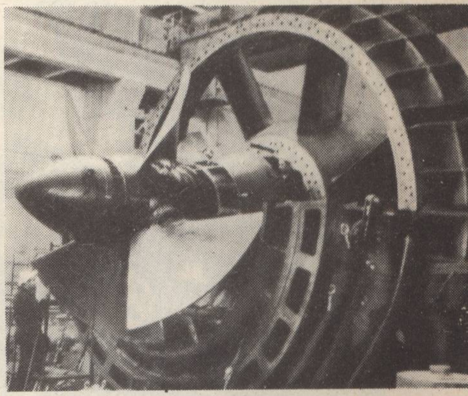
Три года назад впервые приняли на борт пассажиров советские реактивные самолеты «ЯК-40». У них особое назначение: быстро и со всеми современными удобствами перевозить пассажиров на небольшие расстояния.

В любой стране есть немало местных авиалиний, но нет для них идеального самолета. Такого, как «ЯК-40». Вот почему наши самолетостроители получили большие заказы от многих зарубежных авиакомпаний.

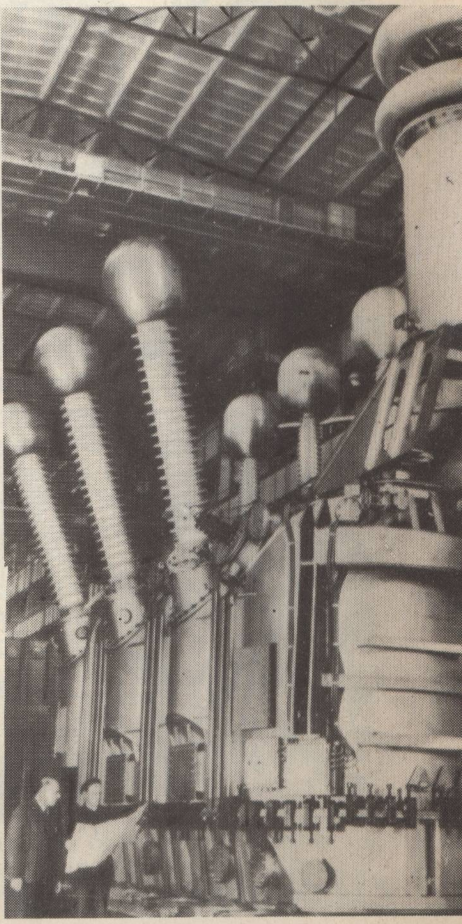
*

На этих снимках — будущие путешественники. Трансформатор изготовлен на запорожском заводе, а гигантская турбина — в Харькове. Позади заводские испытания, впереди путешествие — трансформатор отправится за океан, в США, а турбина — на электростанцию, в Норвегию.

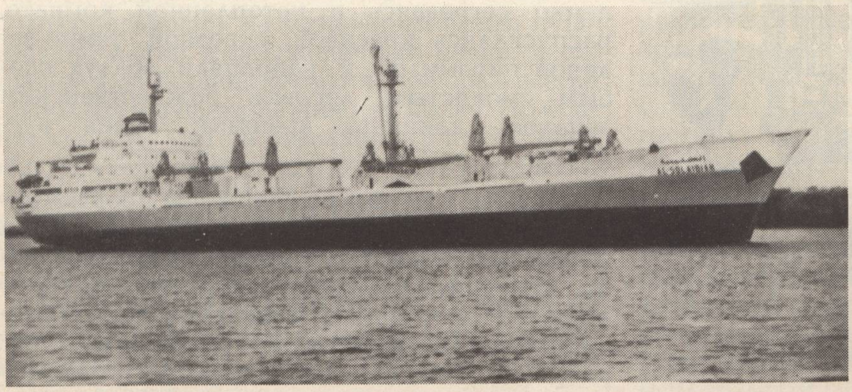
*

*

Под флагами многих стран

Это судно-сухогруз сделано в СССР. Оно способно принять на борт больше 13 тысяч тонн груза. Погрузка — работа тяжелая. А в люки этого судна краны опускают груз автоматически. Такие корабли делают в Херсоне, а потом из Черного моря они направляются в зарубежные порты, к заказчикам. Херсонские сухогрузы плавают под флагами многих стран.

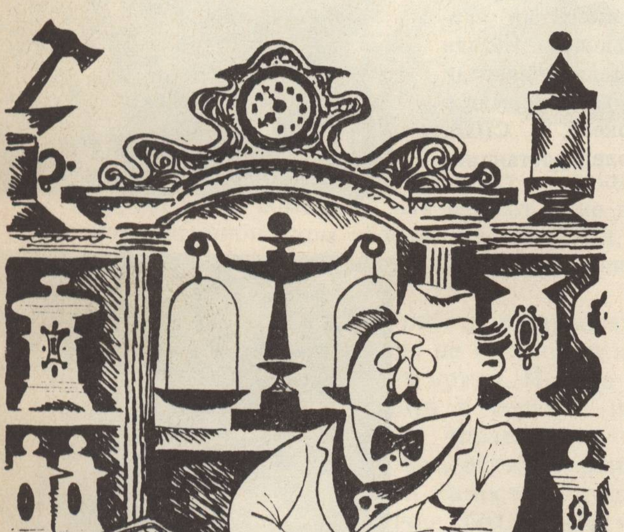

МЕРЦАНИЕ рождественских снегов

В. КАТАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Я побежал в аптеку за гигроскопической ватой и купил ее на все деньги...

В доме одного мальчика я увидел рождественскую елку, поразившую меня тем, что она стояла на как бы настоящем сугробе мерцающего снега и ее ветви были также покрыты как бы самым настоящим мерцающим снегом.

Дело оказалось очень простым: елку обложили обыкновенной ватой, посыпанной сверху борной кислотой. Пластиночки борной кислоты блестели, как поверхность снега, прихваченная рождественским морозцем с кристалликами крупных снежинок.

Освещенный елочными свечами, этот искусственный парчово-белый снег вспыхивал разноцветными огоньками и был несказанно прекрасен.

Пожираемый завистью, я решил на следующий год устроить у нас на елке такой же снег. Разумеется, я тут же забыл о своем решении и вспомнил о нем лишь в сочельник, когда елка уже стояла в гостиной, воткнутая в деревянный крест, который тут же вырубил топором и связал, провертев в середине коловоротом дырку, дворник Петр, мастер на все руки.

...Крепко смерзшиеся ветви елки, постепенно согреваясь в натопленной комнате, распускались красивой, сквозной темно-зеленой пирамидой и наполняли воздух особым смолистым, лесным, рождественским запахом — каким-то крепким, очень русским.

На столе уже были разложены прошлогодние елочные украшения: тончайшие, почти невесомые стеклянные шары, бумажные цепи, золоченые и серебряные орехи, подсвечники на пружинных защепках, пачки разноцветных парафиновых свечек, мотки серебряной канители, мигающие при свете ве-

черней лампы, облитые белым сахаром ржаные звездообразные пряники с цветными гарусными петельками и множество других украшений и картонажей, вызывавших в душе острое ощущение наступающего праздника.

Я тотчас забрал с буфета сдачу, оставленную кухаркой после базара, и побежал в аптеку за гигроскопической ватой и купил ее на все деньги — несколько синих бумажных свертков, перевязанных накрест тонким, очень крепким аптекарским шпагатом, припечатанным на месте скрещения бумажным кружком со знаком Красного креста.

Борную кислоту я решил не покупать, так как у нас в доме она всегда водилась для полоскания горла в случае ангины или инфлюэнцы.

Когда я вернулся домой с ватой, уборка елки была во всем разгаре, и тетя, стоя на скамеечке, поставленной на стул, забрасывала на верхние ветки веревочку с гирляндой бумажных флажков разных наций, из которых мне особенно запомнился флажок Сиама с белым слоном на алом поле.

Я принялся вместе со всеми — с тетей, маленьким Женькой и папой — украшать елку, ничего им не говоря о блестящем снеге, который решил устроить сам в виде приятного рождественского сюрприза.

Когда елку наконец нарядили сверху донизу, было уже поздно, все валились с ног от усталости, а Женька даже заснул на полу под нижними ветками с шуршащей бумажной цепью, провисшей до паркета. Тетя взяла его на руки; и мы все отправились спать, но рано утром, когда лапчато-замерзшие стекла окон еще с трудом пропускали синий рассветный свет, я пробрался босиком по холодному полу в гостиную к темной, почти неразличимой в утренних сумерках, мерцающей стеклянными шарами и серебряной канителью елке и приступил к делу.

Я обложил крест, в который была воткнута елка, пластами гигроскопической ваты, расстелил ее в виде снежной пелены на полу под елкой, а на ветки набросал белоснежные клочья, как у Пушкина: «...Пришла. Рассыпалась... Клоками повисла на ветвях дубов».

Полюбовавшись на устроенные мною пушкинские клоки и великолепный ковер, я отправился за борной кислотой, которая всегда хранилась в буфете на нижней полке. Но борной кислоты там не оказалось. Я потихоньку обшарил всю еще спящую квартиру, побывал в кухне, где заспанная кухарка уже совала пучок подожженных лучин в тесное горло самовара, откуда валил зеленоватый дым, заглянул в чулан.

Борной кислоты нигде не было, вероятно, ее уже всю истратили на полоскания, а новой не успели купить.

Что делать?

...Густо посыпал вату нафталином...

Тут я заметил в кухонном коридоре на подоконнике коробку с нафталином, и меня осенила мысль, что, в сущности, нафталин мало чем отличается от борной кислоты: такой же белый, пластинчатый, блестящий, морозно-мерцающий, даже, может быть, еще больше похож на снежную пелену, чем борная кислота. Торопясь посыпать елочный снег мерцающим порошком, я пошлепал в гостиную и густо посыпал гигроскопическую вату нафталином.

Уже рассвело, и в гостиную заглядывала сквозь обледеневшие окна розовая заря, при свете которой вата, посыпанная пластинчатым нафталином, волшебно сверкала, вспыхивая разноцветными огоньками, ничем не уступая сверканию настоящих рождественских снегов, озаренных ранним, ярко-ледяным солнцем.

Я услышал, как проснулся рядом с моей кроватью папа и стал одеваться, все время производя носом какие-то странные звуки.

Полюбовавшись на дело рук своих, я пробрался в нашу комнату, тихонько влез под одеяло, притворился сладко спящим и с нетерпением стал ждать того мига, когда все встанут, выйдут в гостиную и вдруг увидят елку, сверкающую снегом.

Мне не пришлось слишком долго ждать...

Я услышал, как проснулся рядом с моей кроватью папа и стал одеваться, все время производя носом какие-то странные звуки. Приоткрыв глаза, я видел, что папа принюхивается к чему-то, с недоумением поворачивая во все стороны голову. Потом он вышел из комнаты; послышались его шаги в коридоре: он направлялся в гостиную, куда вело его на редкость тонкое обоняние. Папа всегда раньше всех распознавал самые отдаленные, слабые запахи. Он первый замечал, например, что где-то начинает коптить лампа.

Через некоторое время я услышал его сердитое бормотание, к которому вскоре присоединился полный возмущения звонкий голос тети, вышедшей из своей комнаты. Очевидно, тетя и папа стояли возле елки.

— Ну, ты наделал! — сказал проснувшийся Женька, глядя на меня своими шоколадными, зеркальными глазками из-за прутьев кроватки.

Однако я не обратил внимания на его странное замечание. Мне даже показалось, что тетя и папа восхищаются в гостиной елкой, ее блистательным снежным убором. Я стал быстро одеваться, ожидая похвал моей изобретательности и художественному вкусу, но не успел я зашнуровать первый ботинок, как вошел багровый от гнева папа и закричал высоким, петушиным голосом:

— Это ты сделал подобное свинство? Молчи! Можешь не отвечать! Это бог наказал нас за то, что мы так плохо тебя воспитываем. Ну, объясни мне, как тебе могла прийти в голову идиотская мысль высыпать на елку два фунта нафталина? Ты понимаешь, что ты наделал? Ты провонял всю квартиру, ты отравил воздух, теперь нам нечем дышать, я задыхаюсь от этой вонищи! Ты испортил нам весь праздник!

Я начал объяснять ему свой блестящий замысел, привел в доказательство стихи Пушкина насчет великолепных ковров, но папа заревел на всю квартиру:

— Не смей кощунствовать, упоминая имя Пушкина! И скажи спасибо, что в силу своих убеждений, я не могу тебя выдрать как сидорову козу.

При этих словах папа крепко схватил меня за плечи, выставил вперед нижнюю челюсть и стал трясти, повторяя:

— Я тебе покажу Пушкина!

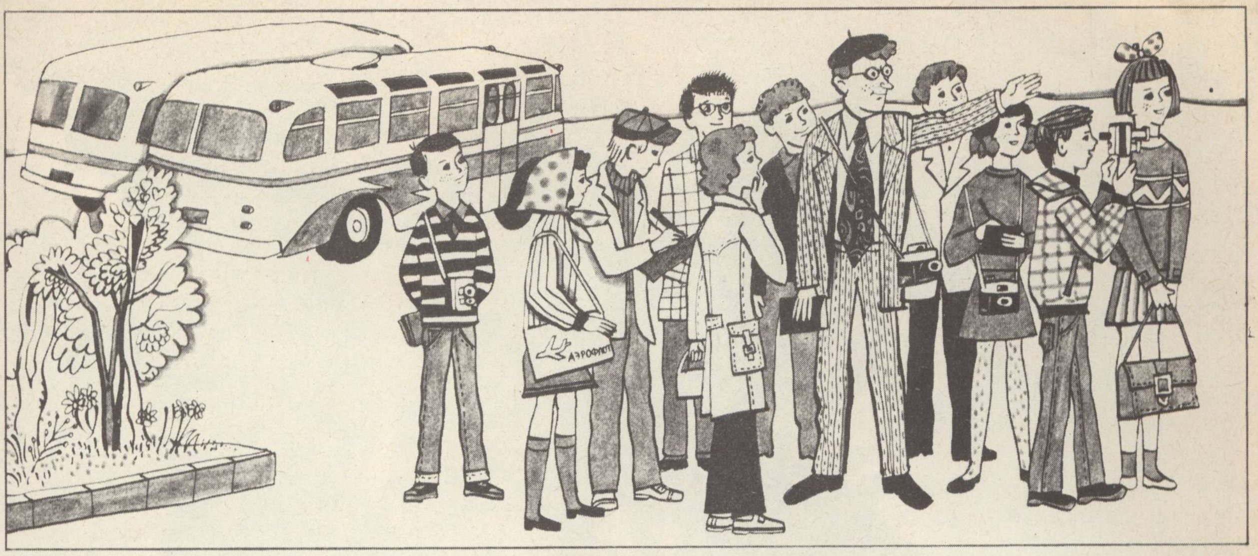
И тряс до тех пор, пока я не понял своей глупости и не залился горькими слезами раскаяния, на чем все дело и кончилось.

Но елка, которая у нас устраивалась для гостей на третий день праздника, была наполовину испорчена, так как в доме стоял тяжелый, совсем не рождественский запах нафталина. Этот запах никак не мог выветриться до самой пасхи, так что и пасха была отчасти испорчена...

Окончательно запах нафталина выветрился только летом.

— Молчи! Можешь не отвечать! Это бог наказал нас за то, что мы тебя так плохо воспитываем.

ИНТЕРВЬЮ ДЕКАБРЯ

«Спутник» зовет тебя путешествовать

Ты живешь на Урале и хочешь во что бы то ни стало увидеть Ленинград... Твои земляки из грузинского села воевали в Белоруссии, и твой пионерский отряд хочет пройти по местам их боев... Кружок, в котором ты занимаешься не первый год, стал победителем олимпиады в городе, и вы заслужили право поехать на родину Циолковского, в Калугу...

Каждый год всем ребятам, надумавшим совершить путешествие, помогает осуществить свои мечты Бюро международного молодежного туризма «Спутник».

КАКИЕ МАРШРУТЫ предлагает «Спутник» в 1973 году?

ЧТО УВИДЯТ ребята во время путешествий?

ГДЕ ПОКУПАЮТ ПУТЕВКИ «Спутника»?

На вопросы «Пионера» отвечает ФЕЛИКС ЗАЛМАНОВ, заведующий отделом Бюро международного молодежного туризма «Спутник».

«Спутник» приготовил для юных путешественников 100 ИНТЕРЕСНЫХ МАРШРУТОВ. Они приведут ребят на родину молодогвардейцев, к легендарной Брестской крепости, к великолепным творениям русских зодчих в Кижах и на знаменитые заводы Урала. «Спутник» готов каждый год осуществлять замыслы 300 тысяч школьников. Иногда оказывается, что все хотят ехать только в Москву и Ленинград. Всех желающих эти города принять не в состоянии: так их много,— тогда «Спутник» предлагает ребятам другой маршрут, не менее интересный.

Во время путешествий ребята знакомятся с памятниками культуры и историческими памятниками, посещают музеи, театры, выставки, встречаются с ветеранами войны и героями труда, знакомятся с писателями и композиторами.

Хорошо, когда ребята заранее сообщают «Спутнику», что они хотят посмотреть. Этим летом члены литературного кружка одной из новосибирских школ попросили познакомить их с литературными местами Подмосковья. И «Спутник» специально для них организовал такую поездку.

Заявку на путешествие составляет директор школы и отправляет ее в республиканский, краевой или областной комитет комсомола, в отделение «Спутника». В первую очередь «Спутник» помогает лучшим пионерским отрядам, пионерским активистам, школьным кружкам, победителям разных конкурсов, смотров, олимпиад.

Путешествовать лучше всего группой в двадцать пять — тридцать человек с двумя руководителями. В дальние путешествия могут отправиться ребята, которым уже исполнилось тринадцать лет. А те, кто помладше, пусть пока готовятся к дальним поездкам, совершая походы по своей области.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

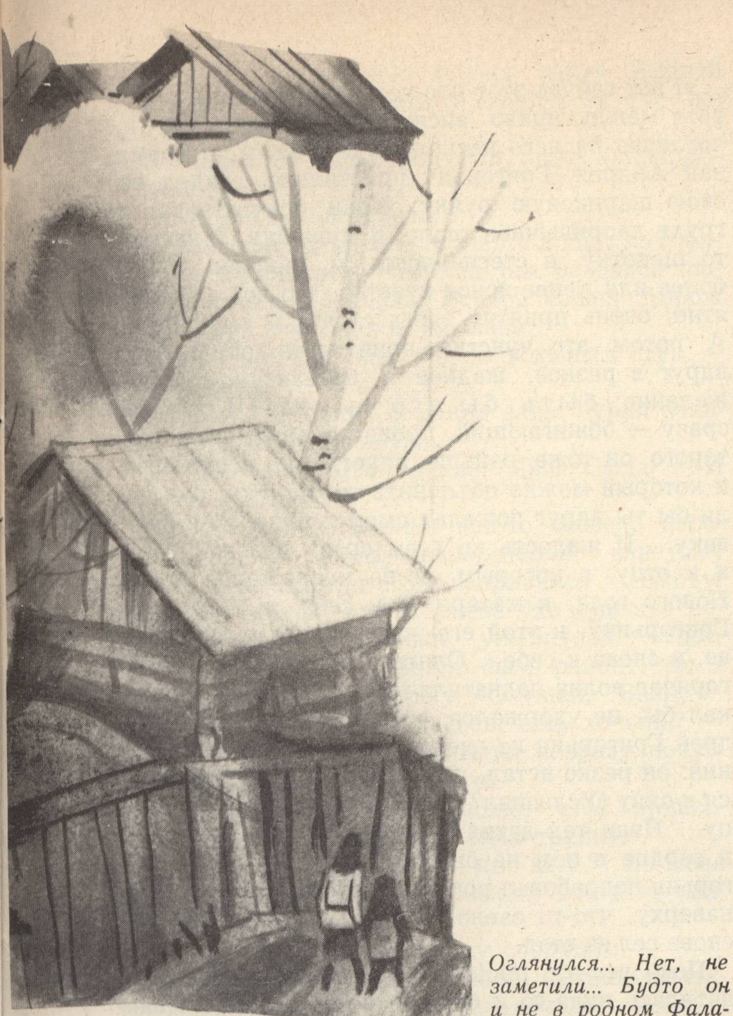
А. КРЕСТИНСКИЙ

Жизнь и мечты Ивана Моторихина

ПОВЕСТЬ

Окончание.

Едет, едет Иван Моторихин в Фалалеево!.. Еще в машине у него мелькнуло: «Зачем поехал? Дома-то нет...» Теперь же, когда остался один на темной улице, сомнения его вспыхнули с новой силой. И затеянное им так внезапно путешествие показалось сейчас никчемным, глупым...

Оглянулся... Нет, не заметили... Будто он и не в родном Фалалееве.

Село было грустное, тихое, усталое. Редко где окна виднелись. В эти весенние дни колхоз обычно сажал картошку-скороспелку — свою опору и выручалку. Работали дотемна, только чтоб добраться до коек.

В моторихинском доме тускло светилось одно окно — на кухне. У нового хозяина, Гуся Дутого, кто-то не спал. Неужели Ивану в своем-то доме не найдется места переночевать? Конечно, найдется! «Заходи, Ваня, — скажут, — заходи, дорогой, гостем будешь. Скажи, чем тебя потчевать, где спать положить? Рассказывай, чего пожаловал?..»

Нет, Гусю Дутому не расскажешь, не объяснишь, зачем приехал. Он не поймет. Один человек поймет, Андрей Григорьич...

Иван шагнул в сторону дома, но остановился. А может, лучше не заходить? Переночевать тихонько у кого-нибудь на сеновале, а на заре проголосовать за селом — и прощай! Никто и не узнает, что приезжал.

На улице неподалеку послышались голоса. Иван инстинктивно толкнул калитку и оказался на своем дворе. Встречаться ни с кем не хотелось: здоровайся еще, объясняй, что к чему...

Сколько раз за долгую зиму мечтал он увидеть своих ребят, а сейчас только подумал о возможной случайной встрече — замер за калиткой.

Прошли. В темноте прошли. И не понял, сколько людей было — двое, трое...

Ну, раз уж зашел во двор, надо и в дом заглянуть. И для смелости подстегнул себя весело: «Нам ничего — мы птицы перелетные!»

У порога споткнулся о скамью. «У, черт!» — выругался. Потер ногу — больно. «Понаставили тут... В жизни этого не было...»

Толкнул дверь. Уже в сенях встретил его чужой запах. Ничем своим не пахло. Быстро, однако, выветрилось... Обжились Дутые...

Человека он увидел не сразу. Белье мешало. Зато услышал бормотание — тихий голос протяжно зудел на одной ноте, изредка помогая себе едва слышным звяканьем балалаечной струны.

Отодвинув рукой пеленку, Иван увидел Дутого Гуся. Тот сидел на низенькой скамейке в одних подштанниках и, прижимая к голой, безволосой груди балалайку, медленно склонялся с нею до самого полу, а там, брякнув по струне и бормотнув нечто невнятное, начинал выпрямляться на скамейке, но не до конца, потому что, не выдержав собственной тяжести, вновь клонился к полу...

Прислушавшись, Иван понял, что в гусевском бормотании есть свой напев — незнакомый и грустный. Ударом о струну Гусев не аккомпанировал, а вроде как подбадривал себя, создавая какой-то противовес нестерпимо печальной мелодии...

Иван счел за лучшее исчезнуть. Но когда поворачивался, чтоб уйти, половица предательски скрипнула под ногой, и Гусев спросил:

— Чии ноги?

Иван растерялся. Переступил с ноги на ногу, как бы свидетельствуя, что ноги его, и извиняясь перед хозяином, что, кроме них, ничего не видно...

— Чии ноги-то? — повторил Гусев.

— Это я, — сказал Иван и отодвинул пеленку, заслонявшую его от Гусева.

— Ва... Ваня! — Гусев вскочил и покачнулся. — А Петь? Петь где? — На лице его был страх, неподдельный страх. — Петь, ты где?

Гусев подошел к Ивану и заглянул в дверь. Иван успел заметить, что лицо у него нездорово желтое.

— Папаня где? — спросил Гусев, взяв Ивана за плечо. — Где? Пускай идет, вот я, весь тут... — Он выпятил перед Иваном влажную грудь. Иван отвернулся: запах был тяжелый. — Петь, ты чего не идешь? — выспрашивал Гусев, глядя за плечо Ивана в раскрытую дверь. — Я весь тут, хошь бей, хошь чего...

Иван сказал:

— Отца нет. Я один приехал.

— Один! — воскликнул Гусев. — Чего ж ты сразу-то не сказал? Милый ты мой! Раздевайся!.. Значит, папаня послал? Миссия у тебя такая? Понимаю... Видишь, как живу... — Он обвел рукой пеленки. — А деньги я отдам, слышь, Петь, ты не сомневайся, будет сделано!.. Так и доложи папане: отдаст, мол, Гусев! Малость по-

дожди, Вань... Продам, обернусь, туда-сюда... Слышишь, Петь?..

Иван растерялся. Гусев прижал его к стенке, гладил по плечу, по голове тяжелой своей, потной рукой, обнимал, целовал, обкапывал горячими крупными слезами, называл то Ваней, то Петей.

Иван молча отталкивал Гусева, отцеплялся от него, но тот был так настойчив, что Иван вынужден был собрать все силы и резко вырвался. Он выбежал во двор и тут же спрятался за поленницей — Гусев загромыхал следом; спотыкаясь о пустые ведра, вывалился на крыльцо.

Иван злорадно, с холодным интересом наблюдал, как в рассеянном свете покачивалась на крыльце короткая фигура Гусева, как он тер ладонями лицо и говорил тихо и жалостно:

— Петь, а Петь, иди сюда... Я весь тут... Хошь бей, хошь чего...

Потом он вздохнул, сплюнул и с трудом втащил себя в дом.

Дверь захлопнулась.

Иван выскользнул за калитку и побежал...

*

Наощупь знакомая улица в ночных своих очертаниях была неожиданна — удивляла и даже пугала внезапными провалами, глубокими рваными тенями, острыми выступами... Придержав шаг, пошел тихо, соразмеряя ногу с дыханием. Старался угадывать, чьи дома. Когда это не удавалось, сердился: «Эх, Афоня...» Почему-то вспомнил вдруг: «Он... дикий» — и особенно горько пожалел себя в эту секунду. Прошел еще немного, вяло подумал: «Куда теперь?» — и когда остановился, чтобы осмотреться, обнаружил, что стоит в двух шагах от школы, у самой школьной мастерской.

Если обогнуть мастерскую, — справа будет дыра в заборе. В дыру пролезешь — рядом черный ход, а за углом — окошко директорского кабинета.

*

Взглянуть — другой мысли не было. Вряд ли Андрей Григорьич в школе. Время-то позднее. Иван, осторожно ступая, подошел совсем близко к окну, заглянул, замер...

Пишет.

Запустил руку в волосы. Захватил в кулак крепко.

Пишет.

Поднял ручку, поглядел на нее сбоку... Иван увидел профиль Андрея Григорьича — крупный нос, который формировал все лицо. Нос был хрящеватый, сухой, а самый кончик — шариком. Ноздри же круглые, неправдоподобно широкие.

Можно подумать, некрасивый нос. Однако это не так. Иван не смог бы этого объяснить, но стоило только увидеть нос Андрея Григорьича, чтобы понять: добрый, очень добрый человек.

И вот сейчас этот нос четко рисовался в просвете между криво висящими занавесками, и, поглядев на него несколько секунд, в то время как Андрей Григорьич пристально глядел на свою шариковую ручку, Иван почувствовал в груди непривычное тепло, и мурашки, и какую-то щекотку, и стесненность, и, наконец, такое более или менее ясное чувство, что вот ему приятно, очень приятно здесь стоять и смотреть... А потом это чувство приятности обратилось вдруг в резкое, жадное и болезненно-горькое желание: быть бы его сыном! И тут же сразу — обжигающий, пронзительный стыд, которого он тоже раньше никогда не испытывал и который можно объяснить только так, как если бы ты вдруг пожелал смерти близкому человеку... И жалость ко всем сразу охватила его: и к отцу, с которым он не попрощался после Нового года, к матери, и к себе, и к Андрею Григорьичу, к этой его жесткой лохматой голове, и снова к себе... Опять в груди защекотало, горячая волна подкатила к горлу, и Иван заплакал бы, не удержался, если бы в этот миг Андрей Григорьич не сделал неожиданного движения: он резко встал, потянулся, резко повернулся к окну (Услышал? Заметил?..), глянул на улицу... Иван так затих и затаился, что казалось, и сердце в нем не бьется. Потом Андрей Григорьич попробовал поправить занавески, но там, наверху, что-то заело, и они не двигались. Он снова сел за стол.

Пока все это происходило, слезная волна откатилась куда-то и больше не вернулась. Иван облегченно вздохнул, попытался вспомнить чувство, которое так смутило и устыдило его, но не смог. Тогда он совсем успокоился.

Он подумал: упустить такой случай нельзя, надо поговорить с Андреем Григорьичем, пока тот не ушел.

Черный ход был закрыт. Тогда Иван обогнул школу, взбежал на крыльцо, дернул дверь на себя — она подалась легко...

*

— Моторихин?! — Андрей Григорьич встал, протер глаза, будто после сна. А может, и в самом деле вздремнул за столом?

Иван стоял посреди кабинетика и улыбался. Сейчас ему казалось очень лихо так вот, вдруг огорошить директора своим появлением на ночь глядя.

— Вы... приехали?

Иван отрицательно покачал головой. Улыбка сама собой исчезла с его лица. И то, как она исчезла, самое ее движение насторожило Андрея Григорьича:

— Как ты здесь?

— Я в Дорогом был, на экскурсии... Там Колю встретил... на «Колхиде»...

— Мать знает, что ты здесь?

— Нет. Вернее, да.

— Нет или да?

— Бабушке передали. Я утром вернусь. Молочной машиной.

— Слушай, Ваня, — сказал вдруг Андрей Григорьич, — а ночевать-то где? — И тут же заключил: — Негде.

Поглядел на часы, подумал, показал на диванчик в углу.

— Здесь будешь спать.

Потом долго и крепко стучал в дощатую стенку, прислушивался. Наконец там раздался шорох, кряхтенье, кашель. Вскоре вошел сторож дядя Гурий в заспанном пиджаке.

Иван удивился: как это он услышал стук — глухой ведь...

Андрей Григорьич поманил дядю Гурия пальцем, крикнул в самое ухо:

— Подушку! Два одеяла! Два! Сюда! — И показал на Ивана.

Дядя Гурий медленно, как-то осовело перевел взгляд на Ивана, подозрительно, как тому показалось, оглядел его и направился к выходу.

— Не забудь, ему в самое ухо кричать надо. — Андрей Григорьич улыбнулся, вздохнул: — Ох, сторож... Знали бы в районе, что я глухаря сторожем держу. Слушай, Ваня, — спохватился он, — ты, небось, есть хочешь?

— Хочу, — согласился Иван и сразу почувствовал, как сильно хочет есть.

— Сейчас я домой позвоню, чтоб принесли... — Андрей Григорьич снял трубку.

— Андрей Григорьич, не надо! У меня вот! — Иван поднял свой узелок. Так и не развязывал с самого утра.

— Ну тогда сейчас чайку соорудим.

Он порылся в тумбочке стола, вытащил электрический чайник, потом заварочный, сахар в банке из-под кофе, кружки...

Подмигнул:

— Никому не говори, что у директора в тумбочке!..

Иван весело кивнул. Опять ему стало спокойно, мирно. Надолго ли?

— Развязывай узелок, чего у тебя там? — с неожиданным интересом сказал Андрей Григорьич и отодвинул в сторону свою писанину.

Иван с готовностью развязал бабушкины припасы: хлеб, яйца вкрутую, огурцы соленые, две куриных ноги и конфеты — малина со сливками — восемь штук.

Андрей Григорьич, потирая руки, навис над столом.

— Здóрово! Сейчас перекусим. Твое холодное, мое горячее. Идет?

— Идет! — сказал Иван радостно.

У Андрея Григорьича в кабинете два стола — оба маленькие, стоят буквой «г». Андрей Григорьич с одного стола смахнул книги, календарь, место очистил, ловко все расставил, разложил...

По коридору прошаркал дядя Гурий. Молча вошел в кабинет, не глядя на стол, прошел к диванчику, кинул на него постель. Две подушки, три одеяла — удивленно сосчитал Иван и с интересом глянул вслед дяде Гурию.

— В День Победы, Ваня, собрались мы вечером в школьной столовой, — неожиданно начал Андрей Григорьич, тихо, не глядя на Ивана, — все работники школы и сторожа тоже... Стали фронтовики по очереди вспоминать свое. Дяде Гурию дали слово. Он встал и заплакал. И оттого, что войну вспомнил, и оттого, что слово дали...

— Ну, вот что, давай-ка ужинать! — сам себя перебил Андрей Григорьич другим, веселым голосом.

Сидели, грызли куриные ноги и молча улыбались друг другу, а рядом все громче выпевал чайник.

Андрей Григорьич чисто-чисто объел косточку, вытер руки газетой, потрогал нос, засмеялся и говорит:

— Ваня, а ты чего ж на Новый год не приехал?

Иван пожал плечами: с чего бы вдруг?.. И тут вспомнил Танькино письмо: «А мы думали, ты на Новый год приедешь...»

— Ты приглашение-то получил?

— Нет... — И аппетит сразу пропал и вся радость угасла. — Какое приглашение?

— Посылали тебе — совет дружины, ребята... — Андрей Григорьич зорко глянул на Ивана и добавил: — Да ты не расстраивайся, у нас тут зимой неполадки с почтой были... — И, видя, что Иван совсем потускнел, совсем-совсем, и глаза потухли, Андрей Григорьич добавил: — Карнавал нынче неудачный, костюмов мало, поленились ребята, некому было первый приз давать...

Глубоко задумался Иван, так глубоко, что Андрей Григорьич подумал: «Слава богу, промолчал хоть про второе-то письмо». Второе посылали перед весенними каникулами, звали Ивана в Ульяновск. Его класс ездил. Прежний.

А Иван задумывался все глубже: он искал среди декабрьских дней тот, когда мать его обманула, спрятала письмо, скрыла — а в том, что письмо дошло до Ступина, он был совершенно уверен. Не то чтоб не верил он Андрею Григорьичу насчет неполадок на почте, просто убежден был: его письмо дошло.

И еще он был уверен, что именно мать спрятала от него письмо. Она, никто другой. Отцу и в голову не пришло бы. Бабушке — тем более.

Зачем она так? Почему? Ну, съездил бы. Вернулся бы, конечно.

Она не хотела.

В который раз с незаживающей горечью Иван обнаруживал во взрослых эту способность: полностью подчинять себе, не спрашивая, не замечая, не видя, не желая видеть, отказываясь понимать...

И когда он снова поднял глаза на Андрея Григорьича, то прочитал во взгляде директора неловко запрятанную тревогу и усмехнулся про себя: «Эх, почта подвела...»

Андрей Григорьич встрепенулся, точно муху с лица согнал.

— Ваня, а стихи писал там?

— Нет.

— Чего так?

— Не хотелось.

— Но мы идем дорогою отцов, они нас обо всем когда-то спросят! — Андрей Григорьич прочел стихи торжественно, а глаза его улыбались, и автор единственного стихотворения увидел в этих глазах снисходительную его оценку. «Плохие стихи, — подумал он внезапно, — как я раньше не понимал, какие плохие!» Почему-то от этой безжалостной оценки Ивану стало легче.

Зазвонил телефон. Тоненький голосок на том конце провода звучал с обидой:

— Папка, домой скоро? (Машута, дочка Андрея Григорьича, семь лет.)

— Скоро, скоро... А ты спать ложись, не жди. Что делаю? (Подмигнул Ивану.) Доклад пишу. Да. Мишка спит? Мама? Нет, не надо. Ну, спокойной ночи...

Положил трубку и тут же снова поднял.

— Чуть не забыл про молочную машину... Алё! Это кто? А, добрый вечер... Лобов говорит. Просьба у меня: пускай молочная машина завтра к школе подойдет, надо одного человека подбросить в Ступино. Моторихина... Нет, нет, младшего. Ну, спасибо...

Разливая чай, кивнул:

— В восемь. Не промахнись.

— Ой, поздно! — схватился Иван.

— Хочешь, записку дам в школу?

— Нет, не надо...

«Только бы не спросил, как учусь. Только бы не спросил...»

Иван увел разговор от опасной точки — стал рассказывать минувший день: Дорогое, волчата, Коля-депутат...

Андрей Григорьич слушал внимательно, локти плотно упер в стол, ладони корзиночкой сложил и в корзиночку эту упер подбородок. Услышав про волчат, Андрей Григорьич встрепенулся: «Неужто? Да разве можно так?..»

Иван подтвердил: да, мол, точно, хотят сделать панораму.

— Это нечестно, — твердо сказал Андрей Григорьич, — нечестно, понимаешь? Другое дело — взять взрослого волка в облаве, в бою, в погоне... А так — нечестно.

И вдруг — без всякого перехода — спросил:

— Как учишься?

Сказать «хорошо»? Было такое желание. Иван заранее решил соврать, если Андрей Григорьич спросит. Но в эту минуту с неожиданной для самого себя злостью сказал:

— Не хочу я там учиться. Не буду. Мы в город скоро переедем. Отец уже в городе.

Андрей Григорьич приподнял брови: вот как... Стал рисовать на своем докладе квадратики, треугольники, соединяя их линиями, пока не получилась запутанная картинка. Потянулся, бросил карандаш.

— В город... Это хорошо. Я пять лет прожил в городе... — Помолчал, поулыбался своим мыслям. — Бывало, посылочку с картошкой подбросят из деревни — у нас в общежитии пир горой! Картофельный дух на весь коридор! Студенты идут и спрашивают: «Чего это сегодня пахнет так вкусно?» «А это Андрюхе Лобову картошки привезли... Заходи — угощайся! Праздник!..» — Андрей Григорьич выдвинул средний ящик стола, долго рылся там, искал чего-то, все бумаги переворошил и, наконец: — Слава богу, нашел! Думал, потерялась... — Сунул Ивану старенькую фотографию. На фотографии — в шинельке с мятыми плечами, в кепочке с закрученным козырьком — был... Неужели он? Едва ли... Однако... Иван поднял глаза — Андрей Григорьич кивнул улыбаясь. Значит, он...

Да, теперь Иван видел — это Андрей Григорьич, которого тогда звали Андрюхой Лобовым. Хорош был... Щеки пришиты одна к другой, нос торчит, будто семафор, шея худая, длинная, обмотана шарфом раз пять... Глаза неулыбчивые...

Иван опять посмотрел на директора. Тот словно ждал его взгляда.

— Это после болезни. Я на втором курсе был — упал, понимаешь, в бане головой на каменный пол. Ну, обморок. Врач приехал, поглядел: «Типичное недоедание»...

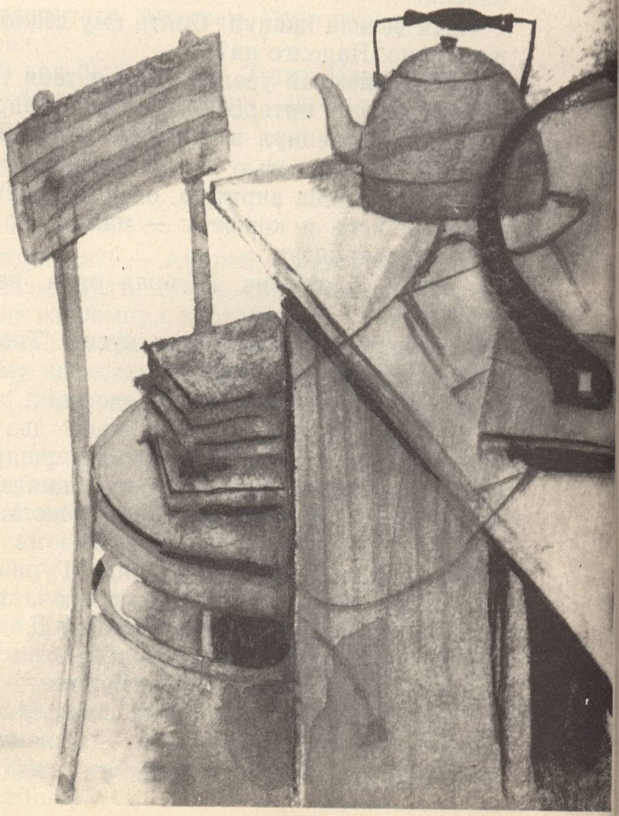
Недоедание?.. Иван и слова-то такого не слыхал никогда. Значит, недоедание...

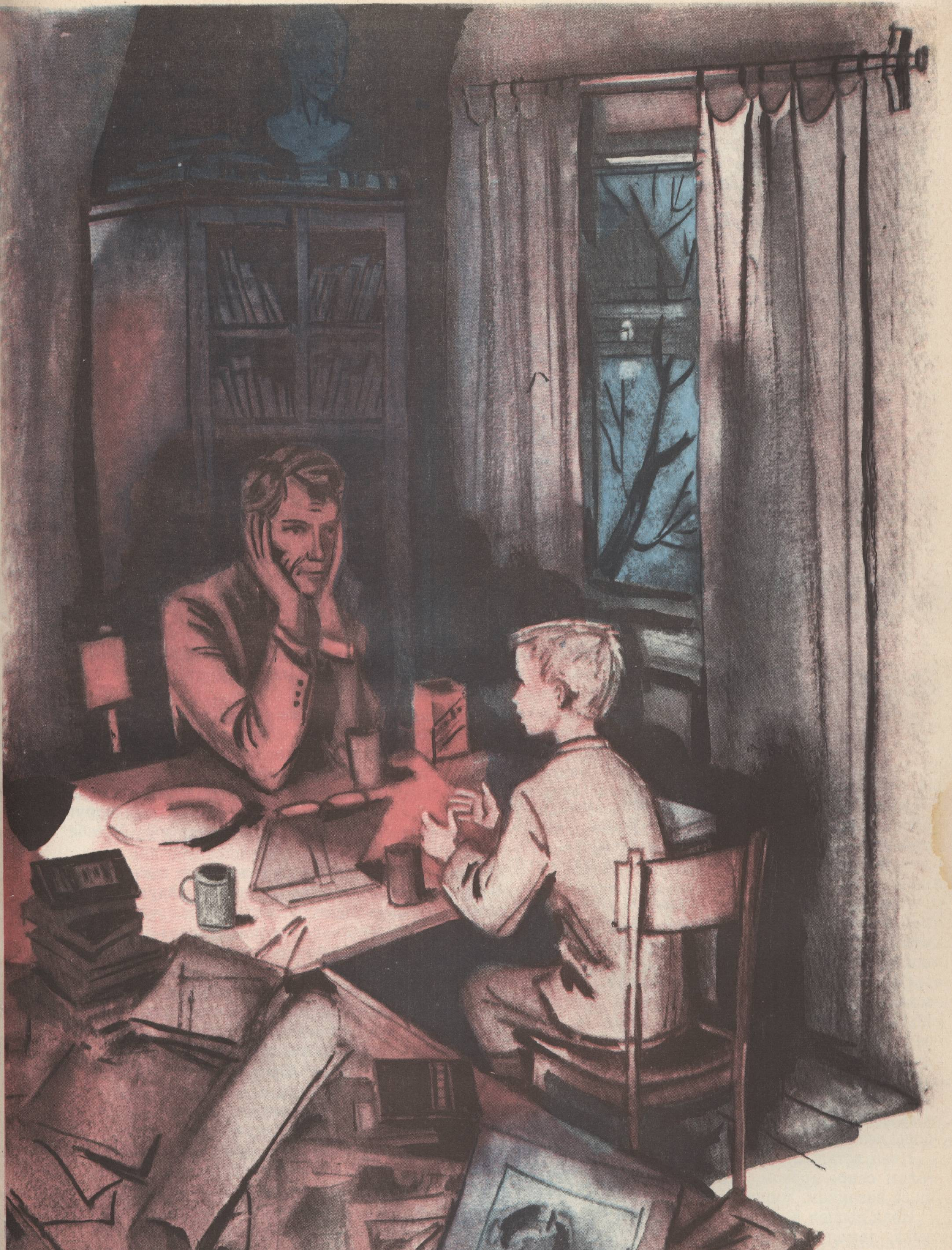
— Теперь хорошо в городе, всего вдоволь. Театры, кино... Я рад за тебя, Ваня.

Что? Рад? Это как же так? Почему рад?..

— Послушай, Ваня, ты мне вот что скажи... Уедешь в город — ладно. А письма в Ступино будешь кому писать?

Иван увел разговор от опасной точки — стал рассказывать минувший день: Дорогое, волчата, Коля-депутат...

— В Ступино?

Иван растерялся: «Намекает, что сюда не писал. И правильно. Мог бы написать».

Чувство неожиданной вины было тем сильнее, что к нему добавлялась досада на себя: «Не догадался, Афоня! Они вон приглашение выслали, да и Танька Лапина, хоть и не сама на письмо решилась — тоже в счет...»

— Ну, так что же, — спросил Андрей Григорьич, — никому, значит? — И прищурился, как прицелился.

— Бабушке напишу, — сказал Иван и опустил глаза. Не бабушка — Галя была перед ним — держит его за руку, не отпускает, а он рвется от нее, выдергивает руку... И вот удивительно: воспоминание об этом было приятно и волнующе, тешило и тревожило...

— А больше никому? — Андрей Григорьич по-прежнему держал Ивана под прицелом.

Иван помотал головой. С чего бы — писать ей. И так хороша будет.

— И то слава богу, — сказал Андрей Григорьич, — а то я боялся, «никому!» скажешь. Хорошая бабушка у тебя?

— Хорошая, — кивнул Иван, — она партизанам помогала.

— Ну! — воскликнул Андрей Григорьич. — Расскажи. — И откинулся на стуле, готовясь слушать.

Как он слушал! Глаз не сводил с Ивана, пока тот не замолчал. Потом погладил ладонью стекло на столе, тронул бумаги, решительно отодвинул их и сказал:

— Счастливый ты. — И, увидев, что Иван не понимает его, добавил: — Бабушка у тебя. И вообще... Сколько еще узнаешь всего! Всюду люди!.. Счастливый. А я вот... бабушку свою не расспросил в срок. Прособирался...

❄

После ухода Андрея Григорьича Иван внезапно почувствовал, как сильно устал. Сел на диванчик, скинул сапоги и, не раздеваясь, прилег. Прилег и тут же провалился в глубокий сон.

Снилась Ивану музыка. Грозная. Она больно резала по ушам, и непонятно было, где, кто играл... Среди музыки вроде как автоматы трещали или пушки ухали...

Сон был странный — без видений. То есть, может, они и были, но их Иван не запомнил. Музыка играла то громче, то тише, а потом загремела так резко, что Иван проснулся. Секунду соображал, где он. И когда сообразил, услышал за стеной радио. Репродуктор в коридоре был старый, музыка вырывалась из него с трудом и дребезжала так, словно пустые бидоны везли по булыжникам...

Иван встал, открыл дверь в канцелярию. На голом секретарском столе, с головой укрывшись ватником, мирно посвистывал дядя Гурий.

Иван вышел в коридор, выключил радио. Музыка замолчала нехотя, музыкальный след медленно растворился в пустой школе.

Когда Иван шел обратно в кабинет, дядя Гурий сидел на столе и ожесточенно, скрипуче чесал щетину на щеке. Вид у него был мрачный, на Ивана он глянул исподлобья, осуждающе, потом слез со стола, накинул на плечи ватник и, бормоча что-то, пошел в коридор. Иван услышал, как открылась входная дверь и сразу захлопнулась, — дядя Гурий пошел в обход...

Тут Иван сообразил, чем недоволен старик: помешали кемарить. Радио-то недаром гремело — для начальства. Мало ли, проверять пойдет... А школа не спит!

И опять Иван подивился: старик-то глухой, как же он узнал, что радио выключили?

Чудес, конечно, никаких не было. Глухие люди очень чутки ко всяким вибрациям, колебаниям воздуха, которые доходят до них едва заметными физическими толчками. Иван Моторихин этого не знал, потому и дивился.

Размышляя о странной глухоте дяди Гурия (не без подозрения, что глухота эта мнимая), Иван совсем расхотел спать. Он оглядел кабинетик Андрея Григорьича. Всюду — на этажерке, на шкафу, на полке, на окне и даже на полу — громоздились книги и журналы. «Неужто все прочел?» — думалось Ивану. Судя по обложкам, скучищи в этих книгах хоть отбавляй.

Иван чувствовал, что в нем с самого пробуждения поселилось что-то легкое, ясное.

Причина этому была не в том, что Иван ушел от тяжкого сна. Нет... Он поискал причину и вскоре нашел ее. Была она в последних словах Андрея Григорьича: «Молодец ты все-таки, Ваня, что приехал. Молодец. Я письма твоего ждал, и жданки кончились. А ты взял и приехал. Молодец!»

А еще вот какую вещь сказал Андрей Григорьич, уходя: «Ты, Ваня, думаешь сейчас: все про тебя забыли, один ты бедный, и прочее... А ты поразмышляй о других людях, о взрослых, например... Да-да, не только о себе. Вот работа, семья, ответственность... А вдруг тоска найдет? А если потянет куда-то?.. У тебя тоска бывает?»

Иван пожал плечами: кто ее знает, тоску эту... Книжное что-то... Даже неловко подумать про себя: «У меня тоска...»

«Не бывает у тебя, значит, тоски», — задумчиво сказал Андрей Григорьич.

Иван завозился на стуле. Неприятно, когда тебя чего-то лишают, вроде как бы хуже других... Хоть и тоска это, а все-таки неприятно...

«Будет еще, — успокоил Андрей Григорьич. — Все будет: тоска, любовь...»

Иван нахмурился: «Ну вот, повело...»

«А что думаешь, будет, — повторил Андрей Григорьич, — все будет. А потом раз — и пропадет...»

Он пристально смотрел на Ивана, и непонятно было, всерьез или шутит...

«Была-была любовь и вдруг пропала. Что делать?.. Понимаешь? Ничего ты еще не понимаешь, Афоня! — Андрей Григорьич засмеялся и мягко подтолкнул Ивана к диванчику. — Спи, Афоня!..»

«Афоня» — это такая привычка у Андрея Григорьича. Если на уроке кто плохо отвечает или на стадионе во время игры промазал и тому подобное, Андрей Григорьич обязательно скажет: «Эх ты, Афоня!..»

❄

Сон ушел. Иван полистал календарь, почитал записи: «Завтра день рождения у З. О.». Зинаида Осиповна, догадался Иван, по рисованию. «Сказать Боре насчет фанеры». Боря — завхоз. «Книги для нагр.». Ясно: для награждения. Конец года — всем хорошистам и отличникам будут подарки. И ему дарили, дело знакомое. Дарили...

Отодвинул календарь. Поискал глазами, чем бы еще развлечься, и увидел на шкафу рулон бумаги. Достал, развернул, а это, оказывается, план школьного участка. Иван разложил его на столе, прижал пепельницей, книгами. Красиво вычерчен, аккуратно... Вот школа, а вот вам и пристройка — физкультурный зал и актовый рядом. А здесь что за квадратик? Мастерские! Теплица вот... Сад... Тут старая береза должна быть за тиром. И сарай колхозный. Здесь он и присмотрел когда-то место для бассейна...

Иван взял из пластмассового стакана красно-синий карандаш и поставил красную точку на месте бассейна. Этого ему показалось мало. Он вспомнил, как выглядел в кино бассейн: если бочку распилить вдоль и половинку положить на землю, получится как раз бассейн.

Синим концом Иван нарисовал на плане бассейн. Ниже написал: «Бассейн». А выше, там, за стадионом, где на самом деле была гора, а на горе — дорога, а за дорогой — поля, а над полями — небо, так вот, выше этого, на месте неба, Иван нарисовал самолетик и, подумав, парашюты — красный, синий... красный, синий... красный, синий...

Когда последний раз он ездил с матерью в город, они опоздали на рейсовый автобус, и пришлось им голосовать на шоссейке. Подвезла их личная «Волга». Они вовсе не ей семафорили — ну, какой дурак будет проситься в личную «Волгу», — а она взяла и остановилась. «Вас подвезти?» Мать даже языка лишилась от удивления, только кивнула.

Хозяева были пожилые. Пожилой за рулем сидел молча, а пожилая все головой крутила: «Ах, какие березы! Белоствольные красавицы! Чудо! Ах, какие вóроны! Былина, былина...»

«Москвичи», — снисходительно подумал тогда Иван и задремал на мягком сиденье. Проснулся он перед самым городом и, взглянув в окошко, увидел маленький урчащий самолетик, который на глазах отставал от их машины. Иван обернулся: в прямоугольнике заднего стекла один за другим вспыхнули четыре парашюта. И он подумал: «Как хорошо проснулся, вовремя!»

Иван рисовал парашютики над школьным стадионом — восемь, десять, двенадцать...

В ту поездку, помнится, мать ходила с ним в универмаг — выбирать отцу рубашку. Все вздыхала, откладывала в сторону, просила еще показать. Не из-за денег откладывала, нет! Говорила: «Эта не пойдет... И эта... А ты, Ваня, как думаешь?» Что он думал об этом — пойдет не пойдет... Ничего он не думал.

В универмаге ему не понравилось: душно, толкотня. Зато понравилось на крепостном валу.

Он долго сидел там, ожидая мать, смотрел вниз и по сторонам. Глазам открывался просторный горизонт, вдоль которого, чередуясь, торчали трубы заводов и небольшие темно-зеленые рощи. Параллельно горизонту, хищно выпустив шасси, шли на посадку самолеты.

Рядом высился собор, окруженный церковками, словно мать — празднично одетыми детьми. Вечерело, и собор все время менялся, потому что менялось освещение. Иван с удивлением наблюдал, как собор багровел, коричневел, и тогда проступала вдруг брусничная кладка с белыми черточками спайки между кирпичами. Синие купола спорили с синим же, но по-другому синим небом. А главный медный купол, как только солнце скатилось за город, потемнел, потускнел, и сам собор тотчас стал черноватеть...

На валу ветер гулял со свистом, а через парк, по дороге к кремлю, медленно, будто устало, бежали парни в тренировочных костюмах. Они долго разминались у белокаменных палат. Один выжимался на руках, положив ноги на чугунную пушку, что стояла у входа в собор.

И, наконец, последний, нижний ярус, где особенно быстро сгущался вечер. Это было городское предместье — низина с небрежно разбросанными по ней разноэтажными деревянными домишками.

Там, под земляным валом, шла терпеливая тихая жизнь. Затейливые лесенки спускались в низину. Мелко расчерченная сеть огородов походила на лоскутное одеяло. Горели костры. Дымилась прошлогодняя ботва. Мужчины и женщины отдыхали, опершись на лопаты. Картошка на зеленой траве... Транзистор рядом...

Иван смотрел и дивился: «Надо же, город, а тоже картошку сажают». Оттуда, снизу, достигал до него почти бесцветный дым, запах которого тревожил и успокаивал одновременно.

Таким увидел он прошлой весной этот город, в котором предстояло ему скоро поселиться.

...А рубашку-то отцу купили все же. Красивую — в голубую и серую клетку. Отец был доволен. Носил, похваливал. Потом залил мазутом. Мать ругалась.

А может, у них любовь пропала...

Как же тогда жениться? Заженишься, дети пойдут, и вдруг любовь пропала...

Иван подумал: а на ком бы он хотел жениться? И вышло — ни на ком, кроме разве что Таньки Лапиной, да и то любовь к ней у Ивана уже пропала. А ведь было... Было!

...Однажды в Фалалеевскую школу приехал фотокорреспондент из города — заснять для газеты лучший класс. Ему назвали Иванов класс. Он вывел всех на стадион и велел построиться

в одну шеренгу, а сам отошел в сторону — перезарядить аппарат. Зарядил, повернулся к ребятам — рыжий, веснушчатый, толстый — да как закричит: «Вы что в самом деле! Как построились?!» Никто ничего не понимает — построились в шеренгу, как просил: сначала, конечно, девочки, потом, конечно, мальчики. Чего кричит? Рыжий командует: «Разойдись! Построиться по росту! Вперемежку! Девочка — мальчик! Девочка — мальчик!» Ребята стоят, мнутся. Он спрашивает тогда тихо, как у больных: «Вы что, никогда так не строились?» Надька Баринова отвечает за всех: «У нас и в заводе этого нет!» «Ну, так будет в заводе!» — кричит рыжий и хохочет.

Иван Моторихин, еще стоя в мальчишеской шеренге, уже прикидывал, как бы ему исхитриться и стать рядом с Танькой Лапиной, чтоб на фотокарточке выйти рядом... И когда все топтались, не решаясь первыми занять места в непривычной шеренге, он поглядывал на Таньку, ожидая от нее не знака, нет, не взгляда, какого-нибудь движения чуточного... А Танька топталась среди девчонок, хохотала с ними заодно и даже не думала глядеть в его сторону.

Корреспондент рассердился, начал сам ставить в шеренгу. Возьмет мальчишку за плечи — поставит. Возьмет девчонку — поставит. Опять мальчишку...

Что тут Иван пережил! Как быть? Сказать Таньке: «Встанем рядом»?.. Стыдно. Самому встать рядом с ней?.. Засмеют! Ждать, когда за плечи возьмут?..

Пока Иван переживал, до него очередь дошла. Корреспондент своими железными клещами схватил его за плечи и вставил между Надькой Бариновой и Веркой Пашиной. Да еще отступил на шаг, да еще прищурился: «Как в аптеке!»

Иван вытянул шею и осторожно глянул в Танькину сторону. И вдруг поймал ее взгляд, такой же, как у него, робкий, прячущийся, такой же растерянный... И хотя взгляды их тут же отстранились друг от друга, словно испугавшись своей нечаянной откровенности, он целый день берег в себе это мгновение и ходил удивленный, даже дурной какой-то.

...Парашютики летят над стадионом — синие, красные, синие, красные, синие, красные... Опускаются, покачиваясь, на траву. Освобождаются от своих пут парашютисты. Мягко ступая по траве, шагают по школьному саду между яблонь. Плечи их задевают за яблони, и осыпается с яблонь цвет. Иван Моторихин тоже шагает. Высокий, широкоплечий. На голове гладкий кожаный шлем, на плечах скрипучая ко́жанка. Яблони доцветают, на грядках зеленеют какие-то всходы, и Танька Лапина в своей танцевальной юбочке поливает их из лейки. Вода дрожит в воздухе, и Танька открыто улыбается ему, а он ей, и ничего не пропало у них, наоборот, все еще впереди. Они берутся за руки и, медленно, очень медленно ступая, идут по саду, мимо теплицы, за окнами которой много добрых, улыбающихся лиц — не разобрать, кто да кто... — и выходят на главную колхозную улицу, а навстречу им бегут собаки — много собак. Они прыгают, лают, играют друг с другом, ласково виляют хвостами...

Иван оборачивается к Таньке и вдруг видит, что это не Танька совсем, а Галя-беленькая! Он хочет выдернуть свою руку из ее руки, но не может: она держит крепко, Он дергает-дергает руку, ему больно — и он... просыпается.

Потер затекшую руку, тупо глядя на школьный план, по которому летели парашюты. Синие, красные...

*

Школа, такая раскаленная днем, бурливо вздрагивающая от сотен шагов и голосов на переменах, напряженно и где-то глубоко кипящая во время уроков, точно лава под безмятежной поверхностью земли, — школа медленно остывала к ночи, и если прислушаться, если хорошенько прислушаться...

Неожиданное щелканье старых половиц...

Неприметное дневному глазу и слуху пошатыванье и скрипение усталых лестниц...

Дрожание утлых стекол в коридоре второго этажа, где их давно пора укрепить гвоздиками, потому что прежние сержавели и выпали...

Старый дом равнодушно хранит в своей цепкой деревянной памяти всех, кто когда-то учился здесь. Не их ли шаги, голоса, бездумные движения вплетены в его бредовое ночное бормотание?..

Старый дом, старые скрипы и вздохи, которых годами никто не слышит, кроме школьных сторожей, но сторожа — сами люди старые, они привыкли прислушиваться к себе — к своим собственным скрипам и вздохам...

Иван Моторихин лежал и слушал.

Когда слушаешь ночной старый дом, ни о чем не думай. Ничего и понимать не надо, только слушать, слушать, слушать...

И постепенно ты станешь как бы частицей этого дома и, точно капля воды в стакане, будешь испытывать все, что испытывают остальные капли.

А как волнуешься, как замираешь, как ненасытно и напряженно ждешь: вот... сейчас... что-то... скрипнет...

И когда в этом ночном бормотании прозвучала очень далекая, но ясная и необычайно звонкая нота, Иван сразу определил: это не здесь, это оттуда. «Оттуда» значит извне.

Днем этот звук раздавался часто, но всегда появлялся на фоне сильных голосов дня, а кроме того, был такой привычной его приметой, что никто и внимания не обращал. Только сейчас, ночью, Иван впервые услышал по-настоящему, в чистоте и полнозвучии, во всей его печально-задумчивой интонации голос парохода с большой реки. Голос этот прозвучал три раза. И каждый следующий раз в нем прибавлялось печальной дрожи и протяжности.

Надо только представить себе, как это далеко, и мысленно пробежать весь путь от Фалалеева до широкой и неустанно несущей свои воды большой реки, и сколько между ними сел и городков, и сколько людей спящих, и сколько неспящих, и какие они, и о чем думают, и чего хотят, отчего тоскуют, и пропала у них любовь или только еще сбудется...

Впервые в жизни так болезненно и ярко он ощутил огромность мира и свою затерянность в нем, и вместе с этим ощущением к нему вернулось состояние одиночества, испытанное несколько раз днем. И состояние это было сейчас таким сильным, словно все дневные порции одиночества, полученные им нынче, сложились вместе. Мать, отец, ступинская школа с Федоровым и Галей-беленькой, бабушка и дядя Коля, которого как-то странно было называть дядей, даже про себя... Даже Андрей Григорьич с его добрым носом и жесткими кудрями, как у Гильома Каля,— все, все было сейчас по одну сторону какого-то водораздела, а по другую — он, Иван Моторихин.

Иван вышел в коридор. Там тускло горела маленькая лампочка и боролись два запаха — уборной и хлорки. Иван подошел к щиту с фотографиями. Стал искать пустое место со следами клея и лохматых обрывков бумаги. Не нашел. Еще раз пробежал взглядом по глазастому ряду — нет. Все места заняты. Тогда стал вспоминать, где же была его фотография... Вспомнил: третий ряд сверху, пятая слева.

На том месте красовалась теперь физиономия Мухиной Ольги из шестого «б». Челочка, отчесанная от остальных волос тщательно, до ровной белой полоски. Глаза хитрые — лисонька! А рот добрый. Добрый, но тоже хитрый. Хитрая Ольга, но добрая. Добрая, но хитрая.

А чувство одиночества не проходило. Наоборот, становилось все острей. И дело не в том, что вместо него тут Мухина Ольга, хотя это тоже по-своему грустно... Нет, не в том дело. Он сам не мог бы объяснить этого чувства, но суть его была в том, что вот вы черпнули из реки ковшом, а ямки не осталось — река все покрыла. Опять черпнете — опять покроет, и ровная гладь реки ничем не напомнит о вашем ковше...

...Иван снова вошел в кабинет, лег на диванчик, сунул голову в подушку, вдохнул слабый запах дезинфекции, который его еще больше растравил, и, наконец, заплакал. Все слезы, что копились в нем целый день, а быть может, и дольше, сейчас выливались легко и обильно. Он плакал, не сдерживая себя, не испытывая страха и стыда, — некого было бояться и стыдиться.

А когда выплакался, — заснул глубоко, без сновидений. Последнее, что мелькнуло в его затуманенном сознании: рыжеватые, коренастые волчата, тесно прижавшиеся друг к другу в углу сарая...

*

Иван проснулся оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. С трудом разлепил глаза — над ним дядя Гурий! Серой бороды на его маленьком лице за ночь стало еще больше. Острый нос, тонкий рот и зеленоватые размытые глазки — все терялось среди ершистой щетины. Даже из ушей она торчала густыми пучками, словно ее туда нарочно запихали.

— Вставай, — прохрипел дядя Гурий, — время.

И тут Иван заметил у него в руке сапоги. Его собственные сапоги. Но не то главное: он заметил новенькие резиновые набойки на каблуках!

Иван поднял глаза на дядю Гурия. Тот стоял и почесывал свою щетину указательным пальцем. Глазки его совсем сузились, и в них, как показалось Ивану, замерло ожидание.

— Спасибо, — пробормотал Иван и вспомнил, что дядя Гурий не слышит его. Тогда он усиленно закивал: спасибо, мол, спасибо...

Щетина на лице дяди Гурия поползла в разные стороны.

— Носи...

Иван выскочил в коридор, глянул на часы — полвосьмого!..

Он побежал на стадион. В подновленных сапогах бежалось ладно и упруго. Иван чувствовал приятную тяжесть новых каблуков и с удовольствием ставил ногу на пятку.

Утро было тихое, солнечное, безветренное — обещание свободного, полновесного дня. Иван стоял на самом взгорке, около трибун, и жмурился от солнца. Отсюда было хорошо видно вокруг. И школа, и колокольня за нею, и дорога на том берегу, и поля горбами, будто волны, а по ним уже ползут трактора... По кромке ближнего поля, что справа, идет узкая пологая дорожка. Это дорожка из Тиуно́ва. У тиуновских своей школы нет, они учатся в Фалалееве. И вот сейчас подошло время — потянулись тиуновские в школу. Сначала показалась на дорожке подвода. Мерно потряхивая задом, тянет ее вороная кобыла. Освещенный солнцем бок ее кажется ярко-белым. На подводе — мал мала меньше — с портфелями, сумками, в ярких пальтишках. Подвода движется медленно и почти бесшумно, словно мир еще не проснулся и все происходит в полусне. Чуть слышен скрип колес, да время от времени негромко фыркает Ночка. Так зовут тиуновскую кобылу — Иван не раз кормил ее хлебом и сахаром.

Потом в кадр его зрения — а он все время смотрит в одну точку — вплывают велосипедисты. Именно вплывают и, не обгоняя друг друга и подводы, плавно движутся по тиуновской дорожке.

Велосипедисты едут гуськом, и на солнце вспыхивают спицы, будто искры сыплются с колес. Портфели приторочены к рамам, багажникам. У некоторых вдоль рам еще лопаты привязаны, значит, догадывается Иван, сегодня работа после уроков. Или березы сажать, или летний баз строить...

Иван представляет себе: вот сейчас велосипедисты доедут до конца тиуновской дорожки, повернут налево, проедут вдоль школьного забора — и в калитку. А школьная калитка хитрая,

в нее не каждый на колесах въедет. Калитка эта с такой загогулиной, вроде кармана, так что сначала надо вывернуть руль в одну сторону и тотчас, без промедления, в другую.

Тиуновские — мастера. Они не спешиваются у калитки. Тиуновские к самой школьной двери подъезжают и уже там спрыгивают.

Ну, вот и пешеходы показались. Эти группами идут — трое, четверо, пятеро... Когда идут девчонки, да еще кучно, издалека кажется, будто букет плывет по дорожке. Головные платки зеленые, желтые, синие...

И снова велосипедисты.

И снова пешие.

Так стоял Иван Моторихин на взгорке, глядел на тиуновских. Одного даже узнал — по велосипеду: у того на раме ярко-красное кресло приделано, для младшего брата. Но кричать приятелю Иван не стал, а тем более бежать навстречу. Он твердо решил: ни к чему встречаться. Слишком долго объяснять, зачем приехал да почему уезжает...

На улице, за школой, прогудела два раза машина. А потом еще раз — дли-инно. Иван забрался на трибуну — из-за школы выглядывала серебристая молочная цистерна.

Ну, пока, Фалалеево. Прощай...

*

А теперь вернемся к тиуновской дорожке.

Все едут по ней, все идут и бегут уже, опаздывая.

И как бы ни взглянул на тиуновскую дорожку, все видишь за нею горизонт.

Такая здесь земля: куда бы ни посмотрел, всюду видишь горизонт.

Тиуновская дорожка, отороченная спокойным горизонтом, навсегда запомнится мне. Она для меня сейчас — зарок мирной, глубоко дышащей жизни.

Очень хорошо, что есть еще на земле такие дорожки!

КОНЕЦ

В самый лютый мороз

Трудно поверить, но никакой мороз не берет этих самых крохотных во всей нашей стране птах — желтоголовых корольков. В самый лютый холод корольки не унывают. Веселыми стайками перепархивают они в кронах елей и сосен, выискивая мельчайших насекомых.

Ученые подсчитали, что, чем меньше животное, тем сильнее страдает от холода. Почему же не мерзнут корольки, каждый из которых чуть больше пятикопеечной монеты? Почему не улетают на юг?

Когда к зиме облетает листва, а земля покрывается снежной пеленой, только ели и сосны сохраняют свой пушистый наряд. Они-то и становятся убежищем для миллионов мельчайших насекомых, забившихся в основание хвоинок. Ими и питается королек. А то, что в лесу мороз лютует,— это для корольков не беда! Шуба у них отличная, особенно если птичка сильно распушится. Между распушенными перышками образуется надежная прослойка из воздуха, великолепного теплоизолятора.

Труднее всего приходится королькам долгими зимними ночами — ночью в одиночку легко можно замерзнуть. Вот почему обычно корольки спят все вместе, стайкой. Взлетев на вершину дерева, дружно устраиваются на одной ветке и, сильно распушившись, плотно прижимаются друг к другу. Так им легче скоротать долгую зимнюю ночь.

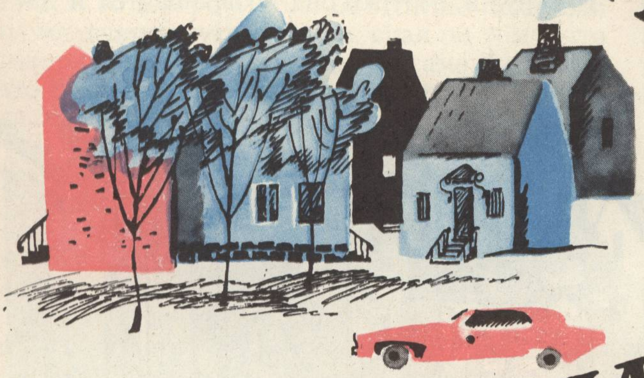
Михаил ШТЕЙНБАХ,
студент МГУ.

Фотография автора.

Уильям Мелвин КЕЛЛИ

РАССКАЗ

ВРАЖЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Рисунки И. ПРАГЕРА.

Я следил за ним, глядя поверх трухлявого пня,— он пробирался в зарослях кустов, без каски. Тогда я поймал его лоб в прицел, спустил курок — пуля пробила череп, из раны брызнула кровь. Я ясно это видел.

— Я прикончил тебя, Джером!

— Не-а, не прикончил!

— Прикончил, ты мертвый!

Должно быть, я прокричал это очень убедительно, потому что он уступил:

— Ты меня только ранил!

— Томми! Томми, пойди-ка сюда.— Ее голос прозвучал высоко над моей головой.

— Что, мама? — Она стояла на веранде нашего дома, по соседству с незастроенным участком, где мы играли.

Я подбежал к веранде. Мама вышла на крыльцо.

— Мистер Биксби забыл у нас шляпу.

Подстерегая Джерома, я видел мистера Биксби — он поднялся к нам и примерно через час ушел. Мистер Биксби был папиным партнером по покеру. И я вспомнил, что, когда он всходил по лестнице, на нем была белая летняя шляпа с широкими полями и черной лентой.

Взбежав на второй этаж, в комнату родителей, я увидел шляпу — она лежала на стуле. Мама взяла ее в руки.

— Сходи к мистеру Биксби. Только сходи, а не сбегай! И отнеси эту шляпу. Смотри не урони! — Шляпа была такая белая-пребелая, что на ней даже малюсенькая крупинка пыли сверкала бы, как черная звезда в белом небе.— Так не беги, понял? Да покажи-ка руки.

Я выставил вперед ладони и сейчас же был послан мыться. И только после этого мама дала мне шляпу. Но в руки я ее не взял. Я надел ее на палец. Бережно и аккуратно. Как будто я жонглер.

Спустившись к крыльцу, я сразу их увидел: они играли на углу. Банда Вэлентина! Теперь уличные банды смахивают на армии, поэтому восьмилетнего Джоу Вэлентина с его приятелями в возрасте от пяти до семи смешно называть бандой. Но мы их так называли. Дело в том, что они жили в соседнем квартале, и хотя нам уже разрешали переходить улицу, мы еще не освоились с нашей новой свободой, и вот, стоя на противоположных тротуарах — я и мои друзья на нашей стороне, а Джоу Вэлентин с приятелями на своей,— мы переругивались. Но на вражескую территорию не заходили.

Словом, спустился я к крыльцу и с ужасом вспомнил — мой ужас поймет только шестилетний мальчишка,— что мистер Биксби живет на вражеской территории.

И все же, надеясь, что серьезность миссии обеспечивает мою неприкосновенность, я подошел к углу, где, как часовой на границе, стоял красный ящик — сигнал для вызова пожарной команды, посмотрел в обе стороны, нет ли вблизи машин, и с пересохшим от страха горлом ступил на мостовую.

У Джоу и его приятелей вовсю шла война: оловянные солдатики и игрушечные танки двигались в пыли на узкой полоске земли между тротуаром и мостовой, и они не сразу меня заметили. А когда сообразили, что граница нарушена, я уже приближался к середине улицы. Вторжение ошеломило их, и я, помнится, подумал, что они остолбенели от моего геройства, но сейчас-то я понимаю: дело было не во мне. Их порази-

ла шляпа, которую я нес. Лучшую мишень для издевательств трудно было придумать.

Я подходил к их тротуару, когда Джоу наконец опомнился.

— Эй ты,— заорал он,— что это у тебя за штука?!

Понимая, что его вопрос был началом атаки, я закусил губу и ничего не ответил. Мне представлялось, что я один из героев, про которых так часто рассказывали по радио, а они всегда молчали, когда их допрашивали враги. В общем, я был выше его дурацких вопросов. Я-то был выше... Но не успел я подойти, как Джоу сбил у меня с пальца шляпу. Я остался на высоте, но зато шляпа плюхнулась в пыль.

Правда, я мигом спустился на землю, нагнулся, схватил шляпу раньше их всех и без потерь, но что есть духу отступил к своему тротуару. На границе для сохранения остатков самолюбия я крикнул им: «Погодите, я еще до вас доберусь! Я ведь не американец! Я африканец! Я скажу моим друзьям, и они разбомбят ваши дома!»

Но я видел, что моя речь на них не подействовала. Они удалились независимой походкой победителей, как если бы они были солдатами из кинофильма, не слушающими вражеской радиопропаганды. А я двинулся домой, осматривая на ходу шляпу. К счастью, оказалось, что она ничуть не испачкалась, осталась такой же белой — ни единого пятнышка. И тем не менее я чувствовал, что у меня по щекам ползут слезы.

Бабушку я заметил, только поднимаясь по лестнице,— она сидела у крыльца на своем красном складном стуле. Но мне ничего не удалось ей сказать, не удалось пожаловаться или хоть объяснить, в чем дело, потому что она вдруг встала и скрылась в доме. Она все видела, я это понял, и ей было за меня стыдно, так стыдно, что она не захотела со мной встречаться.

И вдруг я смотрю, она возвращается и несет длинную палку — ручку от половой щетки. До этого бабушка никогда меня не била, но я чувствовал, что теперь все может измениться. И вот я зажмурился и стал ждать.

Однако вместо хруста моих собственных костей под обрушившейся на них палкой — я ко всему приготовился — послышался только скрип бабушкиного стула. Тогда я открыл глаза и сразу увидел палку — бабушка поднесла ее к самому моему носу.

— Знаешь, если ты не отнесешь мистеру Биксби шляпу, сегодня вечером тебе будет здорово не по себе.

Я кивнул.

— Ну так вот, возьми эту штуку. Драться нехорошо. Но иногда необходимо. А теперь ступай и скажи тем ребятам, что, если они не оставят тебя в покое, им придется узнать, зачем тебе палка. Бери.— Она сунула палку мне в руки.

Палку-то я взял. Но легче мне не стало. Я глянул на бабушку — она была все той же: белые волосы, скрученные на затылке в пучок, большие голубые глаза за стеклами очков, светло-коричневая, как выдержанная

— Эй ты, — заорали они, — что это у тебя за штука?

древесина, кожа. Но вместе с тем что-то в ней явно изменилось, если она советует мне ударить человека. Разумеется, я и до этого иногда дрался с приятелями — поссоримся, раздеремся и тут же помиримся,— но специально запастись палкой и пойти на улицу, чтобы кому-то пригрозить, а если он не испугается, то и огреть его... Это уж не походило на мальчишескую драку, и, судя по тому, что говорили мне родители да и сама бабушка, это больше смахивало на бандитизм! Бабушка, наверно, догадалась, о чем я думаю.

— Ты знаешь, кем у нас был Тедди Рузвельт?

Я кивнул.

— Ну так вот, он однажды сказал: «Будь вежливым, но дубину из рук не выпускай — и ты далеко пойдешь».

Понять-то я ее понял. Но все во мне восставало против таких советов, и я не мог ни на что решиться.

— А ну-ка пойдем.— Она резво встала, взяла меня за руку и повела в дом. Мы миновали прихожую и вошли в ее комнату.— Мне надо помешать рис, а ты побудь пока здесь. И рассмотри картину.— Бабушка ушла в кухню. Палка все еще была у меня в руках. Я положил ее на кровать, потом забрался туда сам. Спокойная, устоявшаяся за полвека атмосфера — смешанный аромат пудры, душистого мыла и одеколона—отгородила меня и от улицы и от банды Вэлентина.

На стенках комнаты висели три картины, и я не знал, про какую из них говорила бабушка. Так что на всякий случай я рассмотрел все три. На самой маленькой был изображен

бабушкин брат Уилфред, живший на Лонг-Айленде и приезжавший к нам раз в год. С самой большой картины на меня глядел Иисус, подняв правую руку и сложив пальцы для благословения, левой рукой он обнажил свое сердце— оно было красным и сочилось кровью. В прохладном сумраке комнаты я видел его глаза, кроткие и добрые, и чуть заметную улыбку. Еще там висел портрет бабушкиного мужа, который умер так давно, что я его не знал и не считал своим дедом. У него была светлая, как у бабушки, кожа, черные глаза, смотревшие поверх моей головы, черные, расчесанные на пробор волосы, большие усы, почти закрывающие рот, и квадратный, но с мягкой ямочкой посредине подбородок.

— Ну, вот и я.— Бабушка опять вошла в комнату, немного вспотевшая у жаркой плиты, и села возле кровати в маленькое кресло.— Ты рассмотрел картину?

— Я не знал, какую.— На всякий случай я снова поглядел на Иисуса.

— Нет, нет, сейчас я говорю не о Спасителе. Посмотри-ка вот сюда.— Она показала на портрет мужа.

❋

— Ты, может, не знаешь,— начала рассказ бабушка,— но твой дед Пабло — его фамилия Кортес — был вроде тебя: тихий, деликатный, мухи не обидит, а уж приветливый, как щенок. Он с Кубы. Это остров в Атлантическом океане.

Он был такой добрый, что встречал каждый катер, на котором кубинцы приезжали в Америку, и если у кого-то не оказывалось ночлега или денег, Пабло приводил его к нам.

Бывало, приведет он какого-нибудь кубинца, притащит его в кухню и говорит мне: «Дженни! Это наш земляк. Ему негде ночевать. И нечего есть».— А я вздохну и отвечаю: «Ну что ж. Обед скоро будет готов». — И Пабло ведет нового приятеля в гостиную, и они там поют песни и скручивают сигары.

Сигарами Пабло зарабатывал на жизнь. Табачные листья он раскладывал по полу, и они вечно лежали в гостиной, как ковер; твоя мама — она была тогда маленькой девочкой — любила по ним бегать; да и все по ним топтались. Поэтому мне никогда и не нравились сигары.

Пабло хотелось, чтобы все дружили, и он очень любил устраивать вечеринки. Бывало, вернусь я с работы домой, отворю дверь, а в комнате дымище и сидит человек двадцать кубинцев: кто бренчит на гитаре, кто скручивает сигары, и все горланят песни.

Ну вот, а в Нью-Йорк я приехала с Юга, и тогда, лет пятьдесят назад, если не больше, я была такая наивная дурочка, что даже не знала, какой бывает снег. Когда он пошел, я подумала, что соседи, которые жили над нами, распороли подушки, и по улице во все стороны разлетелся пух. В общем, брату Уилфреду — он уже давно жил в Нью-Йорке — пришлось многому меня учить, как маленькую девочку. И первым делом он рассказал мне про нью-йоркские общины. В те времена

весь Нью-Йорк был разделен на кварталы, и в каждом квартале — особая община. Поляки жили с поляками, итальянцы — с итальянцами, негры — с неграми, и у всех были свои порядки.

Потом я познакомилась с Пабло, твоим дедушкой, мы поженились и поселились в негритянском районе. Через два, помнится, квартала от нашего дома начинался район белых, там жили ирландцы. И негры поумней в тот район не ходили — белые могли сделать с ними бог знает что.

Может быть, Пабло об этом не знал, а может, и знал — я так и не поняла. А может быть, раз он сам ко всем относился по-дружески, то считал, что и к нему все настроены дружелюбно. Короче, пошел он однажды прогуляться да и забрел к ирландцам. И решил промочить горло. Оно у него пересыхало чуть ли не каждую минуту. Не долго думая, завернул он в бар, подошел к стойке и заказал рюмку виски. Бармен, наверно, решил, что Пабло приезжий, потому что молча поставил перед ним рюмку. И вот Пабло стоял у стойки, и улыбался, и ждал, что бармен улыбнется ему в ответ, и с удовольствием, не спеша, прихлебывал напиток.

Но когда Пабло отдал бармену рюмку, тот не стал ее мыть, а расколотил об пол, да еще и растоптал осколки каблуками. Он показал, что кубинец, по его мнению, не человек и ни один белый не прикоснется после него к рюмке.

Не знаю уж, понял ли Пабло, в чем дело. Только он сейчас же заказал еще одну порцию. И получил ее. Но бармен опять разбил рюмку. И покосился на Пабло.

А Пабло, видно, все еще мучила жажда, потому что он заказал себе третью порцию.

Бармен придвинулся вплотную к стойке. Как раз напротив Пабло. И поглядел на него в упор. Этакий рыжий ирландец с багровым лицом.

— Что, парень, не желаешь понимать намеков?

— Каких таких намеков?

Бармена уже начинало трясти от злости.

— А из-за чего я, по-твоему, бью свою посуду?

— Я думаю, у вас такая привычка — бить посуду. И, наверно, эта привычка влетает вам в копеечку?

— И будем считать, что я смотрелся в ваше зеркало!

Бармен достал из-под стойки дубину.

— А ну, проваливай отсюда, кубинец!

Пабло наконец понял, что его выпроваживают. Он снова улыбнулся.

— Значит, давайте разберемся. Если я закажу еще, вы опять разобьете рюмку?

— Во-во. Только ты лучше остерегись заказывать.

Пабло вздохнул. Ему стало грустно.

— Тогда будем считать, что я уже напился.— И вот никто и глазом не успел моргнуть, как Пабло одним прыжком перемахнул через стойку и сгреб на пол все рюмки, до которых смог дотянуться.

— И будем считать, что я смотрелся в ваше зеркало.— Он схватил бутылку и запустил ее в зеркало.

Тут все посетители бросились на Пабло, но он уворачивался, вырывался, метался по ба-

ру, опрокидывая столы и ломая стулья. Перед тем как его поймали, он прорвался к роялю и опрокинул его набок.

— И считайте, что я сыграл вам кубинскую мелодию.

Они связали Пабло и вызвали полицию. Наутро я увидела его в суде. Судья удивленно поглядывал на Пабло, как будто ему не верилось, что этот тихий человек способен учинить такой ужасный разгром. Ну, да ведь барто он все-таки разгромил, и его приговорили к тридцати суткам тюрьмы и постановили, что он должен заплатить штраф — пятьдесят долларов — на возмещение убытков. Пятидесяти долларов у Пабло не оказалось, и ему добавили еще тридцать суток.

И вот я не видела Пабло два месяца. А когда увидела — не поверила своим глазам. С его лица исчезла улыбка, а до тюрьмы он всем и всегда улыбался.

Он вернулся и сразу стал куда-то собираться. Я догадалась, куда, и очень рассердилась.

— Тебе мало двух месяцев? Еще захотелось?

Пабло не понял:

— О чем ты говоришь?

— О чем? Да о том, что ты опять туда собираешься, в бар к этим белым! Тебе не терпится сесть в тюрьму? Понравилось? Ты научился там жить по-новому?

— Дженни, милая, разве ты не понимаешь? Я как раз и пытаюсь жить по-старому.— Пабло отобрал пять коробок сигар, из тех, что сделал еще до отсидки, аккуратно положил их в бумажный пакет, сунул сверток под мышку и пошел к двери.

Бармен покосился на бумажный пакет и уставился на Пабло. Вытер со лба пот, откашлялся.

— Ну-ну.— Он поставил перед Пабло рюмку.

Пабло выпил виски и подтолкнул рюмку бармену. Тот нехотя ее поднял и повертел в руках. И опять посмотрел на Пабло.

— Да какого черта! В прошлый раз я неделю наводил тут порядок.— Он вымыл рюмку с мылом и поставил ее на место. И снова глянул на Пабло.

— Ты доволен, кубинец?

— Нет еще.— Пабло стал разворачивать свой пакет.

— Спасайся! — заорал бармен над самым его ухом.

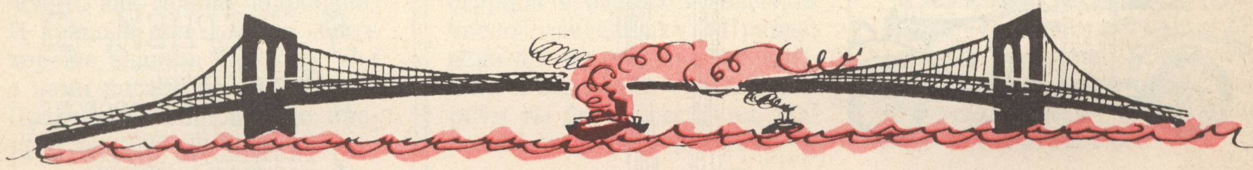
Пабло поднял голову, окинул взглядом бар и увидел, что посетители лежат на полу, стараясь получше прикрыть голову руками. Бармен нырнул под стойку и зажал уши ладонями.

Пабло порылся в свертке, вынул одну коробку, открыл ее и, перегнувшись через стойку, протянул бармену:

— Не хотите ли прекрасную гаванскую сигару? Очень нежная. Ручной работы.— Он снова улыбался.

*

— Так ты пойдешь к мистеру Биксби? —

Я смотрела, как он уходит, а потом расплакалась. Я любила его и боялась, что он попадет в беду. Но, главное, я перестала его понимать, и это пугало меня больше всего.

Когда ирландцы снова увидели Пабло, они от удивления поразевали рты. И настороженно притихли. Но он не обратил на них внимания — подошел прямо к стойке и глянул на бармена.

Бармен вытащил из-под стойки дубину.

— Ты что, кубинец, не все получил? Тебе мало?

— Мало.— Пабло не улыбался. Он бережно положил свой сверток на стойку.— В прошлый раз вы тут дали мне прикурить, помните? Теперь моя очередь. Но мой подарок очень хрупкий. Не выносит тряски. Так что учтите!

— Что там, кубинец?

— Возможно, вы и узнаете. Я хочу выпить.

— Пойду.

Но мне очень не хотелось идти.

— Может быть, тебе вовсе и не придется ею орудовать,— бабушка показала на ручку от щетки,— но ты должен верить, что, если придется, ты сможешь.

Мне было ясно, что она права. Я соскочил с кровати и взял палку в руки.

— Что ж, я пошел.

— Я подожду тебя на веранде.— Бабушка улыбнулась и, вздыхая, пошла в кухню.

Я немножко послушал, как позвякивают кастрюли и шумит вода. Потом отправился в свою комнату. Стоя перед зеркалом, я сказал вслух:

— Если ты не отстанешь, я долбану тебя вот этим!

Когда я вышел на улицу, там никого не было. Приятели Джоу разошлись по домам — мамы кормили членов банды ужином.

Перевел с английского Андрей КИСТЯКОВСКИЙ.

ВСЕМ ЗНАКОМЫЙ АЛГОРИТМ

ЭВМ и Неизвестные

ДВЕ задачи для Марсика

ЗЕТ. Представьте себе, что к нам приехал марсианин.

Теперь предположим, что на встречу с Марсиком — назовем его так — в математической школе собрались ребята. Ему, конечно, заранее объяснили, как туда добраться. Поскольку Марсик с другой планеты, пришлось все объяснять подробно: во-первых, надо прийти на остановку, во-вторых, дождаться автобуса № 101 (на другие не садиться), в-третьих, сесть на автобус № 101, в-четвертых, доехать до школы.

И что же? Наш Марсик ни за что не справился бы с этой «задачей»! И если бы добрался до школы, то только с помощью милиционера. Ошибка — в условиях, и ее увидит каждый, кому знаком 101-й маршрут. Остановки «Школа» здесь нет. Марсику нужно было назвать остановку «Улица Морозова», но он, конечно, этого не знал, а ребята забыли ему сказать.

2 вторая задача 2

Марсику очень понравились у нас жареные помидоры. И когда мы пришли к нему в гости, он решил нас тоже угостить. Рецепт взял у Калинки:

1. Отобрать зрелые помидоры,
2. обмыть в холодной воде,
3. разрезать поперек на две части,
4. посыпать солью,
5. перцем,
6. разогреть масло на сковороде,
7. помидоры уложить разрезом вверх
8. и поставить на огонь,
9. как только наружная сторона обжарится,
10. помидоры перевернуть,
11. слегка обжарить со стороны разреза

Рецепт Калинки очень точный и подробный. Только она не учла, что Марсик совсем неопытный кулинар, и не объяснила, что значит «наружная сторона обжарится». Пришлось каждый раз пробовать, так что порядочно помидоров съели во время готовки. Значит, было вкусно!

АЛГОРИТМЫ вокруг нас

Марсик, Постик и БЭМЦ

ИГРЕК. Пожалуй, наш Марсик скоро научился бы и по телефону звонить, если бы мы сумели ему все так же подробно объяснить — шаг за шагом. Пропустишь в объяснении хоть один шаг или объяснение будет Марсику непонятно — все пойдет насмарку. Чужеземцу нужны подробные инструкции.

ЭВМ тоже вроде марсиан — задания им надо объяснять как можно подробнее. И каждый шаг должен быть хорошо знаком. Поэтому мы с вами писали для БЭМЦа и Постика такие длинные программы.

ЗЕТ. Когда мы пишем программу для Постика или объясняем Марсику дорогу в школу, мы составляем **алгоритм.** Иными словами, даем точную инструкцию о выполнении знакомых действий. Не удивляйтесь непривычному слову. С алгоритмами и вы много раз встречались. Решить любую математическую задачу — значит найти алгоритм.

Ты умеешь складывать и умножать — значит, знаешь некоторые алгоритмы. Возьмем, например, такую простую задачку: «В одной банке было 10 соленых огурцов, в другой — 6 огурцов. За обедом съели 4 огурца. Сколько всего огурцов осталось?» У тебя уже, конечно, готов ответ: $10+6-4=12$. Правильно. А как ты его получил? Составил вот такой алгоритм: «Сложить число огурцов в банках и вычесть число съеденных». Правда, если бы ты не умел складывать и вычитать, такой алгоритм ты бы не составил. Напомним еще раз: алгоритм — инструкция о выполнении **знакомых** действий.

Вот другая простая задача: «Циркулем и линейкой построить биссектрису угла». Ты знаешь, как проводить прямые и окружности. Попробуй найти нужный алгоритм, используя только эти два знакомые тебе действия.

ИКС. Теперь мне все ясно! Поваренная книга — тоже сборник алгоритмов! И справочник «Как выводить пятна»! И другой — «Как починить радиоприемник»! Да вся наша жизнь просто наполнена алгоритмами!

ЗЕТ. И рецепт для больного — своего рода алгоритм, и правила уличного движения, и советы по воспитанию щенка или по выращиванию цветов, по уходу за аквариумными рыбками — и так до бесконечности. Человек действительно часто пользуется разными инструкциями, готовыми рецептами, наставлениями, уставами. И все это своего рода алгоритмы. Но, конечно, самые строгие из них — в математике.

ЧЕМ АЛГОРИТМЫ ХОРОШИ?

ИКС. А действительно — чем?

ЗЕТ. Есть у них одно замечательное свойство — один раз составил и пользуйся потом сколько хочешь. Вот, скажем, составили рецепт: «Помидоры жареные», — записали в книжку, и в любую минуту можно начинать готовить вкусную еду.

Но, конечно, дело не в помидорах. Тут можно на свой страх и риск нажарить как получится, без всяких рецептов. А если бы не было у нас готовых правил деления, умножения, возведения в степень? Что бы мы делали? Каждый раз, решая пустячную задачку, производили бы громоздкие рассуждения, чтобы найти ответ? Сколько бы времени уходило, чтобы рассчитать машину, проект здания или завода!

Алгоритмы тем и хороши, что экономят силы и время человека. В каждой науке есть большой запас алгоритмов, но особенно богата ими математика. За время учебы в школе ты узнаешь многие из них и запоминаешь на всю жизнь.

ИКС. Так, значит, алгоритмы известны людям давным-давно? Почему же мы с вами только сейчас о них вспомнили?

ЗЕТ. Все дело в ЭВМ. Алгоритмы стали особенно знамениты, когда появились ЭВМ. Чтобы машина решила задачу, надо прежде всего составить для нее алгоритм, или, как мы говорили раньше, программу.

Мы уже учились с вами составлять программы для БЭМЦа и Постика. Это оказалось непросто, хотя у нас и не было программы длиннее

двадцати команд. А для больших машин программы состоят из многих сотен команд! Но это не значит, что все команды написаны заново. Для каждой ЭВМ заготовлено впрок много блоков-команд, которые используются особенно часто. Например, никто в вычислительном центре не будет придумывать заново алгоритм извлечения квадратного корня. Он давно изготовлен, и, когда надо, им все пользуются.

Если составлен алгоритм работы, ЭВМ может произвести вычисление любой сложности. Причем с быстротой, недоступной человеку.

Но есть в математике и такие задачи, для которых нет и не может быть алгоритма.

Неразрешимые задачи

ИКС. Неужели есть такие проблемы?

ЗЕТ. В том-то и дело! Помните задачу Пуассона? Про переливание? Многие из вас ее тогда решили. А вот как будто похожая задача, но решить ее данными средствами нельзя: «Попробуйте налить из крана в ведро ровно 11 литров воды, если у вас есть только бидоны в 6 и 9 литров». Заранее известно, что у вас ничего не получится.

ИГРЕК. Я где-то читал про три знаменитые задачи древности. Меня тогда так поразило, что у них нет решения, что я хорошо запомнил условия.

Пользуясь т о л ь к о циркулем и линейкой, надо:

1) Разделить угол на три равные части (способ должен быть один и тот же для всех углов);

2) Построить квадрат, имеющий ту же площадь, что и круг радиусом 1;

3) Построить ребро куба, объем которого ровно вдвое больше, чем у данного.

ЗЕТ. Вношу уточнение: Доказано, что невозможно выполнить эти построения при одном условии: пользуясь т о л ь к о ц и р к у л е м и л и н е й к о й. Интересно, что совсем недавно молодой математик Ю. Матиясевич (мы вам о нем рассказывали) добился замечательного успеха. Ему удалось доказать, что для решения одной из проблем математики (ученые бились над ней уже больше полувека!) на самом деле тоже не может быть алгоритма.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

КОНТРОЛЬНЫЕ ? ВОПРОСЫ

1. Отряду солдат надо переправиться с левого берега реки на правый. Саша и Сережа предложили свою лодку. Но в ней могут поместиться или только один солдат, или только мальчики. И все же всем удалось переправиться именно на этой лодке. Как? Составьте алгоритм.

2. Через дорогу от дома Трех Неизвестных продают мороженое. Составьте алгоритм, который поможет Марсику купить мороженое для себя и Неизвестных. Не забудьте про правила уличного движения!

3. Докажите утверждение Зета, что нельзя налить в ведро 11 литров воды, если есть бидоны только в 6 и 9 литров.

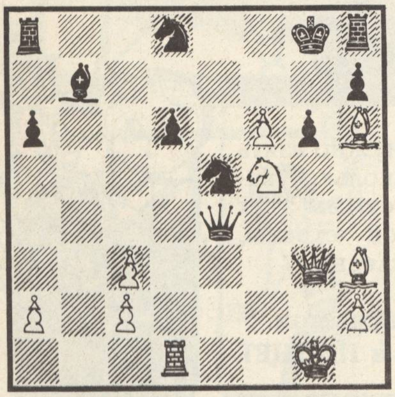
4. Циркулем и линейкой разделите на три равные части углы в 135°, 90°, 54°.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

В «Пионере» № 11 за 1970 год рассказано о том, как применяются ЭВМ. Профессор В. А. Успенский пишет о Постике (машине математика Поста) в журнале «Математика в школе» №№ 1 — 4 за 1967 год. Почитайте про программирование и ЭВМ в журнале «Квант» №№ 5, 7 за 1970 год (в № 7 рассказ об открытии Матиясевича), №№ 9, 10, 12 за 1971 год, № 5 за 1972 год. Рекомендуем книги Б. А. Трахтенброта «Алгоритмы и машинное решение задач», В. Н. Касаткина и А. Ф. Верланя «Секреты кибернетики».

Школьник побеждает гроссмейстера

Этот школьник — ленинградец Саша Кочиев. Он выступил в недавно прошедшем полуфинале

первенства СССР и нанес ряд поражений опытным и сильным противникам — известным шахматистам. Саша стал мастером спорта.

К этой позиции пришла партия, в которой Саша играл белыми с гроссмейстером Тукмаковым. Положение острое, промедление смерти подобно. Сейчас ход белых. И Саша нашел остроумный путь к победе.

Игра продолжалась так: 26. f6 — f7 + (неожиданно и очень сильно). Если теперь 26... Кр : f7, то 27. К : d6, выигрывая ферзя, или 26... Kd : f7 27. Ке7Х) 26... Ке5 : f7 27. Лd1 — e1! (У черных лишняя ладья, но их король попал в «железную клетку», из нее ему уже не выбраться) 27... Фе4 : e1 + (не меняет дела и 27... Фh1 + 28. Крf2, и черным снова приходится расставаться с ферзем). 28. Фg3 : e1 Кf7 — e5 29. Фе1 — g3.

Атака белых неотразима. Гроссмейстер признал себя побежденным.

Пешкин в клубе «Белая ладья»

Недавно побывал Пешкин в поселке Березань, Николаевской области. Березаньские ребята очень любят шахматы, в школе часто проводятся турниры, есть свой клуб «Белая ладья».

Пионер Женя Головков — чемпион среди школьников района, душа всех шахматных турниров, он с удовольствием учит играть в шахматы новичков.

Пешкину всегда нравятся такие ребята. Понравились ему и Игорь Панченко и Ната Гончаренко, хорошо они играют.

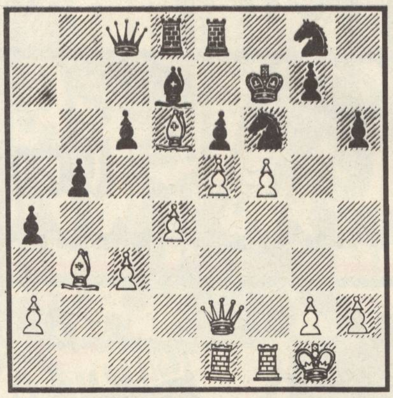
Женю Головкова, Нату Гончаренко и Игоря Панченко Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи».

«Есть ли у тебя красивые короткие партии, Пешкин? Если есть, то напечатай»,— написал Пешкину Коля Савельев из Хабаровска, участник турниров клуба «Белая ладья».

Вот, Коля, такая партия. Пешкин выиграл ее в семь ходов. События развивались так:
1. e2 — e4 e7 — e5 2. f2 — f4 e5 : f4 3. Кg1 — f3 d7 — d5 4. Кb1 — c3 d5 : e4. 5. Кc3 : e4 Сc8 — g4. 6. Фd1 — e2 Сg4 : f3? 7. Кe4 — f6. Мат.

Черные не учли грозную силу двойного шаха.

Как вы думаете, почему двойной шах так силен и так опасен для противника? Проанализируйте следующее окончание партии.

В 1913 году в Париже проводил сеанс одновременной игры молодой мастер, будущий чемпион мира Александр Алехин. Черными играл французский шахматист С. Пра. Вот к какому положению пришла одна из встреч.

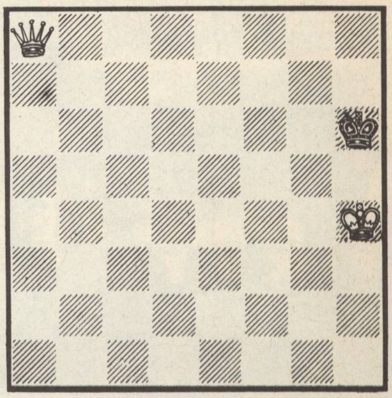
Сейчас ход Алехина. Он так завершил атаку на позицию черных: 23. Фе2 — h5 + Кf6 : h5. 24. f5 : e6+ +Крf7—g6 25. Сb3 — c2+ Крg6 — g5. 26. Лf1 — f5 + Крg5—g6. 27. Лf5—f6+ +Крg6—g5. 28. Лf6 — g6 + Крg5 — h4. 29. Лe1 — e4 + Кh5 — f4. 30. Лe4 : f4+ Крh4 — h5 31. g2 — g3 + и 32. Лf4 — h4 мат.

Красивое окончание! Составьте примечания к нему. Это будет для вас хорошей тренировкой перед турниром в школе.

И еще одно задание членам клуба «Белая ладья».

Заматовать черного короля? Любой возьмется за это нехитрое

дело, ведь у белых лишний ферзь, а черного короля все защитники бросили на произвол судьбы.

Так-то оно так. Но мат надо дать быстро, в четыре хода. Как ни удивительно, у этой задачи только одно решение. Найдите его.

Конкурс спринтеров

Этот конкурс Пешкин провел в восьмом номере журнала. Помните?

Вот как решаются спринтерские задачи Пешкина.

Задача 1. Надо добавить белую пешку на e7. Тогда к мату в два хода приведет маневр ферзя на c5. После 1. Фc5 возникают красивые варианты 1... С : g6 2. e8Ф, или 1... Кf8 2. efК.

Задача 2 решается так:

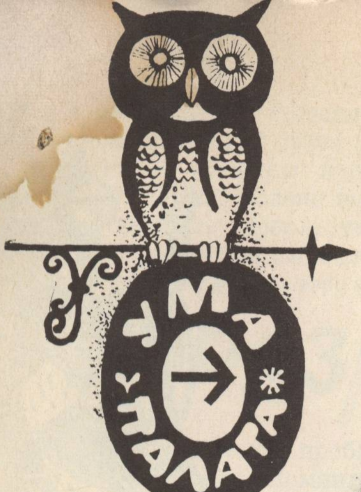
1. Фа8! И если 1... Крf3, то 2. Фа1!, а на 1... Крf5 белые отвечают 2.Фd8. Если ж 1... Крg5, то 2. Фh8!

В задаче 3 к цели ведет такое продолжение:

1. Лd7!, например, 1... Фf8 2. Фа3+Ла4 3. Фf3, и мат следующим ходом.

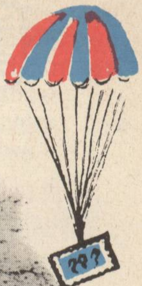
В следующих номерах журнала Пешкин сообщит, кого из участников конкурса он наградит «Грамотами ферзя и ладьи».

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Дорогие друзья!

Пока жюри выясняет, кто победил в Больших играх, мы предлагаем вам новые маркобусы. Надеемся, вы не забыли, как они решаются?

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

МАРКОБУСЫ

Из названия каждой страны нужно взять столько рядом стоящих букв, сколько указано на верхних марочках. Из суммы этих букв вы получите название той страны, марка которой изображена последней.

С филателистическим приветом.
ЛУПА и ПИНЦЕТ

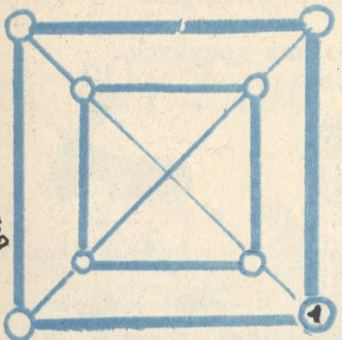
Игры Лупы Пинцета

ОТКРЫТИЕ ХОККЕЙНОГО СЕЗОНА

ПЕРВАЯ ШАЙБА

Хоккейный сезон открыт! В первом матче встретились старые соперники: команды «Тигр» и «Пантера».

Нападающие «Пантеры» забросили первую шайбу в ворота «Тигра». В этот острый момент восемь игроков «Пантеры» занимали на поле позицию, показанную на схеме.

Как вы думаете, какой номер был у игрока, забросившего первую шайбу, если известно, что сумма номеров игроков, стоящих на четырех углах большого квадрата, равна восемнадцати. Восемнадцати равна и сумма номеров на углах маленького квадрата и сумма номеров на каждой из диагоналей.

Молчаливый свидетель

Записки капитана Перо-86

1. Капитан Перо подходил к дому зеленого карандаша. Увидев его в окно, зеленый карандаш сказал своей сестре авторучке:

— Скажи ему, что я уже неделю в отъезде.

2. Капитан Перо вошел в комнату и спросил:

— Вчера из клуба резинок исчез ценный приз — золотая клюшка. Я подозреваю, что это дело рук вашего брата. Где он?

— Вот уже неделя, как он уехал к друзьям и мы с Кляксой одни дома. Но сегодня он должен вернут

3.— Здравствуйте, что здесь происходит? — спр неожиданно появившийся в комнате зеленый каран

— Как я рада, что ты приехал! — запрыгала авт ка.

4. Помолчав минуту, капитан Перо сказал:

— Мне все ясно!

Почему капитан Перо догадался, что зеленый к даш обманул его?

Из записной книжки Живживки

Наш Живживка в этом году много путешествовал, он собрал много пословиц, поговорок, побасенок, афоризмов разных народов.

В его записной книжке есть шутки добрые — когда подшучивают над друзьями; есть злые — высмеивающие врага; горькие — родившиеся в давние времена, когда тяжело жилось тому, кто трудится; беззаботные — сложившиеся в минуты отдыха и веселья.

Произносят их на разных языках, но в каждой из них хранится крупица смеха, который на всех языках звучит одинаково.

С ЛАКСКОГО: «Будешь двигаться — через хребет перевалишь, будешь сидеть — в яму скатишься».

С ЛАТЫШСКОГО: Учитель. Предложение «Лошадь бежит» превратите в вопросительное.

Карлис. Бежит ли лошадь?

Учитель. Правильно. Теперь вопрос превратите в повелительное предложение.

Карлис. Но-о-о!

С ТУРКМЕНСКОГО:

— Молла Камине, почему вы идете пешком?

— У реки я слез с ишака, и, пока искал брод, мой ишак потерялся.

— Какое несчастье!

— Наоборот, удача! Ведь если бы я сидел на ишаке, то потерялся бы вместе с ним.

ДАГЕСТАНСКИЕ АФОРИЗМЫ:

«Кто делать дела не привык,
У тех порой велик язык».
«Звонкое мычанье без толку
Может привести теленка к волку».

С БЕЛОРУССКОГО:

Учитель (на экзамене). Почему вы так волнуетесь? Боитесь моих вопросов?

Ученик. Нет, что вы! Я боюсь своих ответов.

С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО: «Два арбуза в одной руке не удержишь».

ЭВЕНСКИЕ ЗАГАДКИ

Кто на голове лес носит?
Без головы, а в шапке, с ногой, а без унтов.
ЧТО ЭТО?

Ответы на задачи из № 11

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

БУТЫЛКА В МОРЕ

Если бутылка действительно была брошена в море, то этикетка от нее отклеилась бы.

БОЛЬШИЕ ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА. НИ ПУХА НИ ПЕРА!

Судака поймали в Венгрии, а щуку — в нашей стране.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

«Маркобусы» и шуточную задачу «Запрос лисы» все ребята решили правильно.

НАПОМИНАЕМ!

Решение жюри будет опубликовано в будущем году во втором номере «ПИОНЕРА».

**Помогал Живживке
Вадим ЛЕВИН.**

Содержание журнала «Пионер» за 1972 год

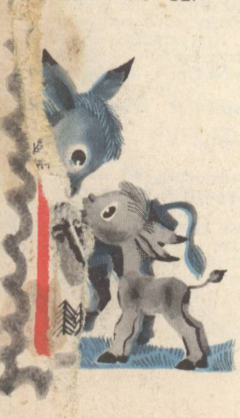

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

КОСТЕР ДРУЖБЫ

СПОРТ

ПУБЛИЦИСТИКА

НАУКА И ТЕХНИКА

МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ИСКУССТВО

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

В оформлении «Пионера» в 1972 году участвовали: В. Арсирий, А. Борисов, П. Вагин, А. Вочинин, А. Вовикова, И. Гаврилов, В. Гусев, Б. Гуревич, Н. Доброхотова, Г. Дмитриев, С. Карасев, А. Кармен, Ю. Карпова, И. Красулин, Б. Кыштымов, Ю. Корнеев, Е. Медведев, Г. Метченко, П. Панченко, В. Постников, И. Прагер, И. Пчелко, С. Трофимов, И. Урманче, В. Чижиков, Е. Шабельник, М. Яшкова.

АНКЕТА—72

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

Кончается год, и, как всегда, в конце года «ПИОНЕР» просит тебя ответить на такие вопросы:

1. **Вспомни, что тебе больше всего понравилось в «ПИОНЕРЕ» этого года?** (Назови повесть, рассказ, сказку, статью, очерк или заметку, отдел в журнале, рисунок, фотографию или обложку, которые запомнились тебе больше других. Напиши, почему.)

2. Чему тебя научил «ПИОНЕР» в этом году, чем тебе помог в пионерской жизни?

3. Что тебе не понравилось в «ПИОНЕРЕ» и почему? Только уговор: писать честно и откровенно.

4. Что тебе хочется прочитать в «ПИОНЕРЕ» в будущем году? С какими писателями, художниками, учеными, спортсменами тебе хочется встретиться на страницах журнала?

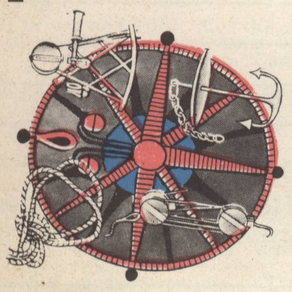
5. Не забудь написать:
Сколько тебе лет?
В каком классе ты учишься?
Мальчик ты или девочка?
Где ты живешь: в городе или в селе?

Твои ответы на ... очень нам пом... работе. Присыла... редакцию до ... февраля. На ... **обязательно** сде... метку «АНКЕТА...

Хочу стать речником

В восьмом номере нашего журнала за этот год была напечатана заметка «Хочешь стать речником?».

Заметка маленькая, а писем на нее слетелась целая стая. Оказывается, очень многие наши читатели хотят стать речниками.

Много писем — много вопросов... Что нужно для того, чтоб поступить в училище? Прежде всего хорошее здоровье, в особенности зрение и слух. А еще все те документы, которые вообще необходимы для поступления в техникум. Какие экзамены? Математика, диктант. И желательно, чтоб средний школьный балл у тебя был получше. Начинаются экзамены в августе. Срок учебы? Три года семь месяцев для восьмиклассников. Для окончивших десятилетку — на год меньше. А со скольких лет берут в речники? Поступать в училище ты имеешь право, если к 1 мая 1973 года тебе будет не менее пятнадцати лет.

Много писем к нам пришло от ребят. Но едва ли меньше от девочек! С ними разговор у нас особый. Мы специально консультировались в Министерстве речного флота РСФСР. Вот что нам сказали:

— Да, принимаем и девочек. В Казанское училище, на бухгалтерское отделение...

— А другие специальности? — спрашиваем мы.

— Это труднее. Все-таки работа речника не из легких. Мужская работа.

— Ну, а если уж очень хочется?.. Например, у нас много писем: девочки хотят стать радистами.

— Сперва им надо поработать на реке, в порту. Доказать себе и другим, что они справятся с трудной, мужской работой. И потом могут поступать в те же училища на заочное отделение.

— Значит, мечту терять не стоит?

— Конечно, нет!..

А теперь адреса некоторых училищ: г. Астрахань, ул. Розы Люксембург, дом 6/14; г. Горький, ул. Лядова, 6; г. Красноярск, Якорный пер., 3; г. Ленинград, Л-35, Межевой канал, 6; г. Новосибирск, ул. Мичурина, 2; г. Омск, ул. Рабфаковская, 1; г. Пермь-60, ул. Гагарина, 33; г. Ростов-на-Дону, Театральный пр., 46; г. Казань-30, Передняя ул., 5; Москва, М-407, Нагатинская ул., 68, корп. 2.

ВСЕМ БУДУЩИМ РЕЧНИКАМ «ПИОНЕР» ЖЕЛАЕТ УДАЧИ И ТРИ ФУТА ПОД КИЛЕМ!

Ответы на задачи из № 12

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

Молчаливый свидетель

Если бы зеленый карандаш уезжал на неделю, его собака Клякса вела бы себя совсем иначе.

МАРКОБУСЫ

Марки, которые вы должны были отгадать, выпущены: 1. В Танзании. 2. В Италии. 3. В Дагомее.

СОДЕРЖАНИЕ

...ке:

...лый хоровод ребят в национальных костюмах нашей ...ны ведет Калинка.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101 459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Макет **К. М. ВЫСОЦКОЙ.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 28/IX 1972 г. А 11098. Подписано к печати 31/X 1972 г. Формат 84Х60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2522. Заказ № 3662.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Золотые ключики

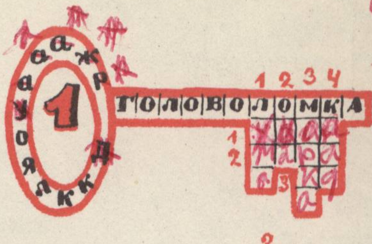
С каждым днем в нашей «Палате» все больше и больше интересных экспонатов. Мы ими очень дорожим. Но самые драгоценные наши сокровища — это ваши письма.

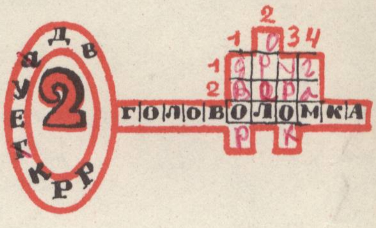
Мы всегда внимательно читаем каждое письмо, чтобы узнать, какие игры вам понравились, с какими вам не удалось справиться.

Письма мы храним в сейфе, запираем его двумя золотыми ключами. Дед Буквоед сделал ключи очень хитроумно, и открыть сейф не так просто. Вот попробуйте сами.

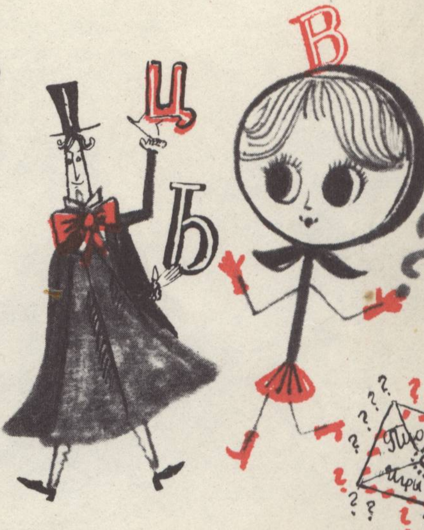
Буквы с кольца ключа перенесите на бородку так, чтобы по горизонталям и вертикалям у вас получились разные слова, — только тогда ключ подойдет к сейфу.

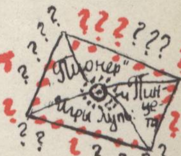
С лучшими пожеланиями Дед Буквоед,
капитан Перо, Лупа и Пинцет.

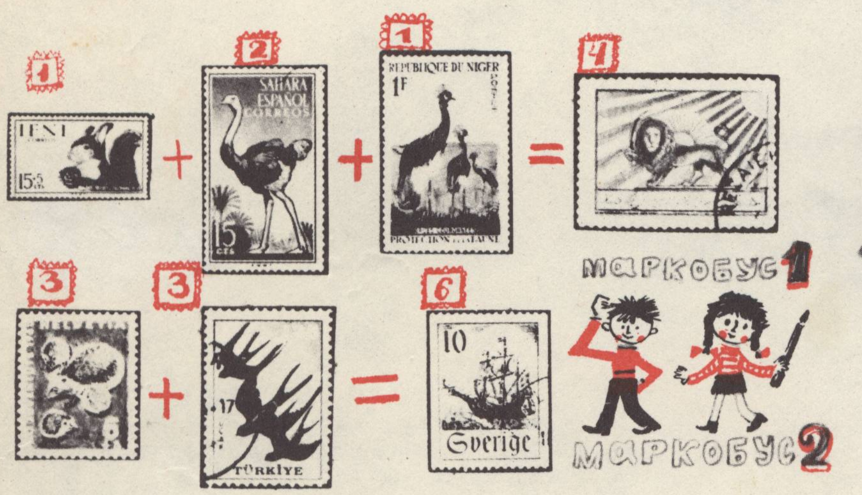

Игры Лупы и Пинцета

Из записной книжки Живживки

Учитель.— Петров, перед тем, как сдать контрольную, проверь ее хорошенько, ты очень невнимательный.

Петров в конце урока.— Я проверил задачи десять раз, и вот мои десять решений.

Коля отдает учителю чистый лист бумаги.
Учитель. — Ты не решил ни одной задачи?
Коля.— Я все их решил в уме.

Володя сидел на берегу реки около парома и удил рыбу. К нему подошел паромщик. Володя с тревогой спросил:

— Здесь запрещается ловить рыбу? Надеюсь, это не будет преступлением?

— Нет, это будет просто чудо,— ответил паромщик.

Ответы на задачи из № 9

Записки капитана ПЕРО-86

ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Циркуль обманул капитана Перо. Он уходил за мороженым. И на первом и на последнем рисунках стаканчик с мороженым полон.

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА

1. Собака. 2. Шар. 3. Цыпленок. 4. Мрак.

Игры Лупы и Пинцета

МАРКОБУСЫ

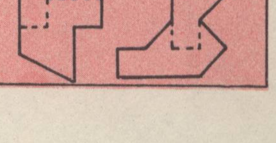
1. Индия. 2. Уругвай. 3. Корея.

Задачу «По следам слонов» все ребята решили правильно.

Из газет и журналов будущего

МАРСИАНСКИЕ ПРЯНИКИ

Вот так нужно разрезать пряники:

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Турнир Дворцов пионеров

Во время осенних каникул произойдет еще одно важное событие — турнир команд шести Дворцов пионеров, посвященный 50-летию Всесоюзной пионерской организации. Шахматисты Московского, Ленинградского, Тбилисского, Киевского, Рижского и Челябинского Дворцов будут бороться за приз ЦК ВЛКСМ.

А кто поведет в бой команды? Гроссмейстеры, начинавшие свой спортивный путь в пионерских соревнованиях этих городов.

Шесть капитанов, шесть выдающихся шахматистов. В. Смыслов — лидер команды москвичей, Б. Спасский — ленинградцев, Т. Петросян возглавит команду тбилисцев, Д. Бронштейн — ребят из столицы Украины, М. Таль — команду Риги, А. Карпов — Челябинска.

Пешкин скоро отправится на этот турнир.

Ждите его сообщений в следующих номерах журнала.

Эти фотографии сделаны в латвийском городе Лиепая на финише соревнований клуба «Белая ладья». На одной из них вы видите Иру Джумаеву, которая хорошо играла в команде бухарской школы № 61, на второй — сеанс одновременной игры гроссмейстеров М. Таля и Ю. Авербаха для участников финала.

Что за ладья плывет по волнам? Это приз «Пионера», который Пешкин вручит команде, показавшей в турнире «Белая ладья» стойкость в борьбе и волю к победе.